

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Информационный сборник
Выпуск № 17

Москва
2010

Министерство культуры Российской Федерации

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
имени Д.С. Лихачёва

НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Информационный сборник
Выпуск № 17*

Издание осуществляется с 1995 года

Москва 2010

ББК 79
Н 31

Научный редактор: *П.М. Шульгин*

Коллектив авторов: *А.А. Буторин, Ю.А. Веденин, Н.М. Ведерникова, О.Н. Глазунова, И.Г. Иванова, В.Н. Калуцков, В.Р. Крогус, М.Е. Кулешова, Н.В. Макасовский, О.Е. Штеле, П.М. Шульгин*

Наследие и современность. Информационный сборник. Вып. 17.— М.: Институт Наследия, 2010.— 248 с. ISBN 978-5-86443-169-6

Очередной выпуск из серии сборников «Наследие и современность» посвящен проблемам изучения и сохранения культурных ландшафтов. Рассматриваются методические вопросы сохранения, реконструкции культурного ландшафта, управления историко-культурными территориями. На примере российских объектов Всемирного культурного и природного наследия показаны проблемные ситуации в сфере выявления наследия и его охраны. Проанализирован российский опыт выявления достопримечательных мест как относительно нового явления в практике сохранения национального культурного наследия и даны рекомендации по их паспортизации. Приведены результаты региональных исследований историко-культурных территорий, в частности, предложения по развитию Болгарского музея-заповедника в Республике Татарстан, основанные на сохранении здесь уникального культурно-ландшафтного комплекса; примеры ландшафтно-этнографического подхода к изучению пушкинских мест в Михайловском и мест, связанных с действием романа М. Шолохова «Тихий Дон».

Приведены новые официальные документы по тематике сохранения культурных ландшафтов: переведенное на русский язык «Руководство по применению европейской конвенции о ландшафтах» и рекомендации Совета Федерации, подготовленные в результате слушаний на тему «Исторические территории как объект наследия: законодательные и управленческие аспекты».

ISBN 978-5-86443-169-6

© Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, 2010

Ю.А. ВЕДЕНИН,
докт. геогр. наук, профессор

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И РЕКОНСТРУКЦИИ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

1. Определение основных понятий. В статье 40 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» раскрывается содержание понятия «сохранение объекта культурного наследия». Оно определяется как некоторый набор видов деятельности, направленных «на обеспечение физической сохранности объекта культурного наследия». Это «ремонтно-реставрационные работы, в том числе консервация объекта культурного наследия, ремонт памятника, реставрация памятника или ансамбля, приспособление объекта культурного наследия для современного использования, а также научно-исследовательские, изыскательские, проектные и производственные работы, научно-методическое руководство, технический и авторский надзор». Таким образом, сохранение объекта наследия включает такие виды деятельности как консервация, ремонт, реставрация и приспособление. Все они, в основном, сориентированы на сохранение архитектурных памятников или других инженерных сооружений, обладающих научной или художественной ценностью. При этом возникает вопрос, насколько всё это может быть использовано для сохранения достопримечательных мест, в том числе культурных ландшафтов, а также объектов садово-паркового искусства и ландшафтной архитектуры.

Отличие от зданий и других сооружений, относящихся к недвижимым объектам наследия, культурный ландшафт является сложной, постоянно развивающейся геосистемой. Эта система находится в динамическом равновесии. **В качестве компонентов культурного ландшафта выступают: естественная и преобразованная человеком природа, материальные и нематериальные творения человеческой деятельности, в том числе и разнообразные технологии — социальные, хозяйственные и культур-**

ные, а также образы ландшафта и его отдельные фрагменты, сформировавшиеся в научной, художественной, религиозной и социальной среде и вошедшие в обыденный мир значительной части населения. Культурный ландшафт может быть признан объектом наследия, если он обладает существенной историко-культурной, научной и художественной ценностью. **Культурный ландшафт — объект наследия — определяется как созданная и сохранённая нашими предшественниками система материальных и нематериальных ценностей, универсальная значимость которых не только признана современным обществом, но и рассматривается им как необходимое условие для жизни будущих поколений** (Культурный ландшафт как объект наследия, 2004).

В контексте обсуждаемой нами проблемы следует учитывать специфические особенности культурного ландшафта, коренным образом отличающие его от архитектурных и археологических памятников, других объектов недвижимого материального наследия. Среди этих особенностей следует особо выделить комплексность, территориальность и динамичность ландшафта, наличие в его составе живых материальных объектов — представителей животного и растительного мира, а также традиционных видов и форм деятельности человека, образцов нематериальной культуры, разнообразных ассоциаций, символов, топонимов и т.д. Это, естественно, накладывает отпечаток на содержание сферы сохранения культурного ландшафта как объекта наследия. В связи с этим нам хотелось бы рассмотреть ряд понятий, как уже используемых и нашедших отражение в законодательных и нормативных актах, так и не включённых в эти и другие документы, но чрезвычайно актуальных в области сохранения культурных ландшафтов. Кроме того, мы хотели особо остановиться на вопросах реконструкции ландшафта — деятельности, связанной с его воссозданием и использованием.

1. В основу отношения к сохранению объектов культурного наследия должно быть положено бережное отношение к ним в течение всего времени их существования. Отсюда вытекает актуальность введения в систему работ, связанных с сохранением наследия, деятельности направленной на **поддержание** объекта. Сопредседатель российско-норвежской группы по сохранению культурного наследия Даг Миклебуст соотносит это понятие с английским термином «maintenance» (The Norwegian-Russian cultural

heritage co-operation..., 2008). Смысл термина «maintenance» — исправлять заранее, до возникновения проблем, угрожающих сохранности памятника. Например, забивать обратно гвозди, которые высовываются из досок стен, или ликвидировать течь, как только она обнаруживается.

Поддержание культурного ландшафта рассматривается нами как комплекс работ, направленных на проведение мониторинга за состоянием культурного ландшафта и текущий уход за ним. Главную роль в поддержании стабильности ландшафта как динамически равновесной системы играет своевременное предупреждение или устранение разнообразных и постоянно возникающих негативных явлений, отрицательно сказывающихся на его ценности как объекта культурного наследия. Особое внимание следует обратить на предотвращение различных форм загрязнения окружающей среды, на сохранение пространственной структуры ландшафта, в частности, предупреждение процесса зарастания лугов и пашен, исчезновения озёр и прудов, застройки внутригородских пространств — площадей, парковых массивов, пойменных лугов. Важное значение имеет также текущий ремонт отдельных сооружений, входящих в состав историко-культурного ландшафта, поддержание жизнеобеспечения отдельных людей или коллективов — носителей традиционной культуры. Кроме того, следует учитывать и возможность принятия мер, необходимых для того, чтобы приостановить процесс деградации нематериальной культуры.

2. В России в рамках законодательства и практической деятельности самое серьёзное внимание обращается на понятие «консервация». Это же понятие является базовым и в международном законодательстве. Напомним, что в Венецианской хартии под консервацией понимается, прежде всего, постоянство ухода за объектами культурного наследия, то есть фактически консервация приравнивается к «поддержанию» или «эксплуатационному уходу». В Российском законе консервация рассматривается как комплекс работ, проводимых в целях предотвращения ухудшения состояния объекта культурного наследия, без изменения дошедшего до настоящего времени облика указанного объекта, включающих, в том числе, противоаварийные работы. Однако в практической деятельности объектом консервации в России чаще всего становятся здания, разрушенные, руинированные или находящиеся под угрозой деградации. Очевидно, что именно поэтому в

отечественном законе проведение противоаварийных работ относят к консервации.

В отношении культурных ландшафтов, на наш взгляд, более целесообразно использовать понятие **купирование**.

Купирование ландшафта определяется нами как комплекс работ, направленных на прекращение или замедление процессов, связанных с деградацией и ухудшением состояния ландшафта без изменения дошедшего до настоящего времени его облика и других свойств, определяющих его ценность как объекта культурного наследия. Этот термин широко используется в медицине и определяется как действие, направленное на локализацию и пресечение очага воспаления, боли, позволяющее прервать болезнь. Вместе с тем, следует иметь в виду, что многие из этих мероприятий должны проводиться в процессе поддержания ландшафта, на уровне осуществления превентивных мер, когда эти негативные процессы ещё только начались. Купирование ландшафта предполагает, в первую очередь, проведение комплекса работ, позволяющих остановить или ограничить распространение деградационных процессов, угрожающих самому существованию ландшафта как объекта наследия.

3. Реставрация является важнейшим этапом в системе действий по сохранению наследия. В Венецианской хартии говорится о том, что цель реставрации — «сохранение и выявление эстетических и исторических ценностей памятника. Она основывается на уважении подлинности материала и достоверности документов. Реставрация прекращается там, где начинается гипотеза...»

В Федеральном законе 2002 года об объектах культурного наследия реставрация определяется как комплекс работ, «проводимых в целях выявления и сохранности историко-культурной ценности объекта культурного наследия». Эта формулировка фактически повторяет Венецианскую хартию; вместе с тем, в ней нет указания на необходимость сохранения подлинности как основного признака объекта наследия.

С этой же ситуацией мы сталкиваемся и в ряде других стран, когда деятельность по реставрации рассматривается вне представления об актуальности сохранения историко-культурной ценности и подлинности памятника. Так, например, в американских стандартах «под реставрацией понимается

действие или процесс точного воспроизведения формы, элементов и характера объекта в том виде, который он имел в течение определённого периода времени, посредством удаления добавленных в другое время элементов, а также реконструкции отсутствующих элементов, имевших место в течение заданного периода» (Уикс, Гримёр, 2008). Фактически в этом документе реставрация рассматривается как процесс удаления более поздних наслоений и воспроизведения отсутствующих элементов посредством исторической реконструкции. При этом нигде не говорится о необходимости максимального сохранения подлинных элементов памятника и не указывается, где проходит граница между реставрацией и реконструкцией памятника как целостного образования и чем определяется ценность памятника как свидетеля определённых историко-культурных процессов. Этим пользуются многие чиновники, ответственные за сохранение наследия. В частности, в Москве широкое распространение получила практика уничтожения подлинных памятников и создания на этом месте их копий или макетов. Существует даже термин — воссоздание реставрационными методами. Как пишет Н.О. Душкина: «По сути дела, у нас выработан варварский метод "поддержания" национального наследия через снос подлинного памятника и его последующее "воссоздание"» (Сохраним памятники культуры. М., 2009. С. 13).

Реставрация культурного ландшафта определяется как комплекс работ, проводимых в целях выявления подлинных, укрепления и восстановления обветшавших или изменённых фрагментов и элементов ландшафта на основе натурных исследований, исторических документов или аналогов при сохранении его подлинности и целостности как объекта наследия. Подлинность ландшафта — это высокая степень сохранности всего спектра исторических пластов, характеризующих ход его развития. Поэтому сохранение подлинного ландшафта предполагает бережное отношение не только к тем свойствам и элементам ландшафта, которые относятся к начальному этапу его формирования или периоду его расцвета, но и к более поздним временам, свидетельствующим обо всех дополнениях и преобразованиях, происходивших в течение всей его долгой истории, как под влиянием естественных природных процессов, так и творческой преобразовательной деятельности человека. Это позволяет сохранить всё многообразие стилей, интересов и

вкусов людей, в разное время живших на территории ландшафта и принимавших участие в его формировании и развитии. Целостность ландшафта предполагает сохранность его пространственно-временной структуры, всего многообразия его семантики. Очень часто к реставрации ландшафта относят деятельность по воссозданию объектов. В этом случае на месте дошедшего до наших дней ландшафта или объекта садово-паркового искусства создаётся копия или версия парка или усадебного комплекса, существовавшего на этом месте много лет тому назад. Однако мы считаем, что такого рода деятельность не входит в комплекс работ по сохранению наследия и должна рассматриваться как его реконструкция.

4. Приспособление объекта наследия. В Федеральном законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» приспособление памятника определяется как комплекс работ, проводимых «в целях создания условий для современного использования объекта культурного наследия без изменения его особенностей, составляющих предмет охраны, в том числе реставрация представляющих собой историко-культурную ценность элементов объекта культурного наследия». Очевидно, что на практике приспособление объекта наследия для новых функций может не совпадать с требованиями, связанными с сохранением аутентичности и целостности памятника. Как известно, приспособление памятника весьма часто ведёт к необходимости внедрения новых элементов, как например, прокладка новых дорог, развитие инфраструктуры, благоустройство поселений и т.д. В этом случае происходят существенные изменения, нередко затрагивающие сам предмет охраны, что может привести к потере историко-культурной ценности памятника.

Приспособление культурного ландшафта в зависимости от его ценности как объекта наследия может осуществляться на основе трёх разных подходов:

— *адаптация деятельности и связанных с ней режимов и регламентов к свойствам культурного ландшафта как объекта наследия.* Это предполагает минимальное вторжение в исторически достоверную и подлинную ткань ландшафта. Наиболее предпочтительным является продолжение или восстановление традиционных функций ландшафта в их качественном и количественном аспекте;

- *адаптация культурного ландшафта к новым функциям*, что предполагает проведение элементарного, функционально оправданного, благоустройства ландшафта, строительство необходимых в функциональном отношении сооружений, не оказывающих значительных отрицательных воздействий на качество ландшафта как объекта наследия;
- *коренное переустройство или функциональная реконструкция ландшафта* как комплекс работ, проводимых в целях приведения ландшафта в соответствие с его новыми функциями. Это требует значительных преобразований и структурных изменений, как в самом ландшафте, так и в его отдельных элементах: формирования инфраструктуры, нового строительства, масштабного благоустройства территории и т.д.; всё это влияет на степень выраженности подлинности и целостности ландшафта, других его свойств как объекта наследия. С точки зрения нематериального компонента культурного ландшафта к функциональной реконструкции может быть отнесено формирование «квазинародного» хора или танцевального коллектива, ориентированных на обслуживание туристов и поэтому адаптированных к этим новым функциям, на воссоздание мастерских, производящих сувенирную продукцию, но на основе традиционных форм и декора.

5. Реконструкция объекта наследия, по нашему мнению, не входит в систему основных видов деятельности, направленных на сохранение наследия.

Тем не менее, в некоторых национальных законодательных актах и нормативных документах этой теме посвящены специальные статьи. В частности, в американских стандартах под реконструкцией понимается «действие или процесс отображения с помощью нового строительства формы, элементов и деталей, не дошедших до наших дней участка, ландшафта, здания, структуры или объекта с целью воссоздания их внешнего вида в определённый период времени и в историческом местоположении» (Уикс, Гример, 2008).

Однако данное определение не является, на наш взгляд, достаточно полным, поскольку в нём не учитывается многозначность этого понятия, при использовании его в российской практике.

Следует иметь в виду, что реконструкция объекта наследия может рассматриваться, во-первых, как воссоздание (восстановление) утраченного объекта, во-вторых, как коренное переустройство или перестройка существующего объекта наследия.

Реконструкция как воссоздание объекта наследия. В Федеральном законе «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ» воссоздание относится к одному из видов реставрации, что на наш взгляд, неправомерно. Более правильно рассматривать воссоздание как **создание исторически достоверной копии утраченного объекта наследия** на основе исторических документов, сохранившихся фрагментов (элементов) или аналогов.

При этом степень достоверности может быть разной и ориентироваться как на использование исторически достоверных материалов, так и современных их имитаций, повторяющих по своей внешней форме утраченные подлинники.

Реконструкция как переустройство или перестройка. Наиболее часто в процессе реконструкции убираются более поздние наслоения, меняется сам стиль объекта наследия, в частности, сооружение перестраивается в соответствии с более древними, в значительной степени уже утраченными формами.

Мы уже говорили о том, что в процессе реставрации очень часто приходится иметь дело и с воссозданием утраченных элементов или фрагментов объекта. Однако в процессе реставрации этот вид деятельности распространяется лишь на малую часть такого рода элементов и фрагментов.

Следует также иметь в виду, что проблема реконструкции очень часто обусловлена стремлением к достижению целостности объекта наследия; именно поэтому воссоздаются утраченные детали, формы, фрагменты объекта. При этом, естественно, заметно снижается доля подлинных элементов.

Говоря о **реконструкции культурного ландшафта** можно выделить два её типа: историческую и мифологическую.

Историческая реконструкция осуществляется на основе документов, исследований или аналогов. В процессе исторической реконструкции происходит освобождение ландшафта от более поздних по отношению к принятой

дате наслоений и его регенерация, то есть воссоздание утраченных свойств, фрагментов и элементов культурного ландшафта. Для этого восстанавливается исторически достоверная по отношению к определённой дате пространственно-объёмная структура ландшафта; на основании историко-культурного анализа определяются видовые точки и раскрывающиеся с них пейзажи и панорамы, подчёркиваются основные свойства и характер исторической застройки. Созданный в результате этих работ ландшафт обладает определённой достоверностью, но теряет свою подлинность. Вместе с тем, мы хорошо знаем, что возможны и такие ситуации, когда объекты наследия, разрушенные в результате тех или иных трагических событий, были восстановлены и затем вошли в список объектов Всемирного культурного наследия. Экспертами была признана высокая степень достоверности воссоздания наследия и высокая степень значимости этого действия как противостояния разрушительным силам войны. К таким объектам относятся возрождённый исторический центр Варшавы и дворцово-парковые ансамбли пригородов Санкт-Петербурга. При исторической реконструкции традиционной культуры как одного из компонентов ландшафта особое внимание уделяется воссозданию на основе аналогов и документов песенного и танцевального фольклора, исторических ремёсел.

Мифологическая реконструкция культурного ландшафта предполагает его выявление и переустройство на основе сложившегося в памяти людей представления об его историческом образе, в основе которого лежит мифология, воплощённая в произведениях искусства, народных легендах или домыслах сочинителей. Типичным примером такого ландшафта может служить поле сражения при Босворте в Англии, где сошлись войска Ричарда III и Генриха VII. При определении места поля сражения и формировании культурного ландшафта его устроители исходили, прежде всего, из трагедии В. Шекспира «Ричард III» и народных легенд, а не из достоверных и научно аргументированных исторических документов. Другой пример относится к воссозданию многих дворянских усадеб, имеющих мемориальную ценность. Среди них усадьбы, связанные с именем Пушкина — Михайловское, Петровское и Тригорское, Новоспасское Глинки, Шахматово, где был создан музей Блока и многие другие. При восстановлении этих и некоторых других утраченных усадеб нередко приходилось опираться на воспоминания со-

временников, которые, греша порой определёнными неточностями, в то же время весьма эмоционально и художественно описывали мир этих усадеб.

В процессе сохранения ландшафта на одном и том же объекте могут осуществляться самые разные виды деятельности. Вместе с тем, очевидно, что культурный ландшафт может сохранить свою принадлежность к объектам наследия только в том случае, если доминирующая роль в процессе его сохранения будет принадлежать *консервации, купированию и приспособлению* в форме адаптации деятельности к свойствам исторического ландшафта. Очевидно, что в процессе реконструкции культурный ландшафт теряет свои свойства, позволяющие рассматривать этот ландшафт в качестве объекта культурного наследия. Это касается в первую очередь «образной» и функциональной реконструкции. Однако и в процессе исторической реконструкции ценность ландшафта как объекта наследия в значительной степени девальвируется.

II. Критерии историко-культурной ценности ландшафта. Для разработки целенаправленной системы мероприятий, связанных с сохранением культурного ландшафта как объекта наследия, необходимо определить основные критерии его ценности с учётом его типологического разнообразия. Имеется в виду деление ландшафта в соответствии с документами ЮНЕСКО на три типа: созданные по замыслу автора — архитектора, садовника, художника, инженера и т.д.; естественно сформировавшиеся; ассоциативные (*Operational Guidelines...*, 1989).

В основу этих критериев должны быть положены уже имеющиеся разработки, зафиксированные в «*Operational Guidelines ...*» и относящиеся к объектам культурного и природного наследия.

Важнейшими характеристиками ландшафта как объекта наследия являются его подлинность и целостность.

Представление о подлинности культурного ландшафта. Как известно, культурный ландшафт — объект наследия — формируется и развивается в течение длительного исторического периода. Поэтому отнести его к чётко определённому временному периоду можно лишь с большой долей условности. Уместно напомнить некоторые высказывания на эту тему Дмитрия Сергеевича Лихачёва. «Отношение к прошлому может быть двух родов: как к некоторому зрелищу, театру, представлению, декорации и как

к документу. Первое отношение стремится воспроизвести прошлое, возродить его зрительный образ. Второе стремится сохранить прошлое хотя бы в его частичных остатках... Первое говорит: таким он (парк. — Ю.В.) выглядел; второе свидетельствует: это тот самый, он был, может, не таким, но это подлинно тот, это те липы, те садовые строения, те самые скульптуры... Первое будет требовать: только одна эпоха — эпоха создания парка, или его расцвета, или чем-либо знаменательная. Второе скажет: пусть живут все эпохи, так или иначе знаменательные, ценна вся жизнь парка целиком, ценны воспоминания о различных эпохах и о различных поэтах, воспевших эти места, — и от реставрации потребуют не восстановления, а сохранения...»¹.

Дмитрий Сергеевич являлся явным сторонником именно второго подхода к сохранению объектов ландшафтной архитектуры. Это относится и к другим видам культурного ландшафта. И он очень чётко определяет свою позицию. «Да, вы поняли меня правильно: я на стороне второго отношения к памятникам прошлого. И не только потому, что второе отношение шире, терпимее и осторожнее, менее самоуверенно и оставляет больше природе, заставляя уважительно отступать внимательного человека, но и потому ещё, что оно требует от человека большего воображения, большей творческой активности. Восприятие памятника искусства только тогда полноценно, когда оно мысленно воссоздаёт, творит вместе с творцом, исполнено историческими ассоциациями»².

В соответствии с этими общими положениями нами были сформулированы *критерии подлинности ландшафта для различных его типов*.

Ландшафт, созданный по замыслу человека, должен обладать достаточным набором исторически достоверных свидетельств авторского замысла, сохранять сложившийся в течение длительного периода своего развития исторически достоверный характер планировки, соотношение открытых и закрытых пространств, вертикальную композицию, рисунок гидрологической сети, пластику рельефа и особенности его взаимоотношения с растительностью и застройкой.

¹ Лихачёв Д.С. Русская культура: сборник. М.: Искусство, 2000. С. 178.

² Там же.

Естественно сформировавшийся ландшафт должен обладать исторически достоверными свидетельствами хода эволюционных процессов, происходивших в результате взаимодействия человека с окружающей средой.

Ассоциативный ландшафт должен обладать достаточным набором исторически достоверных или вошедших в легенды и мифы свидетельств событий или явлений, получивших общественное признание и послуживших базой для выделения данного ландшафта в качестве объекта наследия. Это могут быть специфические для той или иной этнической, конфессиональной или социальной общности формы обустройства обжитого ими пространства, культуры природопользования, отражение среды обитания в системе материальных и нематериальных ценностей.

Представление о целостности первоначально было связано с природными ландшафтами и другими объектами природного наследия. Тем самым подчёркивались специфические свойства природных объектов как некоей геосистемы, состоящей из взаимосвязанных между собой компонентов и элементов, обладающей достаточной территорией, обеспечивающей их защищённость от возможных отрицательных воздействий. Представление о целостности культурного ландшафта предполагает наличие единой территории, объединяющей множество взаимосвязанных объектов и явлений, обеспечивающих максимально возможное раскрытие содержания ландшафта как культурно-природного феномена, его системное восприятие и сохранность как комплексного объекта наследия. Целостность культурного ландшафта как объекта наследия может быть достигнута только при отсутствии инновационных элементов, разрушающих историческую ткань ландшафта как объекта наследия, мешающих его восприятию как единого историко-культурного и природного комплекса. Соответственно, были предложены следующие критерии целостности ландшафта.

Ландшафт, созданный по замыслу человека, должен обладать территорией, позволяющей в максимально возможной полноте и разнообразии передавать авторский замысел и последующие целенаправленные преобразования и дополнения, относящиеся к истории развития данного ландшафта, а также обеспечить его сохранность.

Естественно сформировавшийся ландшафт должен обладать достаточной территорией и набором элементов, позволяющих представить во всей полноте ход и результаты его эволюции, обусловленной жизнедеятельностью определённой этнокультурной или конфессиональной общности (сохранившейся до наших дней или исчезнувшей) и особенностями её взаимодействия с окружающей средой, а также обеспечить сохранность ландшафта как объекта наследия.

Ассоциативный ландшафт должен обладать достаточной территорией и набором элементов для того, чтобы охватить все сохранившиеся до наших дней объекты, хранящие память об историческом, художественном или сакральном событии или явлении, послужившем поводом для включения данного ландшафта в список объектов наследия, а также обеспечить их сохранность.

III. Методы сохранения культурного ландшафта. Методы сохранения культурного ландшафта ещё только начинают формироваться. Несколько иная ситуация сложилась в области сохранения парковых ландшафтов, где накоплен довольно обширный опыт поддержания и исторической реконструкции объектов садово-паркового искусства. Что же касается ассоциативных и естественно сформировавшихся ландшафтов, то методы их сохранения всё ещё не разработаны, и мы находимся фактически на самом начальном этапе этого пути.

В данной статье мы хотели бы привести несколько примеров использования такого рода методов, которые были бы важны для всех типов ландшафта.

Метод сохранения культурных ландшафтов на основе учёта взаимодействия естественных процессов и традиционной человеческой деятельности. Культурный ландшафт как объект наследия формируется в результате сотворчества человека и природы. Соответственно при разработке методов сохранения ландшафта необходимо учитывать оба эти фактора. Благодаря их действию ландшафт постоянно меняется; при этом он испытывает как сезонные, так и длительные многолетние трансформации. Так, например, невозможно сохранить все преобразования, которые были осуществлены в процессе формирования и дальнейшего развития среды обитания этноса, при создании парка или во время какого-то кратковре-

менного события, например, сражения, поскольку продолжающиеся во все последующие времена природные процессы и хозяйственная деятельность коренным образом изменили этот ландшафт. Менялись технологии природопользования и производства, применялись самые разнообразные архитектурные и художественные стили при строительстве новых зданий и их обустройстве, благоустройстве близлежащих территорий и создании садов и парков. В культурном ландшафте за длительное время его существования образовалось множество слоёв, по которым, как на спилах деревьев, можно прочесть всю историю формирования ландшафта. Каждый из этих слоёв обладает определённой самоценностью. При этом необходимо понимать, что многие из этих слоёв дошли до нас в сильно изменённом виде; некоторые слои почти полностью исчезли. Однако очень многое сохранилось. Поэтому одновременно с осмыслением и пониманием неизбежности изменений, происходящих в ландшафте, и даже потерь большей части свидетелей произошедших событий, необходимо иметь в виду, что история ландшафта, его прошлое могут быть сохранены и продемонстрированы публике, прежде всего, с помощью подлинных носителей исторической информации. Но для этого необходимо научиться считывать историю развития ландшафта, находить такие объекты в натуре. Именно они и должны быть продемонстрированы современной публике. Так, например, на Бородинском поле роль таких объектов выполняют поля, холмы, долины рек, пейзажи, упоминаемые в исторических документах, в художественных произведениях, посвящённых событиям 1812 года, их исторические названия.

Вместе с тем, возможно и воссоздание отдельных сооружений и строений, которые были здесь в прошлом и с помощью которых можно проиллюстрировать характер происходивших в эти годы событий. Они должны входить в современный ландшафт в виде своеобразных реплик, напоминающих о том, что здесь когда-то было. Именно поэтому на том же Бородинском поле восстанавливается не вся система инженерных сооружений, построенная во время сражения 1812 года, а лишь отдельные её образцы — фрагменты флешей, редутов, окопы и т.д.

Самое же главное в процессе реставрации культурного ландшафта заключается не столько в сохранении и восстановлении его внешних форм, сколько в необходимости рассказать об исторической ценности ландшафта,

определившей сам факт отнесения его к объекту культурного наследия. Таким образом, среди основных вопросов, на которые необходимо найти ответ в процессе реставрации и приспособления культурного ландшафта — объекта наследия, следует выделить следующие: как относиться к эволюции ландшафта, как сохранить память о сложности и многообразии этого процесса и как рассказать об этом современному человеку?

Метод воссоздания утраченных элементов и фрагментов исторического культурного ландшафта. Проблема реставрации культурного ландшафта нередко связана с воссозданием различных объектов, некогда находившихся на его территории. Такими объектами могут быть архитектурные и инженерные сооружения (отдельные сооружения, здания, мосты, беседки и т.д.), природно-технические системы (пруды, водохранилища, террасные поля и т.д.), сакральные элементы и символы (кресты, часовни). Очевидно, что вновь воссозданные сооружения уже не могут рассматриваться как самоценные объекты наследия. Однако их роль в ландшафте как объекте наследия более высокого ранга остаётся весьма значительной, и поэтому их восстановление воспринимается как вполне правомерное действие. Так, например, при реставрации культурного ландшафта в границах Бородинского поля или на территории пушкинского музея-заповедника Михайловское, или музея-заповедника Хмелита А.С. Грибоедова нередко ставился вопрос о воссоздании утраченных усадебных комплексов, хозяйственных сооружений, мостиков или монастырских комплексов, культовых сооружений и т.д. Это обусловлено особой ролью этих объектов в организации ландшафтного пространства, поскольку очень часто именно они определяли своеобразие важнейших пейзажных панорам, открывавшихся от доминантных видовых точек; очевидно, что без них невозможно представить исторический образ ландшафта.

Одно из главных правил, которое, к сожалению, весьма часто нарушается и без выполнения которого невозможно реализовать данный метод, — это соблюдение чувства такта по отношению к сохранившемуся историческому культурному ландшафту. Ощущение соразмерности при определении баланса между подлинными фрагментами исторического культурного ландшафта и воссозданием его отдельных элементов — самая тонкая и самая деликатная часть работы при применении данного метода.

Точно такой же подход может быть применён к восстановлению нематериальной культуры. Чаще всего для этого используются методы исторической реконструкции утраченных образцов фольклора, народных промыслов с их традиционной технологией. Едва ли можно говорить об их ценности как подлинных объектов нематериального наследия, но их место в культурном ландшафте может быть весьма существенным и значимым.

Наряду с общими методами, относящимися ко всем типам ландшафта, можно выделить и другие, ориентированные, прежде всего, на сохранение и реконструкцию отдельных типов ландшафта.

В качестве примера рассмотрим несколько таких методов.

Метод формирования визуальных коридоров как способ восстановления пространственной структуры культурного ландшафта. Важнейшим композиционным элементом многих культурных ландшафтов является их пространственная организация. В настоящее время на территории многих культурных ландшафтов, особенно сельских, соотношение между открытыми и закрытыми пространствами претерпело коренные изменения. Наблюдается процесс сокращения открытых пространств. Это происходит главным образом за счёт зарастания полей, полян и лугов. Многие когда-то крупные открытые пространства полей и лугов превратились в мозаику отдельных, не связанных друг с другом небольших полянок. Воссоздание исторической пространственной структуры ландшафта может быть осуществлено через вырубку лесных массивов, образовавшихся на месте бывших открытых пространств. Однако на практике эти работы осуществить довольно затруднительно, поскольку произошедшие изменения слишком значительны; к тому же их реализация, как правило, не может опираться на полноценные исторические документы. Поэтому вызывает сомнения возможность воссоздания достоверной в историческом отношении пространственной структуры культурного ландшафта. На наш взгляд, более честно по отношению к истории и более тактично по отношению к современному ландшафту формировать визуальные коридоры, связывающие эти поляны друг с другом. При этом появляется возможность восстановить масштаб исторического культурного ландшафта, что позволяет, с одной стороны, показать ход эволюционных процессов, характерных для данного ландшафта, а с другой — обеспечить исторически достоверную систему

визуальных связей, дающую представление о масштабе и разнообразии его пространственной структуры.

Маршрутно-пейзажный метод наиболее всего приемлем для сохранения и реконструкции парковых и других ландшафтно-архитектурных объектов наследия. Ключевым моментом в реализации этого метода является определение порядка расположения и внутренней организации системы пейзажей, репрезентативных для восприятия пространственно-визуальной структуры исторического культурного ландшафта. В России одним из родоначальников этого метода, использовавшегося ещё в конце XVIII века, был замечательный русский агроном и паркостроитель А.Т. Болотов. В наше время этот метод, но уже для целей изучения закономерностей пространственной организации исторического паркового ландшафта, применил известный историк архитектуры Л.М. Тверской. В своей неопубликованной рукописи, посвящённой анализу композиции Парадного поля в Царском Селе, Л.М. Тверской показал эффективность рассмотрения архитектурно-ландшафтной композиции паркового ансамбля через последовательный анализ системы пейзажей, раскрывающихся во время прогулки по пешеходным дорожкам. Полученный в результате этого исследования материал является хорошей основой для дальнейшего мониторинга и последующей реставрации этого участка парка. Другой пример может быть приведён в связи с подготовленным проектом реставрации созданного А.Т. Болотовым парка в Богородицке. В данном случае этот метод может быть особенно эффективен, поскольку он был основан на сопоставлении рисунков А.Т. Болотова с реальными пейзажами, раскрывающимися сегодня с видовых точек, расположенных на прогулочной трассе, задуманной и созданной самим автором этого парка. Таким образом, в основу реставрации может быть положена авторская концепция садово-парковой композиции.

Методы сохранения семантики ландшафта. Для многих ассоциативных и естественно сформировавшихся ландшафтов одним из определяющих факторов выступает нематериальная культура, включающая как результаты, так и процессы интеллектуальной, духовной, хозяйственной, обыденной деятельности. Сохранение этой части ландшафта связано, прежде всего, с существованием живых носителей этой культуры, то есть с коренным местным населением, потомками людей, издавна живущих на этой

земле. Конечно, сегодня большая часть этой информации хранится в книгах, видео- и аудиозаписях, на других искусственных носителях. Естественно, что в этом случае нематериальная культура уже не может занимать ту нишу, которую она занимала раньше, и её значение в формировании культурного ландшафта становится менее заметным.

Важную роль в сохранении культурного слоя ландшафта играет топонимика, являющаяся связующим звеном между материальными и нематериальными компонентами ландшафта (Калуцков, 2008). Более того, именно топонимика становится сегодня одним из самых значительных источников, откуда современный человек может почерпнуть информацию об истории этой земли, о людях, которые когда-то населяли эти места. Всё это позволяет утверждать, что для сохранения культурного ландшафта как объекта наследия необходимо особенно бережно относиться к местной топонимике, осознавать истинную ценность исторических названий как крупных объектов, так и самых малых элементов ландшафта: урочищ, ручьёв, болот, полей и лугов.

Метод сохранения и восстановления звукового пространства и его иерархической структуры. Во многих культурных ландшафтах, связанных как с сельской народной культурой, так и с исторической городской средой, одну из определяющих ролей играет звуковой компонент (Андреева, 2000). Для традиционного сельского ландшафта характерны звуки народных песен, шум от работы сельскохозяйственных орудий, ветряных или водяных мельниц, голоса домашнего скота, звон колокольчика, привязанного к шее коровы и т.д. Городской ландшафт — это шуршание шин, грохот трамваев, голоса идущих по тротуарам людей. И всюду может звучать природа: шум дождя, шелест листьев, пение птиц, стрекотание кузнечиков. Звуковой ландшафт меняется в процессе исторического развития. Это особенно заметно проявляется в городском ландшафте: исчезли гудки фабрик, меняется характер песен, техника воспроизводства звука — от патефона до CD. Но что-то остаётся постоянным. И это не только природа. Это и голоса людей, музыка в концертных залах, где исполняются произведения композиторов, писавших свою музыку много лет тому назад.

Таким образом, в системе мер, направленных на сохранение и воссоздание культурного ландшафта — объекта наследия, проблема сохранения и

воссоздания звукового компонента имеет чрезвычайно важное значение. Особую актуальность эта проблема приобретает при организации музеев-заповедников. В качестве примера можно назвать музеи-заповедники, расположенные в малых городах (Суздаль, Ростов, Переславль-Залесский и т.д.), бывших усадьбах (Ясная Поляна, Спасское-Лутовиново, Хмелита и т.д.), исторических деревнях (Константиновское Есенина, разнообразные этнографические деревни). Это может быть и музей-заповедник, рассказывающий об истории промышленного предприятия (Баташёвские заводы в Выксе) и т.д.

Таким образом, очевидно, что проблема сохранения, воссоздания и реконструкции культурного ландшафта может быть решена при помощи самых разнообразных методов. Однако, главное, что должно оставаться неизменным — это стремление сохранить подлинность и целостность ландшафта, чувство такта при воссоздании утраченных памятников и формировании инфраструктуры, необходимой для современного человека, бережное отношение не только к материальным объектам, но и к нематериальной культуре.

Литература

- Андреева Е.Д. Звуковой ландшафт как реальный объект и исследовательская проблема // Экология культуры: альманах Института Наследия. М.: Институт Наследия, 2000. 216 с.
- Лихачёв Д.С. Русская культура: сборник. М.: Искусство, 2000. 440 с.
- Калуцкий В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.
- Культурный ландшафт как объект наследия. М.; Спб.: Д. Буланин, 2004. 620 с.
- Уикс К.Д., Гример Э.И. Сохранение, восстановление, реставрация и реконструкция исторических объектов. М.: Центр наследия, 2008. 240 с.
- Operational Guidelines for the Implement of the World Heritage Convention/ WHC. UNESCO, 1989.
- The Norwegian-Russian cultural heritage co-operation (1995–2008). Riksantikvaren, 2008. 125 p.

Н.В. МАКСАКОВСКИЙ,

канд. геогр. наук

В.Р. КРОГИУС,

канд. архитектуры

А.А. БУТОРИН

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ВСЕМИРНЫМ НАСЛЕДИЕМ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ

Уже почти 40 лет прошло с того времени, когда в 1972 г. Генеральная конференция ЮНЕСКО приняла Конвенцию «Об охране Всемирного культурного и природного наследия», и чуть более 30 лет — с начала формирования Списка Всемирного наследия. В этот престижный международный перечень, как это и установлено в Конвенции, включаются культурные, природные и культурно-природные объекты, обладающие «выдающейся универсальной ценностью». Список, ежегодно пополняемый решениями сессий Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО, к концу 2000-х гг. насчитывает уже 911 глобально значимых объектов в 151 стране мира, в том числе культурных — 704, природных — 180 и смешанных, то есть культурно-природных, — 27 (это значительно больше, чем предполагалось первоначально зачинателями всего процесса).

Российская Федерация, несмотря на несколько задержавшийся старт — первые объекты её Всемирного наследия появились в Списке ЮНЕСКО 20 лет назад, в 1990 г., заняла к настоящему времени достаточно почётное 9-е место в мире по числу включённых в этот Список объектов (их уже 24 — 15 культурных и 9 природных, смешанных объектов в России пока нет). Впереди нас только такие гранды мирового наследия, как «большая европейская пятерка» — Италия, Франция, Германия, Великобритания и Испания — и древнейшие хранители наследия многих тысячелетий — Индия, Китай и Мексика. А в Предварительном списке (Tentative List), представленном Россией в ЮНЕСКО, ожидают своей очереди ещё 25 культурных и природных объектов.

Учитывая этот количественный прогресс, казалось бы, можно пребывать в уверенности, что в России полностью разделяются принципы и широко применяются методы, реализуемые в системе формирования и управления Всемирным наследием. Эти принципы и методы основаны на предусмотренном Конвенцией 1972 г. сочетании уважения суверенитета и прав государств, обладающих объектами, представленными ими во Всемирном наследии, с признанием всеобщности этого наследия как достояния всего человечества, в охране которого может и должно сотрудничать всё мировое сообщество.

Однако, как показывает анализ двадцатилетней российской практики в этой сфере, дело существенно осложняется вследствие возникновения целого ряда проблем, касающихся непосредственного сохранения ценных объектов и территорий, как культурных, так и природных. Имеются в виду различные конфликты, возникающие в сфере охраны и управления такими объектами в России. А это и есть, по сути, два базовых компонента, «две стороны одной медали», две важнейших целевых установки всего процесса сохранения, если понимать его весьма широко — как комплекс самых разных мероприятий: правовых, финансовых, организационных, планировочных, инженерно-технических, научно-методических, учебно-просветительских, социальных и т.д.

Возникновение управленческих проблем объясняется, прежде всего, несоответствием российского национального законодательства и сложившейся у нас практики охраны объектов культурного и природного наследия глобальной значимости системе принятых ЮНЕСКО руководящих документов по применению Конвенции о Всемирном наследии и недостаточной готовностью приводить первое в соответствие со вторым.

При этом важно отметить, что сохранение объектов культурного наследия и природного наследия у нас в стране откровенно мало связано между собой по причине, прежде всего, сильной ведомственной разобщённости. Эта линия демаркации прослеживается как на уровне федеральных министерств (Минкультуры и Минприроды), так и на уровне отраслевых органов управления в регионах, а также на уровне специалистов разного профиля, подчас недостаточно понимающих друг друга.

Между тем при отсутствии должного управления наши объекты Всемирного наследия могут постепенно утратить свои ценные свойства, благодаря которым они и были занесены в Список ЮНЕСКО, может нарушиться их целостность и подлинность. Как следствие всего этого — наше национальное наследие понесёт невосполнимые утраты, будет также нанесён ущерб и престижу России как страны-участницы Конвенции о Всемирном наследии (невыполнение международных обязательств). Поэтому главные усилия в настоящее время должны быть, по нашему глубокому убеждению, направлены на как можно более эффективное управление уже статуйрованными объектами Всемирного наследия, на фоне очень критичного отбора новых кандидатов. Радость по поводу включения своего объекта в Список ЮНЕСКО должна сразу же дополняться настойчивой работой по его надёжному сохранению и бережному использованию.

Для совершенствования управления Всемирным наследием в России представляется крайне важным достичь досконального знания и практически овладеть методами и подходами к управлению таким наследием, рекомендованными ЮНЕСКО и официально консультирующими её, в соответствии с Конвенцией, международными организациями — ИКОМОС, МСОП и ИККРОМ. Это относится, прежде всего, к принятой Глобальной стратегии по формированию репрезентативного, сбалансированного и объективного Списка Всемирного наследия, к установкам по составлению Заключений относительно «выдающейся универсальной ценности» объектов, к требованиям по обеспечению их подлинности и целостности, к точной фиксации границ территории объектов и их буферных зон, к осуществлению непрерывного мониторинга состояния объектов и представлению в ЮНЕСКО его результатов и информации о всякой намечаемой хозяйственной деятельности на объектах и в их буферных зонах. Важно понимать, что все эти требования, могущие показаться на первый взгляд формальными, направлены на обеспечение гарантированного сохранения уникальных объектов Всемирного наследия, на недопущение потенциально угрожающих им опасностей. Пока же степень знания и овладения данными методами и подходами, в приложении ко всем организациям и специалистам, занятым управлением объектами Всемирного наследия в России, представляется явно недостаточной.

В этой связи особенно важным для российской стороны представляется чёткое следование «Рабочему руководству по выполнению Конвенции о Всемирном наследии» (Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention, последняя редакция — 2010 г.), которое более чем за 30 лет претерпело многократные переиздания с уточнениями и дополнениями, превратившись из скромного организационно-методического документа (28 параграфов) в обширный свод (290 параграфов плюс целый том приложений) самых разных установок и правил — своеобразную «конституцию» Всемирного наследия.

К проблеме управления объектами Всемирного наследия имеет отношение множество прописанных в этом Руководстве конкретных вопросов. Это, например, мониторинг, который позволяет отслеживать все изменения, происходящие на объекте Всемирного наследия, и соответственно корректировать управленческие действия (об особом типе — «реагирующем мониторинге» подробно говорится в специальном разделе IV Руководства). А подраздел II.F. этого документа (параграфы 96–119), названный «Охрана и менеджмент», непосредственно посвящён вопросам управления. В параграфе 97 отмечается, что «...все объекты, внесённые в Список Всемирного наследия, должны иметь адекватную долгосрочную учреждённую и/или традиционную охрану и менеджмент, законодательную и регулятивную базу, гарантирующие их сохранность». В параграфах 99–102 сформулированы основные принципы демаркации границ объектов на местности (культурных и природных — по разным соображениям). Параграфы 103–108 посвящены проблеме выделения буферных зон и необходимости разработки Планов Управления объектами. Наконец, в параграфе 119 указывается, что «...объекты Всемирного наследия можно продолжать использовать и предлагать различные виды использования, которые являются устойчивыми с точки зрения экологии и культуры».

Более детальные разработки отдельных аспектов сохранения объектов Всемирного наследия и управления ими содержатся в различных дополнительных («частных») документах, также составленных под эгидой Центра Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Так, по части культурного наследия, следует упомянуть изданный ИК-КРОМ в 1993 г. «Сборник руководящих документов по управлению объ-

ектами, являющимися Всемирным культурным наследием». Этот документ, составленный группой авторитетных международных экспертов, был переведён на русский язык и издан ничтожным тиражом в середине 1990-х гг., но остался мало известным большинству специалистов и не стал, к сожалению, действенным руководством в нашей памятникоохранной деятельности.

Результаты одного из первых капитальных исследований на тему использования территорий природного наследия — *Human Use Of World Heritage Natural Sites: A Global Overview* — были опубликованы в виде аналитического обзора МСОП в 1997 г. Это уникальная сводная база данных, где приведены сведения по развитию тех или иных видов хозяйственной деятельности на конкретных объектах Всемирного наследия. Понятно, что для принятия управленческих решений такие сведения совершенно необходимы.

В 2008 г. издано руководство по составлению Плана Управления для объектов Всемирного наследия (*Management Planning for World Heritage Properties: A resource manual for practioners*).

Начиная с 2002 г. выпускается серия тематических публикаций Центра Всемирного наследия (*Paper Series*), и в числе прочего здесь можно найти выпуски, имеющие отношение к наиболее общим проблемам охраны и управления Всемирным наследием: «Управление туризмом» (2002), «Партнёрство в управлении историческими городами» (2004), «Мониторинг Всемирного наследия» (2004), «Климатические изменения и Всемирное наследие» (2007), «Буферные зоны объектов Всемирного наследия» (2009).

Одно из последних руководств, изданных также под эгидой Центра Всемирного наследия (2010), — «*Managing Disaster Risks for World Heritage*» («Управление природными рисками для объектов Всемирного наследия»).

Таким образом, изучение и применение богатого методического материала, накопленного в мире, могло бы содействовать избавлению от большинства наших российских бед в сфере управления Всемирным наследием. Тем более, что этих бед, даже по прошествии двадцатилетнего рубежа присутствия в Списке ЮНЕСКО, остается ещё довольно много, причём периодически появляются какие-то новые конфликтные сюжеты.

Анализ состояния российских объектов Всемирного наследия позволяет перечислить в обобщении следующие важнейшие проблемы, возникшие и продолжающие возникать в процессе их сохранения и имеющие отношение как к культурному наследию, так и к природному.

1. Отсутствие в России единого федерального правового акта, специально ориентированного на управление объектами Всемирного наследия; вместо него пока имеются отдельные, часто плохо согласующиеся друг с другом положения, разбросанные по разным законам и нормативным актам, что приводит к отсутствию чётко прописанных прав и обязанностей участников сложнейшего процесса по сохранению Всемирного наследия.

2. Недоучёт зарубежного опыта управления объектами Всемирного наследия: слабое соответствие российского законодательства о сохранении культурного и природного наследия существующей международной нормативно-правовой базе по данному вопросу, минимальная степень знакомства российских специалистов с выработанными за рубежом методиками и разного рода руководящими документами.

3. Недофинансирование — типичная проблема российских объектов культурного и природного наследия вообще и объектов ВН (вроде бы заслуживающих приоритетного обеспечения) — в частности. Это приводит к:

— слабому развитию материальной базы, не позволяющему эффективно вести культурно- и природоохранную научно-исследовательскую, просветительскую и иную деятельность;

— недостаточности работ по поддержанию и восстановлению ценных объектов (реставрация памятников, рекультивация местности, лесовосстановление, и т.д.);

— плохому обеспечению техникой и оборудованием, квалифицированными кадрами (низкие зарплаты), слабой работе по повышению квалификации.

4. Неопределённость с установлением границ объектов Всемирного наследия и их буферных зон. Что касается культурных объектов, то у некоторых из них буферные зоны вообще официально не установлены (Санкт-Петербург, Новгород, Владимир-Суздаль и др.). Для природных объектов эта проблема также актуальна, особенно для объектов в Коми, на Кавказе и на Камчатке.

5. Отсутствие Планов Управления, или Менеджмент-Планов, — документов, наличие которых рассматривается в качестве важного условия пребывания объекта в Списке Всемирного наследия. Так, у некоторых культурных объектов Всемирного наследия до сих пор такого документа нет. А что касается природных, то, хотя практически у всех охраняемых территорий со статусом Всемирного наследия есть свои Планы Управления, но ни у одного многокомпонентного объекта Всемирного наследия (Леса Коми, Байкал, Камчатка, Алтай, Кавказ) общего Плана пока нет.

6. Нарушение установленных режимов охраны и использования земель в границах объектов Всемирного наследия и в их буферных зонах, что приводит к потере аутентичности (подлинности) — для культурных объектов, и целостности (сохранности) — для природных, а в итоге — к снижению «выдающейся универсальной ценности» объектов.

Для культурных объектов это проявляется в:

- появлению в их границах новых, чуждых по параметрам и стилистике объектов нового строительства или реконструкции (Владимир-Суздаль, Новгород, Ярославль, Дербент);
- искажении облика историко-градостроительной среды и осуществлении нового многоэтажного строительства в буферных зонах, нарушающего условия восприятия самих объектов Всемирного наследия (Санкт-Петербург, Москва, Казань, Ярославль);
- нарушении состояния окружающей среды ценных объектов в процессе разного рода хозяйственной деятельности: изменения геологической среды и гидрологического режима местности, вызывающие оползни, провалы, подтопления фундаментов и т.д.; загрязнение воздушного бассейна, ухудшающее внешний вид зданий; вибрация, столь опасная для хрупких старинных построек (Владимир-Суздаль, Троице-Сергиева Лавра, Ярославль).

Примеры по природным объектам Всемирного наследия: функционирование загрязняющих среду промышленных предприятий (Байкал); проекты прокладки газо- и нефтепроводов (Алтай); намерения добычи полезных ископаемых (Камчатка, но особенно — Коми); строительство, прокладка дорог (Байкал, Кавказ); браконьерство (в разной степени присутствует на большинстве объектов).

7. Сложности управления объектами Всемирного наследия, находящимися в собственности или пользовании различных организаций, включая, с одной стороны, местные органы власти, с другой — культуроохранные или природоохранные организации (музеи-заповедники, природные заповедники, национальные парки), а в случае культурных объектов Всемирного наследия — ещё и религиозные (РПЦ). Среди культурных объектов к таковым относятся: Московский Кремль, Кижи, Соловки, Новодевичий монастырь, Коломенское, Троице-Сергиева Лавра, Ферапонтово. В случае природных объектов Всемирного наследия наблюдается своя специфика: в их состав могут входить различные по своим задачам охраняемые территории, имеющие как федеральное, так и региональное подчинение — от заповедников до памятников природы (в первую очередь это относится к объектам на Камчатке, Кавказе, Алтае, Байкале). Более того, в составе национальных и природных парков почти всегда имеются земли разных, не подотчётных данному парку, землепользователей, что ещё сильнее затрудняет процесс управления.

8. Недостаточное противостояние природным стихиям. Неуправляемые природные процессы — сезонные наводнения, подтопление зданий, воздействие ливневых осадков и т.д. — способны нанести огромный урон как отдельным памятникам истории, культуры и археологии или природы, так и целым территориям: музеям-заповедникам, природным заповедникам, национальным и природным паркам. Умение бороться с последствиями этих стихий, равно как и способность заблаговременно учитывать риски их появления — важнейшая задача управления. Стихия может коснуться как культурных объектов (ураган в Москве, повредивший Новодевичий монастырь в начале 2000-х гг.), так и природных (мощный оползень в Долине Гейзеров на Камчатке в 2007 г.).

9. Неспособность эффективно регулировать и организовывать развитие культурно-познавательного и экологического туризма, ориентированного на использование ресурсов объектов Всемирного наследия, может привести к весьма пагубным последствиям, нарушить их аутентичность и целостность. Поэтому управление объектами Всемирного наследия должно обязательно включать меры по регулированию туристической деятельности, тем более что тенденция роста туризма, как культурного, так и экологического, очевидна. Среди культурных объектов Всемирного

наследия с данной проблемой сталкиваются практически все, но в первую очередь — наиболее доступные в транспортном отношении исторические центры крупных городов. А среди природных это, прежде всего, озеро Байкал, наиболее доступные участки побережья которого деградируют от замусоривания, нарушения растительного и почвенного покрова.

10. Неиспользование всего комплекса возможностей, предоставляемых включением выдающихся российских объектов культурного и природного наследия в Список Всемирного наследия. Действительно, статус Всемирного наследия следует рассматривать, прежде всего, не как запретительный механизм, позволяющий предотвратить хозяйственное «вторжение» на объект/территорию, а скорее как альтернативу развития и как способ получения целого ряда преимуществ и достижения позитивных последствий. Речь идёт о повышении культурного уровня современного российского общества, о росте международного престижа России как государства-участника Конвенции, о популяризации самих объектов Всемирного наследия. Это также социально-экономический подъём места/региона расположения объекта Всемирного наследия и его устойчивое развитие на основе альтернативных (совместимых с наследием) видов хозяйственной деятельности: экологического и культурно-познавательного туризма, народных промыслов и т.д. На получение этих преимуществ и должен, в идеале, ориентироваться весь сложный и подчас весьма противоречивый процесс управления объектами Всемирного наследия.

Теперь обратимся к реальным проблемам, возникшим при управлении конкретными российскими объектами Всемирного наследия (объекты даются по хронологии — в зависимости от времени зачисления их в Список ЮНЕСКО, сначала — культурного наследия, а затем — природного).

ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним группы памятников (включение в Список — 1990 г.)

С этим огромным и сложно устроенным объектом Всемирного наследия, в который входит, кроме собственно исторического центра города, ещё 35 различных компонентов (и 136 элементов!), связан целый комплекс

трудно решаемых вопросов. Это и вопросы уточнения состава объекта и границ его территории, и вопросы координации управления объектом, некоторые части которого находятся в Ленинградской области, и вопросы организации буферной зоны объекта. Вызывает дискуссии оценка плюсов и минусов самой этой номинации двадцатилетней давности: от прекрасного провидения в ней мировых тенденций охраны Всемирного наследия в XXI в. до признания принципиальной ошибочности всего замысла и множественности конкретных ошибок, допущенных при разработке номинации.

В последнее время в органах управления городом даже сложилось мнение о целесообразности значительного сокращения состава и, соответственно, размеров объекта Всемирного наследия, и были даже подготовлены соответствующие предложения. Однако они вызывают и у большинства специалистов, и в федеральных органах, ответственных за сохранение наследия и контакты с ЮНЕСКО, возражения и по существу, и в связи с опасностью формального исключения Санкт-Петербурга из Списка Всемирного наследия при его номинировании заново, что требуется по установленным Комитетом Всемирного наследия правилам в случае «значительных изменений территории объекта».

На всё это до самого последнего времени налагался конфликт по вопросу допустимости строительства в непосредственной близости от исторического центра Санкт-Петербурга 400-метровой башни «Охта-центра», от чего, к счастью, в начале декабря 2010 г. всё же отказались.

Кроме того, сохранение этого объекта Всемирного наследия связано с необходимостью решения других насущных управленческих проблем: реставрации отдельных памятников, организации экскурсионной деятельности, а также экологических проблем, включая угрозы нагонных наводнений. Это, например, происходит в Петергофе, где при подъёме воды в Финском заливе более чем на два метра подтопляется часть знаменитых парков, а иногда даже первые этажи малых дворцов (очевидно, кардинальной защитной мерой здесь станет завершение строительства дамбы, перегораживающей Финский залив на участке от Кронштадта на острове Котлин до Ломоносова-Ораниенбаума).

Московский Кремль и Красная площадь

(включение в Список — 1990 г.)

Этот объект, значительно меньший по размерам, по сравнению с предыдущим, имеет для нашей страны ничуть не меньшее историческое, научное, духовное значение. Эта номинация, как и предыдущая, была подготовлена очень оперативно, с преодолением множества трудностей, связанных с режимным характером большей части объекта, где располагаются высшие органы управления государством. Многие из этих трудностей проявляются и сейчас в процессе текущего сохранения теперь уже утверждённого объекта Всемирного наследия.

Хотя решением правительства после включения этого объекта в Список был в 1991 г. образован историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», и внутри границ объекта, и в его непосредственном окружении планируются и зачастую реализуются строительные изменения, многие из которых отрицательно влияют на его сохранность, прежде всего — на подлинность материалов и на восприятие объекта в окружающей историко-градостроительной среде. Так, на знаменитый вид собора Василия Блаженного с Красной площади «наложилось» высотное здание Краснохолмского комплекса, напоминающее, по мнению многих, гигантскую водонапорную башню. А на Манежной площади перед самым Кремлём возник огромный подземный торговый центр, наземная часть которого со стеклянными куполами и сомнительными в художественном отношении скульптурами очень плохо согласуется с торжественностью места и стилистикой объекта Всемирного наследия.

Кижский погост

(включение в Список — 1990 г.)

Кижский объект Всемирного наследия даёт нам характерный пример того, насколько долго могут длиться споры экспертов о методах реставрации, допустимых в отношении памятников такой величайшей ценности. В течение всего двадцатилетия, последовавшего за внесением этого объекта в Список Всемирного наследия, продолжалось бурное обсуждение путей сохранения входящих в него шедевров деревянной архитектуры,

включая, прежде всего, уникальную многоглавую Преображенскую церковь. Обсуждалась сама концепция реставрации и содержание проекта реставрации, решались вопросы обеспечения финансирования из средств федерального бюджета (но с получением поддержки от Фонда Всемирного наследия ЮНЕСКО и других международных организаций), а также вопросы организации управления объектом путём создания федерального музея-заповедника «Кижы» с дирекцией в Петрозаводске. Обсуждалась возможность создания на острове уникальной производственной базы для проведения комплекса реставрационных работ. Особый вопрос был связан с утверждением проекта зон охраны объекта Всемирного наследия.

Сейчас процесс реставрации главных памятников объекта Всемирного наследия находится уже в стадии практической реализации, однако для завершения проекта потребуется ещё несколько лет (правда, жаркие дискуссии об оправданности начатой реставрации утверждённым методом — лифтингом — не утихают).

Исторические памятники Великого Новгорода и окрестностей (включение в Список — 1992 г.)

Великий Новгород — яркий пример того, как мешают «жить» объекту наследия изначально недостаточно чётко определённые границы его территории и поэлементный состав. Действительно, первоначально намечавшееся включение в Список всего исторического центра города не состоялось из-за того, что состояние его историко-градостроительной среды было признано международными экспертами не отвечающим критериям «выдающейся универсальной ценности» и сохранности наследия. В объект были включены лишь отдельные ансамбли (в том числе, весьма значительные) и памятники. Сразу же возникло непонимание, что именно включено, и поэтому до сих пор можно обнаружить разные списки — из 9 и из 37 элементов или компонентов этого объекта Всемирного наследия. Не были точно определены границы не только самого объекта, но и его буферной зоны.

Всё это вызвало появление в перечне поручений Президента РФ в области сохранения объектов культурного наследия, сделанных по итогам выездного заседания в Великом Новгороде осенью 2009 г., специального тре-

бования «уточнить пообъектный состав и границы территорий комплексных объектов культурного наследия г. Санкт-Петербурга, г. Великого Новгорода, г. Ярославля и других городов, включённых ЮНЕСКО в Список Всемирного наследия». Разумеется, одно уточнение состава объекта Всемирного наследия в Новгороде далеко не исчерпывает проблему управления его состоянием. Сейчас, по нашим сведениям, возникло определённое несогласие в отношении подходов к этому управлению между уполномоченным органом государственной охраны объектов культурного наследия по Новгородской области и местной памятникоохранной общественностью.

Историко-культурный комплекс Соловецких островов (включение в Список — 1992 г.)

Главные проблемы, связанные с управлением этим объектом, вызваны нахождением на островах трёх распорядителей: местной муниципальной власти, федерального музея-заповедника и действующего монастыря, между которыми далеко не всегда существовало взаимопонимание. За последние годы многие памятники на архипелаге сильно обветшали, особенно периферийные, поскольку внимание уделялось почти исключительно кремлю. Но в ноябре 2009 г. наместник монастыря был назначен также директором музея-заповедника, а бывший директор музея-заповедника получил пост главы местной администрации. Теперь остаётся только надеяться, что это поможет более эффективно сохранению соловецких памятников. Есть и первые удачные примеры: силами РПЦ (с участием спонсоров) прекрасно отреставрирован Голгофский скит, в процессе восстановления находятся некоторые другие ценные объекты.

Вместе с тем, ряд важных проблем на Соловках остаётся нерешённым. Например, необходимо предотвратить зарастание и обмеление системы старинных межозёрных каналов, прекратить замусоривание территории и хаотичную застройку в окрестностях поселка Соловецкий. Жаркие дискуссии вызывает перспектива дальнейшего туристического освоения священных православных мест, а взаимоотношения приезжих и местных уже давно превратились в серьёзную социальную проблему.

Белокаменные памятники Владимира и Суздаля

(включение в Список — 1992 г.)

Продвижение этого объекта в Список ЮНЕСКО сопровождалось обсуждением разных вариантов его состава (первоначально предполагалось включение в него города Суздаля как памятника градостроительства). Впрочем, этот вопрос нельзя считать полностью решённым и в настоящее время. Так, в составе данного объекта Всемирного наследия должны фигурировать, судя по его наименованию, памятники архитектуры, основным строительным материалом которых является естественный известняк — «белый камень». Однако в официальном списке элементов объекта на сайте Центра Всемирного наследия ЮНЕСКО, в публикациях и выступлениях ряда ответственных сотрудников Владимиро-Суздальского музея-заповедника, курирующего этот объект, встречаются разные данные о его составе, причём некоторые из называемых при этом элементов не являются белокаменными сооружениями.

Кроме того, в Суздале всё время возникают угрозы историческому облику этого уникального городского поселения и его природному окружению, представляющему собой, по сути, буферную зону объекта Всемирного наследия. Так, в непосредственной близости от Покровского монастыря уже идёт коттеджная застройка, резко нарушающая условия его восприятия и цельность облика окружающей среды, а древний крепостной вал Суздальского кремля варварски перерезан подъездом к одному из новых особняков. Сейчас, впрочем, разработаны и в 2007—2008 гг. утверждены новые проекты зон охраны памятников и Владимира, и Суздаля, предусматривающие присвоение историческим частям этих городов статуса достопримечательных мест, с соответствующим режимом охраны, что может нормализовать управление всем объектом Всемирного наследия. Вместе с тем, большую тревогу вызывает значительное разрушение под воздействием морозов, осадков, вибрации и загрязнённой атмосферы основного строительного материала — белого камня, что требует принятия адекватных управленческих мер по восстановлению нарушенного.

Архитектурный ансамбль Троице-Сергиевой Лавры в городе Сергиев Посад (включение в Список — 1993 г.)

Проблемы сохранения этого объекта Всемирного наследия связаны, во-первых, с трудностями обеспечения контроля над действиями в отношении недвижимого культурного наследия, осуществляемыми в монастыре в соответствии с суверенностью управления им и со строгим уставом монастырской жизни. Во-вторых — с плохо контролируемым новым строительством на прилегающих к монастырю территориях города, фактически — в буферной зоне объекта. Беспокорство вызывает и состояние экологической среды объекта: сильное загрязнение воздушного бассейна автотранспортом, подтопление части территории и фундаментов зданий. Всё это также требует определённых управленческих действий, направленных на минимизацию наносимого старинным постройкам ущерба. Сейчас находится на согласовании новый генеральный план города Сергиев Посад, в котором вся его центральная часть рассматривается как буферная зона объекта Всемирного наследия, что может обеспечить сохранение этого уникального историко-архитектурного ансамбля.

Церковь Воскресения в Коломенском (включение в Список — 1994 г.)

Здесь проблемы связаны с нахождением «штучного» памятника — объекта Всемирного наследия на территории крупного историко-культурного музея-заповедника, отвечающего за его охрану (выполняющего роль коллективного менеджера), но, вместе с тем, проводящего множество самых разных собственных мероприятий, не всегда хорошо соотносящихся с приоритетными требованиями такой охраны, например, всяческие ярмарки, карнавалы и т.п., с возведением временных павильонов и киосков, привлечением огромного числа посетителей. Также постоянна угроза появления на окружающих Коломенское территориях города Москвы достаточных высоких сооружений, способных нарушить выдающийся силуэт этого объекта Всемирного наследия: его 60-метровая шатровая церковь, возвышающаяся на крутом правом берегу реки Москвы, уже давно служит важной визуальной доминантой этого района столицы.

Историко-архитектурный комплекс Казанского кремля

(включение в Список — 2000 г.)

Трудности сохранения этого объекта Всемирного наследия связаны, во-первых, с многофункциональным использованием комплекса кремля (органы государственной власти, объекты религиозного поклонения разных конфессий, музей-заповедник и т.д.), а во-вторых — с разрушительной и «созидательной» архитектурно-строительной деятельностью на окружающих объект территориях. Это особенно проявилось при массовом сносе так называемой «ветхой» исторической застройки Старой Казани в преддверии празднования в 2005 г. 1000-летия города. Большого внимания требуют продолжающиеся на территории кремля археологические исследования и оформление представления их результатов на месте (*in situ*). Только сейчас, наконец, утверждён новый проект зон охраны этого комплексного объекта, что, следует надеяться, послужит минимизации угроз и сохранению его выдающейся универсальной ценности.

Ансамбль Ферапонтова монастыря

(включение в Список — 2000 г.)

Здесь проблема заключается в желательности использовании объекта Всемирного наследия как важного фактора совершенствования и социально-экономического развития небольшого сельского поселения, в котором он находится, без нанесения ущерба его уникальным характеристикам. В самое последнее время возникла также проблема передачи всех сооружений объекта от музея-заповедника действующему монастырю с возможным, в связи с этим, изменением условий сохранения выдающейся универсальной ценности объекта, прежде всего — уникальных фресковых росписей, выполненных Дионисием с сыновьями. Как на других объектах Всемирного наследия религиозного назначения, здесь необходимо найти сбалансированный подход, учитывающий как интересы РПЦ (возможность проведения богослужений), так и задачи сохранения культурного наследия в соответствии с требованиями Конвенции ЮНЕСКО. Должна быть обеспечена возможность буквально повседневному контролю реставраторов за сохран-

ностью фресок — главной ценности данного объекта Всемирного наследия, то есть необходим постоянный мониторинг ключевых «внутренних» параметров среды собора Рождества Богородицы, таких как температура, влажность, световой режим.

Куршская коса

(включение в Список — 2000 г.)

Этот трансграничный (российско-литовский) объект был включён в Список ЮНЕСКО как выдающийся культурный ландшафт, искусственно сформированный 150 лет назад. Долгое время основные проблемы такого «двойного» управления объектом были связаны с нефтяной платформой «Д-6» ООО «ЛУКОЙЛ-Калининградморнефть», расположенной на шельфе Балтийского моря. После длительного процесса согласования в октябре 2009 г. было подписано «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Литовской Республики о сотрудничестве в борьбе с загрязнением Балтийского моря нефтью и другими вредными веществами». По результатам совместного мониторинга состояния окружающей среды российской и литовской частей Балтийского моря и Куршского залива, эксперты признали экологическую безопасность платформы «Д-6».

В настоящее время наибольшую потенциальную опасность для природных комплексов объекта представляет реализация проекта развития на территории российской части Куршской косы особой экономической зоны туристско-рекреационного типа. Это может войти в противоречие с установленным здесь режимом национального парка и привести к деградации уязвимых любыми внешними воздействиями дюн и защитных лесопосадок. Постоянной проблемой является ухудшение состояния авантюны, рукотворного защитного пляжного вала, размыв морского берега, а также сохранение «кочующих» белых дюн. А в отдаленной перспективе, вследствие повышения уровня мирового океана и, как считают учёные, ещё более быстрого поднятия уровня Балтийского моря, может произойти прорыв косы, то есть разъединение её на отдельные острова.

Что касается объектов культурного наследия, которые можно обнаружить на косе, то их сохранность во многом зависит от тех же природных процессов, то есть от состояния дюн и закрепляющей их растительности. Так, остатки старинных рыболовецких посёлков уже давно погребены под толстым слоем песка. К объектам культурного наследия относятся и уникальные защитные инженерные сооружения, представляющие большую ценность с точки зрения истории и науки, а также памятники археологии и культовой архитектуры.

Цитадель, Старый город и крепостные сооружения Дербента (включение в Список — 2003 г.)

Основные проблемы управления этим объектом Всемирного наследия связаны с неясностью прав ответственного за него музея-заповедника в отношении находящейся в частной собственности застройки исторической части города (так называемых «магалов»), входящей в состав объекта. Сохраняется и недостаточная упорядоченность границ и режимов землепользования — отсутствие отвечающего современным требованиям охранного зонирования на территории объекта и чрезвычайная неопределенность с установлением границ территории такого специфического компонента объекта как Длинные стены, а также реальных границ буферной зоны всего объекта Всемирного наследия. Необходимо уточнить распределение ответственности за сохранение объекта между музеем-заповедником и властями города, откорректировать проект зон охраны памятников истории и культуры, утвердив его на федеральном уровне.

Ансамбль Новодевичьего монастыря (включение в Список — 2004 г.)

Относительно благополучно управляемый объект Всемирного наследия, несмотря на завершившийся в самое последнее время процесс постепенной передачи полной ответственности за него действующему монастырю РПЦ (с ещё не вполне ясными последствиями для сохранения выдающейся универсальной ценности объекта). Хорошим примером управления являет-

ся быстро организованное и осуществлённое восстановление ряда зданий объекта, пострадавших несколько лет назад от урагана. Вместе с тем постоянна опасность появления в зоне визуальной видимости объекта (и из объекта) новых высотных сооружений города Москвы, искажающих традиционную для этого района Москвы историко-градостроительную среду.

Исторический центр Ярославля
(включение в Список — 2005 г.)

Хотя дискуссии в отношении границ территории данного объекта Всемирного наследия как будто бы благополучно разрешились пару лет назад при утверждении Проекта зон охраны объектов культурного наследия города (2008 г.), где границы объекта Всемирного наследия и его буферной зоны были обозначены совершенно чётко, продолжают активные попытки потенциальных инвесторов-застройщиков вести строительство или реконструкцию в этих границах. Большие споры вызвало восстановление (фактически — новое строительство) на стрелке Волги и Которосли разрушенного в 1930-х гг. Успенского собора; один из аспектов этих споров был связан с обсуждением, что допустимо или недопустимо, в применении к данному случаю, с точки зрения статуса объекта Всемирного наследия.

Агрессивная воздушная среда центра города с превышенной концентрацией ряда вредных примесей негативно воздействует на фасады старинных построек, угнетает городскую растительность. В результате подтопления и транспортной вибрации возникают трещины в стенах и сводах памятников архитектуры, происходит деформация их фундаментов. Имеется и так называемое «визуальное загрязнение» исторического пейзажа — при прохождении наземных коммуникаций, в местах расположения несанкционированных свалок бытового мусора и т.д.

Геодезическая дуга Струве
(включение в Список — 2005 г.)

«Дуга Струве» («Русско-Скандинавская дуга») — это заложенная в первой половине XIX в. цепь старых триангуляционных пунктов, которая

протягивается почти на 3 тыс. км по территории десяти европейских стран, от Норвегии до Украины. Всего в состав «дуги» входят несколько десятков опорных пунктов, два из которых — российские: «Пункт Мякипяллуос» и «Точка Z». Они располагаются на небольшом острове Гогланд в Финском заливе и имеют вид памятных каменных обелисков. Понятно, что каких-то особых методов управления такие точечные объекты не требуют. Поэтому главное здесь — выработка объединённого подхода для всех стран «дуги» с целью наиболее эффективного сохранения этого оригинального памятника науки и техники.

ОБЪЕКТЫ ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ

Девственные леса Коми

(включение в Список — 1995 г.)

Практически сразу после включения в Список этого первого российского природного объекта, лежащего на границе Приполярного и Северного Урала, возникла проблема, связанная с его крайним северным участком, расположенным в долине реки Кожим, где до середины 1990-х годов велась добыча россыпного золота. Конфликтная ситуация была заложена уже в момент придания этому участку, в составе «Девственных лесов Коми», статуса Всемирного наследия. Власти республики Коми неоднократно предпринимали попытки вывести эту территорию из объекта Всемирного наследия, чему активно противодействовали общественные природоохранные организации при поддержке международных механизмов Конвенции.

В 2009 г. конфликт разгорелся с новой силой. В границах объекта Всемирного наследия, без предварительного согласования с Комитетом Всемирного наследия, был выделен под геологоразведку и добычу рудного золота участок площадью 2000 га и выдана соответствующая лицензия. По решению Комитета Всемирного наследия осенью 2010 г. ситуацию на месте изучала совместная миссия экспертов ЮНЕСКО/МСОП, которая предписала России как государству-участнику Конвенции провести предусмотренную процедуру согласования и вынести вопрос о допустимости изъятия участка из состава территории Всемирного наследия для его промышленного освоения на обсуждение Комитета Всемирного наследия.

Вулканы Камчатки

(включение в Список — 1996 г.)

Проблемы управления этим серийным объектом ВН связаны, прежде всего, с его сложной структурой. Объект состоит из шести различных особо охраняемых природных территорий (ООПТ) как федерального (Кроноцкий заповедник, Южно-Камчатский заказник), так и регионального значения (4 природных парка — Быстринский, Ключевской, Налычево и Южно-Камчатский). Долгое время каждая из этих ООПТ имела собственное управление, что создавало сложности в осуществлении управления единым объектом Всемирного наследия — Вулканы Камчатки. В январе 2010 г. четыре природных парка были объединены в краевое государственное учреждение «Природный парк «Вулканы Камчатки». Наиболее разумным вариантом, как для Вулканов Камчатки, так и для других «сложных» российских природных объектов Всемирного наследия, могло бы стать создание координационных советов, включающих менеджеров, входящих в состав администрации объекта особо охраняемых природных территорий.

До недавнего времени существенную путаницу в управлении объектом создавала неопределённость с установлением его состава, площадей и границ его отдельных участков. Так, во всех документах МСОП и Комитета Всемирного наследия, посвящённых Вулканам Камчатки, ошибочно фигурирует Юго-Западный тундровый заказник, а указанные там площади природных парков существенно отличаются от реальных. Ситуация объясняется тем, что в Центре Всемирного наследия официально зарегистрирован лишь первый вариант номинации, представленный РФ осенью 1995 г., а все дополнения и уточнения, сделанные авторами номинации в процессе согласования документов с консультационным органом — МСОП, по невыясненным причинам не найдены в базе данных МСОП и Центра Всемирного наследия. После проведенных в 2009 г. землеустроительных работ площади составных частей серийного объекта Всемирного наследия были уточнены, соответствующая информация передана в Центр Всемирного наследия.

Как потенциальные угрозы Вулканам Камчатки можно расценивать проект поисково-разведочных работ вблизи границ одного из кластеров объекта и планы изменения его границ (Быстринский природный парк).

Озеро Байкал

(включение в Список — 1996 г.)

Самый известный из российских природных объектов, Озеро Байкал, является также самым крупным из них (около 9 млн. га) и, как и Вулканы Камчатки, отвечает всем четырём природным критериям выдающейся универсальной ценности. В состав объекта входят восемь различных по статусу ООПТ, в его границах расположено несколько десятков достаточно крупных населённых пунктов. Наиболее серьёзной, обсуждаемой уже не один десяток лет, является проблема функционирования Байкальского целлюлозно-бумажного комбината (БЦБК), который до сих пор является одним из наиболее существенных загрязнителей озера и в то же время — градообразующим предприятием города Байкальска. «Благодаря» БЦБК «священное море-озеро» могло уже не раз оказаться в Списке «Всемирное наследие в опасности».

На последней, 34-й сессии Комитета Всемирного наследия Россия взяла на себя ряд знаковых обязательств по решению проблемы БЦБК: разработать федеральную целевую программу «Охрана озера Байкал и социально-экономическое развитие Байкальской природной территории»; перенести производство высококачественной целлюлозы за пределы Байкальского региона; определить срок в 30 месяцев для решения вопроса обращения с отходами БЦБК и принятия принципиального решения о работе комбината.

С момента включения объекта в Список в разные годы существенные угрозы целостности и выдающейся мировой ценности озера Байкал представляли: неопределённая правовая защита, незаконная вырубка древесины, проект строительства нефтепровода, браконьерство. В настоящее время проблемы сохранения объекта связаны с незаконным строительством на побережье, загрязнением прибрежных вод, неконтролируемым развитием туризма.

Необходимо отметить, что на примере озера Байкал можно чётко отследить важные природоохранные решения, принятые в результате диалога России как государства-участника Конвенции с Комитетом Всемирного наследия при активном участии общественных природоохранных организаций.

Наиболее яркие примеры — принятие Федерального закона «Об охране озера Байкал», а также решение о переносе трассы ВСТО — с расстояния в 800 метров от северного берега за пределы водосборного бассейна оз. Байкал.

Золотые горы Алтая

(включение в Список — 1998 г.)

Основные проблемы этого серийного объекта Всемирного наследия, в состав которого входят два государственных заповедника (Алтайский и Катунский) и два региональных природных парка (гора Белуха и плато Укок), связаны с двумя из них — плато Укок и западной частью Телецкого озера — буферной зоной Алтайского заповедника. Практически с момента включения объекта в Список Всемирного наследия и до настоящего времени активно обсуждаются проекты строительства дороги и прокладки газопровода в Китай через территорию природного парка Плато Укок, имеющего не только выдающуюся природную, но и культурную ценность. Для Телецкого озера проблемы сохранения связаны, в первую очередь, с незаконным строительством на побережье и неконтролируемым развитием туризма. Для большей части данного объекта Всемирного наследия существенную угрозу представляют различные виды браконьерства, в том числе «элитная охота» с вертолётов (самый шумевший случай такой «охоты» на «краснокнижных» горных баранов аргали произошёл в январе 2009 г., когда вертолёт высокопоставленных браконьеров потерпел аварию примерно в этих местах).

Западный Кавказ

(включение в Список — 1999 г.)

Основную часть этого объекта Всемирного наследия, лежащего на границе Краснодарского края и республики Адыгея, составляет Кавказский государственный заповедник, к которому прилегают четыре небольших региональных ООПТ. До недавнего времени основные проблемы Западного Кавказа были связаны с планами активного хозяйственного освоения его западного участка — плато Лагонаки для нужд рекреации (прокладка до-

рог, создание инфраструктуры горнолыжного курорта). После получения Россией права на проведение Олимпиады-2014 в Сочи, возникла серьёзная угроза целостности южной части Кавказского заповедника — в зоне строительства олимпийских объектов (район Красной Поляны). Так, в непосредственной близости от границ объекта планировалось строительство санно-бобслейной трассы и олимпийского жилого комплекса. Благодаря активной позиции общественных природоохранных организаций удалось добиться переноса строительства всех олимпийских объектов из опасных, с точки зрения влияния на заповедные ландшафты, мест.

Однако уже сейчас развиваются новые конфликтные ситуации. Положение усугубляется из-за отсутствия правового статуса буферной зоны (она существовала на момент подачи номинации, затем была упразднена как буферная зона заповедника, но осталась буферной зоной объекта Всемирного наследия), из-за нечётко определённых границ самого объекта Всемирного наследия, а также вследствие хозяйственного освоения охраняемых природных территорий Адыгеи, входящих в состав данного объекта Всемирного наследия (вырубка леса, развитие туристической инфраструктуры, строительство автодорог).

Центральный Сихотэ-Алинь (включение в Список — 2001 г.)

Первоначально в состав этого дальневосточного объекта Всемирного наследия, лежащего в границах Приморского края, планировалось включить Сихотэ-Алинский заповедник, Гораловый заказник и природный комплекс Долина реки Бикин. Согласно решению Комитета Всемирного наследия (2001 г.) заповедник и заказник в Список были включены, а включение третьего участка было отложено до устранения ряда замечаний МСОП. В 2010 г. Долина реки Бикин была включена в Предварительный список объектов РФ, и, таким образом, в перспективе можно ожидать существенного расширения объекта Всемирного наследия. Данные факты имеют непосредственное отношение к проблеме управления, так как именно в таком увеличенном варианте объект Центральный Сихотэ-Алинь сможет достаточно эффективно выполнять две свои главные функции: по сбережению

последних нетронутых массивов уссурийской тайги, и по охране дальневосточной популяции амурского тигра (в обоих случаях долина реки Бикин играет ключевую роль).

Убсунурская котловина

(включение в Список — 2003 г.)

Серийный трансграничный (российско-монгольский) объект, состоящий из 12 обособленных участков, 7 из которых входят в состав государственного заповедника «Убсунурская котловина» (Республика Тыва). Трудности в управлении этим объектом связаны с его трансграничным статусом и большой разобщённостью отдельных участков заповедника, расположенных на расстоянии до 300–400 км друг от друга. Более того — отдельные участки заповедника сильно различаются и по своим природным характеристикам: это и участки песчаной пустыни, и низкогорья, покрытые кедрово-лиственничными лесами, и гольцовые высокогорья с ледниками, и водно-болотные угодья в окружении сухих степей (охрана каждого типа ландшафта имеет свою специфику). Определённые проблемы представляет браконьерство, «дикий» туризм и недостаток практики совместного управления объектом с учётом интересов местного сообщества.

Природный комплекс заповедника Остров Врангеля

(включение в Список — 2004 г.)

Первый российский арктический объект, расположенный на границе Восточно-Сибирского и Чукотского морей, «родильный дом» белого медведя. В силу своей удалённости и крайней труднодоступности он ограждён от основных управленческих проблем, присущих большинству объектов Всемирного наследия. Однако он в большой степени подвержен влиянию экологических изменений планетарного масштаба, в первую очередь, глобального изменения климата. В 2008 г. Комитет Всемирного наследия в своём решении отметил необходимость разработки плана управления государственным заповедником «Остров Врангеля», предусматривающего повышение безопасности и увеличение штата инспекторов, выделение запо-

веднику необходимого финансирования, а также организацию эффективной системы мониторинга, учитывая воздействие на объект климатических изменений. Такой план был подготовлен и передан в Центр Всемирного наследия в 2009 г.

Плато Путорана
(включение в Список — 2010 г.)

Объектом наследия объявлен Путоранский заповедник, занимающий центральную часть огромного базальтового плато на севере Центральной Сибири, где ярко представлен оригинальный трапповый рельеф и концентрируются живописные озёра-фьорды. В настоящее время серьёзных природоохранных проблем эта удалённая, практически дикая местность не имеет. Потенциальные угрозы целостности этой территории были обозначены в документах МСОП в процессе недавней экспертной оценки материалов номинации. Так, отмечены потенциальные угрозы разработок месторождений полезных ископаемых в буферной зоне объекта и активизации туристической деятельности. Также указано на недостаток финансирования и низкую численность сотрудников Путоранского государственного заповедника, необходимых для обеспечения успешного управления объектом. Минприроды России, в чьём ведении находится Путоранский заповедник, и могущественный сосед заповедника, ОАО «ГМК «Норильский никель»», поддержали включение заповедника в Список и взяли обязательства по сохранению выдающейся универсальной ценности плато Путорана.

Таким образом, роль России в формировании Списка Всемирного наследия ЮНЕСКО постепенно усиливается. Не преобразованные хозяйственной деятельностью человека огромные по площади российские парки и заповедники являются бесценным «стратегическим природным резервом». А уникальные историко-культурные достопримечательности нашей страны, обладающие высоким статусом Всемирного наследия, по праву занимают почётное место в ряду других мировых шедевров.

Тот факт, что Россия добровольно делает уникальные вклады в общую «копилку человечества», безусловно, положительно влияет на имидж страны. Вместе с тем, это ко многому и обязывает: ведь такие особенные объ-

екты и территории нуждаются в тщательной, продуманной и всесторонней поддержке, то есть главная проблема на настоящий момент состоит в эффективном управлении теми территориями и объектами, которые уже включены в Список ЮНЕСКО.

Выше уже отмечалось, что до сих пор Конвенция о Всемирном наследии воспринималась, прежде всего, как запретительный механизм, а не как путь получения разного рода преимуществ, пусть и рассчитанных на некоторый отдалённый период времени (не сиюминутных выгод). Ситуацию усугубляли и такие факторы, как недостаточная популяризация самой идеи Всемирного наследия, отсутствие общедоступной информации о Конвенции, а также о российских объектах Всемирного наследия. Всё это — серьёзные препятствия, не позволяющие в полной мере использовать огромный потенциал статуса Всемирного наследия, а также грамотно применять Конвенцию.

При этом, наряду с уже достаточно давно определившимися, ставшими уже традиционными для России проблемами управления Всемирным наследием (организационными, финансовыми и т.д.), в последнее время приходится всё чаще принимать во внимание происходящие в мире гораздо более значительные изменения. Речь идёт о так называемых «глобальных вызовах», или «угрозах XXI века», — экологических, технологических, социальных. К числу таких мировых угроз, оказывающих или могущих оказать на объекты Всемирного наследия сильнейшее воздействие, можно отнести, к примеру, всё возрастающий пресс туризма, рост городов и наступление урбанизации, глобальное потепление климата. Несомненно, что управленческие решения, чтобы быть максимально эффективными, должны учитывать не только локальные, и даже региональные тенденции, но и эти изменения глобального уровня. Этот ещё недостаточно изученный аспект управления российскими объектами Всемирного наследия должен стать полигоном дополнительных исследований с целью ускоренного поиска эффективных ответов на возникающие вызовы современности. Поистине: нам надо, как это признаётся должным в XXI веке, научиться «мыслить глобально, а действовать локально».

М.Е. КУЛЕЦОВА,

канд. геогр. наук

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНЫЕ МЕСТА И РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ИХ ПАСПОРТИЗАЦИИ

В соответствии с Федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (№ 73-ФЗ) все объекты культурного наследия подразделены на виды: памятники, ансамбли и достопримечательные места. *«Достопримечательные места — творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе места бытования народных художественных промыслов; центры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки; памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории Российской Федерации, историческими (в том числе военными) событиями, жизнью выдающихся исторических личностей; культурные слои, остатки построек древних городов, городищ, селищ, стоянок; места совершения религиозных обрядов».* Введение в законодательство о культурном наследии категории достопримечательных мест является важным методологическим шагом, поскольку означает переход от сложившейся за многие десятилетия практики охраны штучных объектов-памятников к охране территориальной целостности.

Территория является носителем предметной ценности наследия. Определение категории даётся через закрытый перечень относящихся к ней типов объектов, в ряду которых чётко выделяются пять групп — места художественных промыслов, исторические поселения, ландшафты природные и культурные, археологические места, религиозно-обрядовые места. С точки зрения территориальной целостности наибольший интерес в этом ряду представляет ландшафтная группа, а именно культурные ландшафты, поскольку эти последние могут включать в себя и природные комплексы, имеющие

историко-культурную значимость, и селитебные территории (городские и сельские), а также места возникновения и развития художественных промыслов, археологические комплексы и святые места.

Таким образом, всё типологическое разнообразие достопримечательных мест может быть рассмотрено через методологическую призму культурного ландшафта, и это понятие можно принять за базовое для обозначения территориально выраженных, комплексных и целостных культурных феноменов. При рассмотрении проблем и особенностей составления паспорта достопримечательного места достоверной моделью исследования может служить именно культурный ландшафт, поскольку этот объект позволяет учесть всё разнообразие исследовательских и прикладных задач, стоящих перед разработчиком паспорта.

Начиная с 2010 г. в сфере управления культурным наследием введена в действие новая форма паспорта, установленная приказом № 38 Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия от 27.02.2009.

ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПАСПОРТА ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОГО МЕСТА — ОБЪЕКТА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Обратим внимание, что действующий закон об объектах культурного наследия изменил роль и назначение паспорта, что до сих пор не получило адекватной оценки и для многих осталось незамеченным. До введения в действие новой формы паспорта заполнение паспортов на объекты культурного наследия являлось учётной процедурой, а паспорта были учётными документами, упорядочивающими информацию об объектах, поставленных на государственную охрану. Их совокупность составляла и составляет исходную базу данных об объектах правового регулирования, к которой обращаются профессиональное сообщество и органы управления для решения научных и управленческих задач. Далекое не все объекты, поставленные на государственную охрану и состоящие в Государственном списке памятников истории и культуры (Государственном Реестре — с принятием закона № 73-ФЗ), имели и имеют паспорта. Их отсутствие — всего лишь информационный пробел. Для установления отношений с собственником

или пользователем таких объектов применялись и применяются до сих пор охранные обязательства — другой тип документа.

В соответствии с нормами нового закона № 73-ФЗ паспорт объекта культурного наследия не рассматривается в качестве внутреннего учётного документа органов управления (во всяком случае, в законе на это не указано), но имеет гражданско-правовое назначение. Оно установлено ст. 21 закона № 73-ФЗ, в которой сказано, что в паспорте обязательно должен быть зафиксирован предмет охраны как главная содержательная его часть и что паспорт относится к обязательным документам государственной регистрации прав на недвижимое имущество и осуществления сделок с ним, он выдаётся органами охраны собственнику объекта наследия. Следовательно, паспорт нужен собственнику, чтобы он мог в рамках отведённой ему свободы осуществлять сделки с недвижимостью и использовать объект культурного наследия, не нарушая предмета охраны. Предмет охраны — основные особенности объекта наследия, послужившие основанием для его постановки на охрану. Сведения о предмете охраны и иные сведения об объекте наследия в паспорт вносятся из Реестра, они должны содержаться в Реестре (согласно п.1 ст.21). Соответственно функции паспорта принципиально изменены. Это более **не учётный документ**, функции учёта переходят к Реестру (ст. 17, ст. 20 закона № 73-ФЗ). Будучи зафиксирован в паспорте, предмет охраны соотносится с имущественным составом объекта наследия.

Из вышеописанной ситуации возникают, как минимум, две проблемы, имеющие отношение к паспортизации достопримечательных мест и паспортизации объектов культурного наследия в целом. Первая из них обусловлена спецификой достопримечательных мест, которые могут представлять собой обширные по площади территориальные комплексы, например культурные ландшафты. Закон же устанавливает, что объектами культурного наследия признаются только те культурные феномены, которые являются объектами недвижимого имущества (ст. 3 закона № 73-ФЗ). Соответственно культурный ландшафт, получающий статус достопримечательного места, должен быть представлен не только как территориальный комплекс, но и как имущественный комплекс.

Это обстоятельство, на наш взгляд, является одним из основных препятствий к широкому выявлению и постановке на охрану достопримечательных мест.

тельных мест. Достопримечательные места могут представлять собою обширные территории со множеством субъектов права, в частности, права собственности. Если для памятников и ансамблей число таких субъектов редко превышает единицы и потому их идентификация не вызывает особых сложностей, то для достопримечательных мест, если в их границы попадают населённые пункты и разнообразные уголья, их число может измеряться тысячами. Кроме того, определение предмета охраны для каждого объекта недвижимости в составе достопримечательного места — очень непростая задача, поскольку требует приведения в соответствие территориальных локусов культуры с элементами землеустройства, с границами земельных участков. Идентификация такого множества крайне затруднительна, а в рамках охранных работ по объектам культурного наследия она вообще не предусмотрена.

Паспорт объекта культурного наследия должен быть выдан каждому собственнику недвижимого имущества в составе достопримечательного места. Законодатель, видимо, не предполагал, какой ребус он предложил госорганам охраны памятников, которые обязаны заниматься выдачей таких паспортов в случае, когда количество собственников на одно достопримечательное место исчисляется тысячами. Повторяем, что это обстоятельство — явно не последний фактор в той наблюдаемой сегодня ситуации заторможенности, которая сложилась вокруг создания достопримечательных мест.

Какой выход из сложившейся ситуации возможен? Если не определиться в этом вопросе, проблема будет, в конце концов, решена: 1) либо простой поправкой к закону — изъятием достопримечательных мест из числа видов объектов культурного наследия; 2) либо путём тихого повсеместного и устойчивого саботажа их создания. А ведь само появление этого вида наследия в законе — одно из самых прогрессивных его достижений, позволяющих, наконец-то, приблизиться к пониманию территориальных феноменов культурного наследия — историко-культурных территорий, в частности, ландшафтов.

Видимо, по отношению к паспортам достопримечательных мест следовало бы отказаться от поимущественной переписи их состава, ограничиваясь указанием категории земель, попадающих в их границы, перечнем форм

собственности на землю и иное недвижимое имущество и перечнем существующих кадастровых номеров земельных участков (по запросу госорганов охраны культурного наследия в госорганы землеустройства и регистрации прав на недвижимое имущество; такой запрос должен удовлетворяться безвозмездно и в установленные сроки, для чего требуется принятие соответствующих нормативных актов). Оповещение собственников о готовящейся постановке на учёт такого объекта, а впоследствии — о его включении в реестр может осуществляться через открытую публикацию соответствующих сведений в печати и Интернете по аналогии с тем, как это делается ныне при согласовании границ землепользования. Тем более, что сведения Реестра подлежат обязательному опубликованию согласно п. 5 ст. 20 закона № 73-ФЗ. Копия паспорта должна быть предоставлена в данном случае не собственникам, а госорганам по регистрации сделок с недвижимостью. Собственнику же целесообразно предоставить право получать такую копию по индивидуальному запросу. Такой порядок полностью компенсирует индивидуальную раздачу пакета документов, экономит средства и обеспечит публичность охранных процедур.

Вторая проблема, обусловленная сменой целевого назначения паспорта, связана с инерционностью сложившейся к настоящему времени схемы паспортизации и потребностью профессионального сообщества в систематизированной и полноценной информации об объектах наследия.

Новый паспорт уже не предназначен для этого сообщества, но составление паспортов — сфера ответственности профессионалов, и они будут (то есть мы будем) по инерции совершенствовать те схемы, которые уже сложились, что в принципе и наблюдается. Преобразование окружающей историко-культурной среды идёт нарастающими темпами, защита объектов наследия от этих преобразований основывается на капитале знания и требует от исследователя всё большей конкретизации предметной ценности объекта. Наполняя паспорт информацией, его составитель делает этот документ всё более объёмным и детальным. Но разве такой паспорт нужен собственнику объекта культурного наследия или регистратору прав на недвижимое имущество? Им нужен документ в несколько строчек, чётко и однозначно идентифицирующий объект наследия и связанные с ним обременения.

По отношению к достопримечательному месту это информация о том, где оно начинается и кончается и что в его пределах запрещается или ограничивается — то есть режим охраны и использования, который для достопримечательного места фиксируется через градостроительные регламенты и режимы землепользования. В новой форме паспорта, в отличие от предшествующей, правовой режим земельного участка в границах территории объекта культурного наследия фиксируется в п. XVI. Для достопримечательных мест режим определяется госорганами охраны индивидуально, исходя из особенностей предмета охраны, однако его юридическое оформление происходит через Правила землепользования и застройки — градостроительный документ. Получается очень громоздкая правовая конструкция, эффективность которой весьма сомнительна. Законодатель изобразил нечто, мало «удобоваримое» для практика, но выживание практика зависит от того, как он адаптируется к этому продукту законотворчества.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ЗАПОЛНЕНИЮ ФОРМЫ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ПАСПОРТА ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОГО МЕСТА

Ключевой характеристикой объекта по новой системе паспортизации является предмет охраны — особенности объекта, послужившие основанием для включения его в реестр и подлежащие обязательному сохранению (ст. 17 закона № 73-ФЗ). Кроме того, закон № 73-ФЗ ввёл новый вид объектов — достопримечательные места, паспортизация которых должна учитывать их специфические особенности.

Паспортизация достопримечательных мест — действительно непростая задача и требует выработки определённых методических приёмов. Здесь должны сформироваться определённые алгоритмы описания, однако не следует стремиться к шаблонам в этом творческом процессе. Если алгоритм становится стандартом и нормативом, он будет ограничивать возможности нетривиальных решений и в результате нанесёт ущерб тому делу, ради которого он был установлен. Конечно, для выявления и постановки на охрану достопримечательных мест следует иметь рекомендации, в частности, рекомендации по определению необходимого набора параметров, характеризующих достопримечательные места того или иного типа. Однако

такие рекомендации не должны полностью регламентировать работу с достопримечательными местами — это очень непростой вид объектов наследия и общие правила по отношению к нему должны вырабатываться по мере накопления опыта и расширения круга специалистов, обслуживающих такие объекты. Важно, чтобы содержание новых паспортов было преемственным по отношению к ныне действующим паспортам, чтобы их параграфы сохраняли ту же последовательность и логику изложения. В то же время актуальные изменения законодательства должны быть в них отражены.

В соответствии с законом все объекты культурного наследия подразделяются на виды — памятники, ансамбли, достопримечательные места, что отражено в п. VI формы паспорта. Кроме того, в паспорте сохраняется параграф VII «Общая видовая принадлежность», который в отношении памятников и ансамблей остаётся полностью преемственным традиционному принятому их разделению на объекты археологии, истории, архитектуры и градостроительства, монументального искусства. В отношении достопримечательных мест подобная типология не имеет смысла, поэтому в их отношении мы рекомендуем придерживаться разделения, установленного ст. 3 закона № 73-ФЗ. Соответственно в ряду достопримечательных мест следовало бы обозначить, относятся ли они к местам художественных промыслов, историческим поселениям, культурным и природным ландшафтам, археологическим комплексам (палеокультурным ландшафтам), местам религиозного поклонения. В соответствии с этим разделением по отношению к каждому типу достопримечательных мест может быть предложен набор показателей, их характеризующих.

Многие позиции паспорта фиксируют некоторую общепонятную данность, и их заполнение не требует особых временных и интеллектуальных затрат, а также особых пояснений. Основная содержательная информация об объекте сосредоточена в четырёх параграфах: IX. Исторические сведения, XI. Описание объекта культурного наследия, XII. Предмет охраны, XIII. Описание границ территории объекта культурного наследия и правового режима земельных участков в их границах. Заполнение параграфов с I по XIV требует привлечения профильного специалиста по наследию, с XV по XXII — следовало бы заполнять самим органам охраны наследия, поскольку эта информация фиксирует наличие некоторой находящейся в

распоряжении органов управления правоустанавливающей документации, а также режимных обременений, которые они должны установить. В то же время предварительная проработка правовых режимов использования земель в границах выделяемого достопримечательного места, предложения по градостроительным регламентам и режимам землепользования в границах объекта и его зон охраны, которые должны быть внесены в градостроительную документацию, требуют привлечения специалистов в сфере наследия, имеющих соответствующий опыт.

Исторические сведения об объекте — тот род информации, которая зависит от наличия печатных и рукописных (архивных) источников. При их недостаточности заполнение параграфа не составляет особого труда и требует от исполнителя аккуратности и умения лаконично изложить основные события, повлиявшие на возникновение и формирование объекта. При недостаточности данных трудоёмкость заполнения параграфа значительно возрастает, поскольку требует от исполнителя несравнимо больших затрат времени на поиск источников и работу с ними. В любом случае особых авторских интерпретаций данный параграф не допускает, и основное требование к его исполнителям — соблюдение исторической корректности повествования, подтверждение основных позиций ссылками на источники, предоставление непосредственно относящейся к объекту исторической информации. Последнее, казалось бы, очевидное требование исходит из некоторых наблюдений, когда текстовое наполнение параграфа осуществляется за счёт сведений, относящихся не к объекту, а, например, к персоне, оказавшей существенное влияние на данный объект, в результате чего текстовое содержание параграфа приобретает солидный объём, а информационное стремится к нулю, поскольку имеет весьма опосредованное отношение к собственно объекту.

Для художественных промыслов важно отметить историю их возникновения и формирования, обозначить события, лица и сообщества, благодаря которым данное место приобрело своё значение. Для исторических поселений требуется обозначить историю их возникновения и основные этапы развития, эволюцию планировочной структуры и характера застройки, последовательность появления архитектурных и планировочных акцентов, влияние на судьбу поселений исторических событий, этносов, персон. Для

ландшафтов необходимо обозначить историю их последовательного формирования, этапы культурного освоения и сложения ландшафтной структуры, указать события, персон или традиционные сообщества, в связи с которыми ландшафт приобрёл значение достопримечательного места, проследить историю его мемориального наполнения. Исторические сведения по археологическим комплексам будут включать историю их открытия, изучения и экскурс в историю составивших их культур, влияние последующих эпох и цивилизаций на состояние объекта, влияние природных процессов на динамику объекта. История возникновения мест религиозного поклонения связана с легендами и преданиями, событиями и личностями и сопровождается насыщением культурного пространства священной символикой, а также развитием сакральных функций места.

Описание объекта культурного наследия — ключевой параграф паспорта. Именно описание объекта содержит основные сведения, составляющие предмет охраны и определяющие последующие регламентации в его использовании. Описание занимает основной текстовый объём паспорта и требует соответствующей квалификации от исполнителя, значительных интеллектуальных затрат. Мы не обсуждаем здесь описание памятников и ансамблей, поскольку за длительный период паспортизации по этим объектам должен был сформироваться некий общий алгоритм описания. По достопримечательным местам такой алгоритм ещё не сформировался, составители многочисленных паспортов и проектов паспортов достопримечательных мест придерживаются различной логики описания, имеют свои подходы к структуризации текста и определению основных характеристик объекта.

Достопримечательное место — всегда некоторая территория, которая в силу исторических обстоятельств приобрела свойства целостности и завершенности и должна рассматриваться, с нашей точки зрения, с позиций её ландшафтно-исторической комплексности. Каждый тип достопримечательного места может иметь свои основные характеристики, в то же время ландшафтно-историческая комплексность описания достопримечательного места любого типа обеспечивается при наличии двух параметров — характеристики ландшафтных компонентов и характеристики элементов-топосов, из которых исторически складывался территориальный объект.

Традиционное физико-географическое описание природного ландшафта обычно ограничивается рассмотрением взаимосвязанной системы природных компонентов, состав которых общеизвестен. Это литологическая основа, рельеф, почвенный покров, водный бассейн (гидрографическая сеть), воздушный бассейн, растительность и животный мир. Культурное освоение пространства приводит к различным формам и степени преобразования этих компонентов, но, что более существенно, к увеличению их количества за счёт появления новых компонентов уже культурного ландшафта — поселенческой ткани, инженерной и транспортной сети, ресурсодобывающей и энергетической структур, земледельческой ткани. Это всё не простые преобразования природных компонентов, но именно создание новых слоёв в ландшафте. При описании достопримечательного места эти компоненты могут быть предъявлены не полностью, а только в том объёме, какой необходим для понимания предметной ценности места.

Культурное освоение пространства сопровождается означиванием различного типа мест, которые получают свои местоназвания (не путать с топонимами!), которые мы называем топосами и которые есть элементы достопримечательного места. Понятие о топосах введено в ландшафтные исследования В.Н. Калуцковым, в данном изложении оно, согласно поставленным задачам, трактуется несколько иначе. Топос здесь понимается как осмысленный и освоенный культурой тип места, например лес, поле, дорога, долина, река, мост, селение, улица и т.д. Такие элементы, как правило, имеют свои индивидуальные названия — топонимы, но могут и не иметь их, если их культурное освоение и осмысление остановилось на уровне идентификации типа места (в концепции В.Н. Калуцкова топос всегда содержит топоним). Тем не менее, топоним — важнейшая характеристика топоса, его наличие свидетельствует о культурном значении топоса и отношении к нему сообщества, поэтому он должен фиксироваться в предмете охраны. Состав элементов-топосов и их соотношения индивидуальны, но разнообразие и наличие иерархии в топосной структуре свидетельствует о давности культурного освоения и культурной значимости места.

Слагающие достопримечательное место элементы-топосы могут быть как простыми, так и сложными, как общераспространёнными, так и узко локализованными (эндемичными). Например, топос «село» является слож-

ным, если одновременно мы рассматриваем соподчиненные ему улице, околицу, площадь, усадьбу и пр.; топоним «лес» может быть простым или состоять из соподчиненных урочищ, опушек, полей, гарей и т.д. Такие ландшафтные элементы как «озеро» или «дорога» относятся к общераспространенным, а, например, «путик» или «музга» — к узко локализованным, характерным для определенных этнических сообществ. Так же и «флеш», «батарея», «окоп» — характерны только для полей сражений. Состав элементов достопримечательных мест всегда имеет историко-культурное наполнение и потому должен стать основой их описания. Соотношение элементов, выражаемое через частотную повторяемость, площадь, конфигурацию, объемные параметры определяет пространственную композицию территории, мозаику её угодий. Логика упорядочения в пространстве элементов-топонимов задаёт планировочную структуру места — важный параметр описания.

В ряду типов достопримечательных мест есть группа археологических объектов (палеокультурных ландшафтов), для которых означивание ландшафтных элементов производится не местным сообществом, как во всех случаях описания феноменов живой культуры, а профессионалами-исследователями, поскольку древние исчезнувшие культуры не могут донести до нас свою систему топонимов. Исключения составляют те случаи, когда названия топонимов были зафиксированы в письменных источниках древности (например, древнегреческие хора, акрополь, некрополь и пр.) либо когда эти топонимы продолжают сохраняться благодаря изустной традиции, а также возникли в процессе их культурной интерпретации местным сообществом (например, городище, курган). Наука является частью культуры, поэтому участие профессионала-исследователя в топонимической паспортизации палеокультурного ландшафта вполне логично, хотя и не без изъянов, учитывая склонность исследователей к понятийно-терминологическим нагромождениям.

Для большинства достопримечательных мест большое значение будут иметь визуальные характеристики — визуальные связи между ключевыми элементами, фиксация видовых точек и панорам, визуальные бассейны с основных точек обзора, визуальные доминанты (высокие строения, деревья, холмы и гряды), пейзажи. Хотя пейзаж в переводах с французского на немецкий или английский идентичен ландшафту, однако русский язык

вобрал в себя оба эти слова и различает их, они не являются синонимами. Пейзаж — видимая часть ландшафта, композиция его элементов, определяющая внешний вид местности. Пейзаж в достопримечательном месте представляет ценность не как фон или среда бытования памятника, а как самоценное историко-культурное явление. Особенно важно сохранение пейзажей для полей сражений, для литературных гнёзд, для мест творчества художников, для исторических поселений и монастырей. Пейзаж непосредственно относится к предмету охраны и фиксируется как фотографически, так и словесно, соотносясь с историческими изображениями местности, картинами художников, литературными портретами места. Если пейзаж и ландшафтные особенности запечатлены на известных художественных полотнах или в литературных произведениях, они являются важными историческими свидетельствами и должны охраняться не менее тщательно, чем памятники архитектуры.

Достопримечательное место может включать в свои границы отдельные памятники и ансамбли: по отношению к достопримечательному месту они будут составлять его особенности, его предмет охраны. Поэтому понятно, что характеристика достопримечательного места включает в себя перечни стоящих на охране, выявленных и имеющих основания быть выявленными памятников. Такое описание — самое простое и очевидное, что можно сделать. Однако ни в каком случае описание достопримечательного места не должно сводиться только к перечислению памятников и ансамблей, нередко образующих компактную и тематически взаимосвязанную группу в границах достопримечательного места. Достопримечательное место, образуемое на основе культурного ландшафта, не может быть сведено к сумме памятников и никогда не будет идентично такой сумме, поскольку территориальный комплекс не есть выборка объектов из этого комплекса. Памятники и ансамбли, попадающие в границы достопримечательного места, должны быть перечислены с указанием их реестрового номера, типологической принадлежности, постановления об отнесении к памятникам, категории охраны. Эти объекты могут оказывать существенное влияние на композицию и планировочную структуру достопримечательного места, они составляют элементы достопримечательного места и характеризуются в том объёме, в каком это необходимо для фиксации предмета охраны достопримечательно-

го места, избегая излишней детализации, уместной для их индивидуальных паспортов. В списочном составе таких памятников могут наблюдаться разночтения, поэтому важно провести их выверку, что следует поручать специалистам, хорошо знакомым с территориальным комплексом достопримечательного места.

Для разного типа достопримечательных мест существуют, как было отмечено, свои ведущие параметры описания, что фактически является производным от исторических функций таких мест, функции определяют вариантность предмета охраны. Но, что более важно, функции места сами могут составить предмет охраны, на что необходимо обращать внимание. Таковы богослужebные, торговые, производственные, коммуникативные, селитебные и иные исторические функции мест, поддержание которых позволяет сохранить историко-культурную среду, а не только внешние формы-оболочки того или иного культурного явления. Поэтому в руководящих документах ЮНЕСКО по Всемирному наследию одним из признаков аутентичности (а это обязательное требование к объектам наследия) названы исторические функции и использование.

Любой тип достопримечательного места, за исключением археологических комплексов, обязан своим существованием живой культуре, живым носителям культурной памяти. Связь между материальным и нематериальным наследием обеспечивает их взаимное воспроизводство. При описании достопримечательных мест этому следует уделять особое внимание. Места традиционных промыслов вообще базируются на живой культуре — традиционных технологиях, навыках, способах обучения мастерству, нормах обычного права в традиционном сообществе. Исторические поселения могут устойчиво сохранять свои основные архитектурно-градостроительные достоинства только при сохранении культурных архетипов домостроительства и организации селитебного пространства, передаваемых от поколения к поколению (в противном случае они оказываются на попечении реставрационной отрасли, которая в состоянии обеспечить сохранность только отдельных объектов, но не всей градостроительной среды). Крупные ландшафтные комплексы напрямую зависимы от состояния культуры землепользования и природопользования, от этнокультурных традиций и их жизнеспособности. Места религиозного почитания предполагают и совершение обрядовых

действий, и регламентацию поведения, и насыщение территориального сакрального комплекса семиотическими объектами, закрепляющими связь индивида и пространственного локуса. Всё это — формы нематериального наследия, которое характеризует наследие материальное. Достопримечательные места в этом отношении — сложные образования, в полной мере отражающие концепцию культурного ландшафта.

Территориальный комплекс, относимый к достопримечательному месту, всегда динамическая система, в которой что-то происходит и изменяется. Важно учитывать процессы, которые обеспечивают сохранение или поддержание предмета охраны или даже развивают его. Например, народная архитектура через традиции домостроительства должна воспроизводиться в застройке сёл и деревень. Поля должны распахиваться или залужаться, а луга — выкашиваться, при этом форма стога сена может составить предмет охраны. При святых источниках естественно появление купален, часовен и крестов. Характерные процессы должны поддерживаться, на что необходимо обращать внимание при формулировке предмета охраны. Характер типовой застройки и характер растительного покрова — самые очевидные примеры динамических характеристик, наиболее подверженных изменениям в связи с коттеджными инвазиями и зарастанием полей лесом. Даже нейтральная застройка и забытое безымянное поле могут во многих случаях представлять ценность, и их параметры должны вводиться в предмет охраны, если они важны для пространственного каркаса ландшафта, выявленного как достопримечательное место. К сожалению, человеку свойственно замечать некоторые важные особенности места после их утраты: мы замечаем утраченную живописность рядовой застройки, когда среди неё вырастет нефеодалный замок, замечаем утраченные просторы полей, когда они замещаются жердняком. Мы замечаем тишину, когда её больше нет. Есть такие свойства ландшафта, осознание ценности которых происходит при их нарушении или утрате.

Звуковая и цветовая палитры ландшафта — очень важные характеристики достопримечательных мест, по содержанию и значению своему они могут относиться к предмету охраны. Если цветовые параметры иногда учитываются применительно к застройке, то учёт звуковых характеристик для постановки их на охрану пока относится к области фантастики. В то

же время звуки птичьих голосов, голоса домашних животных, колокольные звоны, тишина — неотъемлемый атрибут многих перспективных для охраны достопримечательных мест. Например, для монастырских территорий это — очень важный показатель аутентичности объекта.

Биота — важнейшая характеристика не только природного, но и культурного ландшафта. Если характеристика растительности довольно легко увязывается с элементами-топосами и часто их определяет, то с животным миром дело обстоит несколько иначе. Например, птицы — не только наиболее распространённые звуковые эдификаторы определённых типов ландшафта, но нередко символические, знаковые объекты. В определённых ситуациях исторический пруд требует наличия лебедя, парк — соловья, деревня — анста. Символическим объектом может быть дерево, цветок, камень. Такого рода объекты могут быть особенно существенны для этнокультурных территорий. Для народностей Севера характерно наличие тотемных животных, к которым установлено особое отношение, поэтому выделение достопримечательных мест на этнических территориях должно будет учитывать эти особенности при формулировке предмета охраны. Там, где природные комплексы представляют историко-культурную ценность, живая природа должна быть представлена в предмете охраны — через списки видов, жизненно важные стадии обитания, места сезонных концентраций, пути миграций и пр.

Описание границ объекта культурного наследия — новое требование паспортизации. Исходя из установленной законом трактовки объекта культурного наследия как объекта недвижимого имущества, границы территориальных объектов наследия, к которым относятся достопримечательные места, должны соотноситься с границами земельных участков. В то же время нельзя допускать неправомерной подмены понятий, когда территория отождествляется с земельным участком; к сожалению, такие случаи не единичны. Территория достопримечательного места может состоять из разных земельных участков, разных категорий земель, разных форм собственности на землю. С другой стороны, границы территории достопримечательного места должны отвечать требованиям целостности и всесторонней представленности того предмета, ради которого создаётся достопримечательное

место. В таком случае обычно рекомендуется следовать природным границам, а также историческим границам земельных угодий, линиям дорог и пр.

Эти естественные границы далеко не всегда совпадают с современными границами земельных участков, а если и совпадают, то земельные участки могут не состоять на кадастровом учёте или находиться в неразделённой государственной собственности. Тогда для определения границ достопримечательного места как объекта (совокупности объектов) недвижимости потребуются проведение межевания, процедура которого настолько дорогостояща и длительна, что может поставить под угрозу само создание достопримечательных мест как вида объектов наследия. Исходя из вышеизложенного, представляется целесообразным для тех случаев, когда межевание не проводилось и не может быть проведено в срочном порядке, отложить его исполнение на последующий после внесения в Реестр период, когда устанавливается характер использования, ограничения на использование и требования к хозяйственной деятельности, проектированию и строительству на территории достопримечательного места согласно ст. 35, п. 3 закона № 73-ФЗ. Соответственно информация, содержащаяся в паспорте, может ограничиваться словесным описанием границ и их картографической привязкой.

Картографическое сопровождение паспортов достопримечательных мест — очень важная и непростая задача, которую приходится решать любому составителю паспортов или разработчику зон охраны. Продолжающееся засекречивание российскими спецслужбами карт масштаба крупнее 1:100000 и ограничение доступа к ним создают ситуацию, когда картографическое сопровождение паспортизации объектов культурного наследия выполняется на некачественных подосновах, которые сложно соотнести с реальной территорией и так же сложно использовать для анализа и оценки топонимической структуры достопримечательного места. Требуемый для отображения границ и основных ценностей достопримечательного места картографический масштаб составляет в большинстве случаев от 1:5000 до 1:50000. На картографической подоснове должна присутствовать информация топографической карты и сложившегося землеустройства, для чего к составлению паспортов должны привлекаться профессиональные картографы. На такую подоснову должны быть нанесены все учтённые и выявленные

памятники, попадающие в границы достопримечательного места, основные элементы-топосы, местная топонимика и собственно границы. Качество картографического сопровождения, которое для достопримечательных мест как территориальных феноменов наследия чрезвычайно важно, не должно зависеть от случайностей.

ОБЗОР ОПЫТА РАЗРАБОТКИ ПАСПОРТОВ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНЫХ МЕСТ

На сегодняшний день опыт выявления и постановки на охрану достопримечательных мест крайне ограничен. На федеральном уровне до настоящего времени не принят ни один такой объект, но процесс подготовки паспортов для нескольких из них имел место. На уровне субъектов федерации и муниципальных образований есть примеры постановки на охрану таких объектов, но они единичны, и информация о них носит случайный характер, ибо не существует единого центра, осуществляющего мониторинг внедрения этой перспективной формы охраны наследия. Мы рассмотрим некоторые примеры, в разработке документации по которым либо в экспертизе которых автор принимала непосредственное участие и располагает достоверной, хотя и не всегда исчерпывающей, информацией. В этих примерах представлены почти все типы достопримечательных мест, упомянутые законом: центры и фрагменты исторических поселений; военно-исторические, литературно-мемориальные, этнокультурные ландшафты; археологические комплексы; места религиозного поклонения.

Страна Аркаим

Страной Аркаим названа система укрепленных и сопутствующих им неукрепленных поселений бронзового века с прилегающими к ним участками древнего природопользования, обнаруженная в 1987 г. на юге Челябинской области группой археологов под руководством Г.Б. Здановича. Название Аркаим изначально было присвоено одному, наиболее репрезентативному и изученному из этих поселений, находящемуся в Брединском районе. Всего было обнаружено около двух десятков объектов, которые были поставлены

на государственную охрану как памятники археологии. В 2007 г. поселение Аркаим и ряд других аналогичных протогородских поселений были объявлены достопримечательными местами и отнесены к историко-культурному заповеднику «Страна Аркаим». По-видимому, этот опыт был первым в России (сведениями о более ранних постановлениях на охрану достопримечательных мест автор не располагает).

Поселения размещались по центру обширных чашеобразных котловин, окружённых невысокими сопками и прорезаемых речными долинами. На террасовых останцах этих долин при речных меандрах формировались наилучшие условия защищённости (петли речного русла создавали полуостровные местоположения), которые доводились до совершенства с помощью гидротехнических сооружений. Земли в долинах имели оптимальный для земледелия режим увлажнения, степи использовались под выпас скота, а азурит-малахитовые проявления меди в окрестностях и древесные ресурсы лесных урочищ — для добычи и выплавки металлов. На вершинах соседних холмов проводились культовые церемонии, о чём свидетельствуют следы каменных выкладок и захоронений. В предмет охраны были выделены следующие ключевые элементы культурного ландшафта:

- места укреплённых поселений с остатками их конструктивных деталей;
- места «пригородных» неукреплённых поселений;
- остатки и следы гидротехнических сооружений в виде обваловок, каналов, плотин, прудов, спрямлённых русел и пр.;
- места горнорудных азурит-малахитовых проявлений меди и иных минералов со следами древних разработок;
- сакральные комплексы — святилища на вершинах холмов, могильники, курганы и курганные группы, менгиры и их группы;
- прилегающие фрагменты лесов и лесные колки — свидетельства характерного для периода бронзового века природно-зонального распространения лесостепи, содержащей необходимые для выплавки металла ресурсы;
- меандрирующие речные долины, образующие удобные для размещения древних поселений и хорошо защищённые полуостровные участки террасовых поверхностей;

— чащевидные обширные придолинные котловины в местах пересечения современных речных долин с палеодолинами, обрамлённые по периферии невысокими холмами, занятые луговыми, степными и полевыми угодьями с сохранившимися фрагментами зональных разнотравно-ковыльных и типчаково-ковыльных степей, служившими основой древнего скотоводства и определившие облик ландшафта.

Паспорта для выявленных к постановке на охрану достопримечательных мест подготавливались авторским коллективом Специализированного природно-ландшафтного и историко-археологического научного центра «Аркаим» при постоянном консультировании с Институтом Наследия, экспертиза объектов и подготовленной документации осуществлялась экспертами Института Наследия. Процедура принятия документов уполномоченными органами Челябинской области была длительной, шли затяжные согласования, основные возражения вызывали размеры территорий предлагаемых достопримечательных мест, в границы которых попадали земли сельскохозяйственного назначения и земли поселений. В итоге к достопримечательным местам были отнесены только центральные участки предлагавшихся объектов, которые ранее были отмежеваны и переведены в земли историко-культурного назначения ввиду нахождения на них уникальных памятников археологии. На праве безвозмездного пользования они уже были переданы научному центру Аркаим.

Фактически территории поставленных на охрану памятников археологии с некоторыми частными дополнениями были переозначены и стали достопримечательными местами, на основе которых в соответствии с законом был создан историко-культурный заповедник «Аркаим», причём образован он был как юридическое лицо (единственное достижение во всей этой истории!). Историко-культурный заповедник, так же как и достопримечательные места, возник в результате переозначения небезызвестного научного центра, который в свободной печати долгое время и безосновательно назывался музеем-заповедником. Таким образом, содержательно ничто не изменилось, никаких достижений в охране наследия и археологического культурного ландшафта не состоялось, но огромная работа была проделана, чтобы в пространстве чиновничьих отношений были переозначены некоторые понятия и заслуженный научный коллектив получил право отно-

сить себя к той организации, функции которой он давно исполнял. В то же время в результате проведённого исследования были получены интересные методические разработки по выявлению предмета охраны палеокультурных ландшафтов. Одновременно стало очевидным, что основным рабочим средством противодействия созданию достопримечательных мест в сфере управления будет выступать миф о необходимости межевания входящих в них земельных участков со ссылкой на ст. 5 закона № 73-ФЗ о землях историко-культурного назначения, то есть данная статья станет использоваться по прямо противоположному назначению.

Бородинское поле

Разработка паспорта достопримечательного места «Бородинское поле» в границах территории существующего Бородинского музея-заповедника осуществлялась специалистами музея-заповедника под руководством А.В. Горбунова совместно со специалистами Института Наследия в 2006–2007 гг. По ряду причин этот паспорт до настоящего времени не представлен в федеральные органы охраны наследия. Тем не менее, опыт, полученный при его составлении, представляет большой методический интерес, а сам паспорт следует признать одним из лучших из имеющихся на сегодняшний день примеров разработки подобных документов.

Необходимость разработки паспорта на территорию уже давно существующего музея-заповедника обусловлена несовершенством российского законодательства, в котором территория музеев-заповедников как правовая категория отсутствует, в результате исторические культурные ландшафты становятся заложниками хозяйствующих на территории субъектов, имеющих отличные от охраны наследия цели. Главные проблемы современного Бородинского поля: 1) зарастание полей лесом, запустение и искажение ландшафта при отсутствии земледельческой деятельности и 2) внедрение современной коттеджного типа застройки в русскую деревню, облик которой принципиально не менялся вплоть до конца XX столетия, и не было повода к жёсткому регулированию процессов домостроительства в обычных деревнях. Процесс зарастания касается не только полей, но и ранее открытых благодаря выпасу скота и сенокосению эрозийных врезов овражно-

балочной сети. Зарастают и опушки, и лесные поляны, и лесные дороги, включая и те, по которым в 1812 г. перемещались армейские корпуса. Происходит перераспределение функций ландшафта, где основная деятельность концентрируется в населённых пунктах в форме нового строительства. Типовая деревенская застройка при всей её непритязательности дополняла историческую среду ландшафта, новая — контрастирует, создаёт нежелательные визуальные акценты в ландшафте.

Бородинское поле, поле битвы между двумя великими армиями — М.И. Кутузова и Наполеона Бонапарта, состоявшейся в сентябре 1812 г. в 120 км западнее г. Москвы, представляет собой культурный ландшафт, сформировавшийся в результате: 1) грандиозного сражения с большими человеческими жертвами и затратами боевого снаряжения; 2) предваряющих сражение обширных инженерных земляных работ; 3) последующей длительной мемориализации с созданием музея, монастыря, памятных монументов. Событие, послужившее поводом к мемориализации ландшафта, произошло на равнинной с небольшими всхолмлениями местности, пересечённой оврагами, балками, речками и ручьями, занятой в начале XIX века крестьянскими полями, деревушками, дворянскими усадьбами, лесами и перелесками. Особенности рельефа и характер растительного покрова при визуальной открытости ландшафта создавали мнимое ощущение доступности, в то время как в действительности местность имела многочисленные препятствия, скрываемые пластикой рельефа. Кулисы, создаваемые лесами и перелесками, определяли размещение резервных частей армии, доминирующие высоты — размещение командных пунктов и оборонительных сооружений, болотные массивы служили естественными заграждениями. В октябре 1941 г. ситуационный план местности и её ландшафтные особенности послужили основанием для размещения здесь оборонительных рубежей и ведения боёв с подразделениями немецкой армии: произошло локальное воспроизведение исторических функций ландшафта. Культурный ландшафт поля битвы сохранился в основных своих чертах до настоящего времени, хотя некоторые его детали претерпели изменения.

В методическом плане наибольший интерес представляет структура описания Бородинского поля как достопримечательного места. Его составляющие (по типологии А.В. Горбунова): свидетельства битвы (земляные

сооружения, братские могилы, культурный слой), свидетели битвы — памятные места и объекты (элементы ландшафта накануне битвы, сохранившиеся по сей день), памятные знаки и сооружения (монументы, монастырский и музейный комплексы). Из них стоят на охране в качестве отдельных памятников истории и культуры все памятные знаки, все выявленные свидетельства, отдельные свидетели — памятники архитектуры (церкви) и археологии.

Культурный ландшафт в своей исторической целостности описывается через устойчиво повторяющиеся характерные, а также через индивидуальные элементы-топосы:

- реки и ручьи с оврагами (реки Колочь, Воинка, Еленка, Мжут, Сетка и пр., ручьи Алексинский, Безымянный, Горецкий, Каменка, Масловский, Прудки (Огник), Самонов, Семёновский, Стонец и пр.);
- высоты, горы, холмы, курганы (гора Каменка, гора Коноплёва, Красный холм, Семёновские высоты, Шутов бугор, Утицкий курган);
- поля и луга;
- леса, рощи и перелески (леса Утицкий, Псарёвский, Беззубовский, Валуевский, Рядачи, роща Наполеона);
- болота (Фёдоровское, Калугино, Мышинское, Кабиковское, Сосновское);
- дороги (Старая Смоленская дорога, Новая Смоленская дорога, Царская дорога и пр.);
- господские усадьбы с парками (сохранились фрагменты 5 из 13 бывших в 1812 г. господских усадеб);
- сёла и деревни (Артёмки, Беззубово, Бородино. Валуево. Головино, Горки, Доронино, Ельня, Криушино, Логиново, Новая Деревня, Псарёво, Рогачёво, село Старое, Семёновское, Татариново, Утица, Фомкино, Шеварино);
- селища (места 12 поселений, существовавших вплоть до 1812 г.);
- Воздвиженский погост;
- Бородинское городище;
- церкви (ц. Рождества Христова в с. Бородино, Смоленская ц. в Старом селе, фундаменты разрушенных церквей — Знамения в Ельне, Успения в Криушино);

- мельничные плотины и пруды (фрагменты 5 плотин на Колочи и Войне);
- флешы, батареи, редуты и другие земляные укрепления 1812 г.;
- доты, землянки, окопы и другие земляные укрепления 1941 г.;
- памятники, надгробья (более 40);
- панорама Рубо;
- Спасо-Бородинский монастырь;
- музейная усадьба;
- место императорской усадьбы.

Ценность культурного ландшафта Бородинского поля заключена не только в составе слагающих его вышеперечисленных композиционных элементов, но также в композиционно-планировочной структуре местности, в системе визуальных взаимосвязей, в топонимической насыщенности, в способах воспроизведения динамических характеристик мест. Особенное значение имеют визуальные связи и перспективы, подвергающиеся в настоящее время угрозе трансформации и утраты. Просматриваемость местности была важнейшим параметром поля сражения и должна поддерживаться. В особенности это касается визуальных бассейнов ключевых точек пространства — батареи Раевского, Багратионовых флешей, Шевардинского редута, Семёновских высот, деревни Горки, села Бородино.

Культурный ландшафт поля битвы представляет собой исключительную историко-культурную ценность, поскольку сохранил основные черты подлинности и является естественным мемориалом одной из величайших баталий мира, что подтверждается историческими источниками, а также компонентным составом и структурой ландшафта. Сохранение подлинности места события — это сохранение памяти и источника информации, что необходимо для передачи грядущим поколениям исторической правды и предупреждения ложных толкований установленных фактов.

Пушкинский музей-заповедник

Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское» расположен в центре Псковской области, по правому борту долины р. Великой, на юге Великоорецкой водноледниковой равнины, осложнённой невысокими

холмами и грядами, озёрными котловинами, речными долинами, что в совокупности определяет пейзажные достоинства местности. В начале XIX века культурный каркас территории включал Святогорский монастырь с прилегающей слободой Тоболенец, сеть небольших дворянских усадеб, куда относилось и Михайловское, окружающие их деревни с сельскохозяйственными угодьями, тяготеющие к долинам рек и озёрным котловинам.

Главная ценность современного Пушкинского музея-заповедника — это культурный ландшафт, в своих основных пропорциях сохранивший черты той местности, которая оказала столь плодотворное влияние на творческий гений поэта. В этом исторически аутентичном ландшафте выделяются три важнейших семантических акцента: 1) место ссылки и поэтического вдохновения поэта (село Михайловское); 2) место упокоения поэта (Святогорский монастырь); 3) место пребывания одного из наиболее известных литературных персонажей — Евгения Онегина (Тригорское).

Пушкинский музей-заповедник имеет собственный землеотвод на площади более 1 тыс. га и находящиеся в процессе переустройства зоны охраны на площади около 10 тыс. га. В то же время очевидно, что именно в границах зон охраны локализуется тот самый культурный ландшафт, который представляет мемориальную, литературную и историческую ценность и обладает признаками объекта культурного наследия. В 2007—2008 гг. Институт Наследия проводил работы по выявлению предметной ценности наследия и обоснованию создания достопримечательного места в границах зон охраны.

Следует отметить, что именно из-за необходимости обозначить свои территории многие музеи-заповедники прилагают усилия для получения статуса достопримечательного места. Юридически музеи-заповедники являются учреждениями и могут обладать земельными участками на праве безвозмездного пользования, но их территории — гораздо более широкое понятие, чем находящиеся в их пользовании земли. Те из музеев-заповедников, которым были оформлены границы (Бородинский, Поленово), оказались в более благоприятной ситуации. Те, у которых часть земель оформлена в пользование, часть — попадает в границы зон охраны, уже испытывают немалые трудности (Михайловское, Куликово поле, Ясная Поляна).

На территории Пушкинского музея-заповедника и в границах зон его охраны по данным, предоставленным территориальным отделом музея-заповедника, на 2008 г. насчитывалось 74 объекта культурного наследия. Значительная их часть находится в оперативном управлении или пользовании музея-заповедника. Количественно преобладают археологические памятники — 39 объектов. Это городища (5 объектов), селища (19 объектов), могильники (9 объектов), каменные кресты и культовые камни (6 объектов). Мемориальные восстановленные усадьбы являются центрами туристско-экскурсионной деятельности (3 объекта), фрагменты утраченных усадеб (3 объекта) пока не имеют планов их использования. Архитектурные памятники сосредоточены в посёлке городского типа Пушкинские горы (9 объектов), из них общероссийское (федеральное) значение имеет ансамбль Святогорского монастыря с Успенским собором и могилой А.С. Пушкина.

Описание культурного ландшафта для целей составления паспорта должно быть основано, с нашей точки зрения, на топосной структуре ландшафта по аналогии с тем, как это делалось для Бородинского поля. Однако роль и значение аналогичных топосов будут иными, исходя из мемориальной, литературной и исторической ценностей территории. По своему структурному типу и основным ценностям это усадебно-крестьянский ландшафт. Его основные морфологические элементы:

- усадьбы восстановленные — Михайловское, Тригорское, Петровское (включая постройки, руины построек, парки, пруды, аллеи, гроты и пр.);
- усадьбы фрагментированные — Воскресенское, Дериглазово, Лысяя Гора;
- деревни (27 деревень и 5 урочищ на месте утраченных деревень);
- поля и луга;
- слобода Тоболенец и прилегающие исторические кварталы п.г.т. Пушкинские Горы;
- Святогорский монастырь, включая мемориальные захоронения, храмы, сооружения;
- храмы, часовни, святые источники;
- кладбища/жальники (включая кладбищенские храмы);

- городища (включая храмы на городищах и жальники);
- курганы;
- долины, реки и ручьи (долины рек Сороти и Великой);
- озёра (Кучане, Белогуль, Каменец, Тоболенец и др.);
- мельницы (мельница в Бугрово с мельничным прудом);
- горы, горки (Святые горы, Синичья гора, Тимофеева горка, Савкина горка);
- леса, рощи (Михайловские рощи);
- отдельные памятные старовозрастные деревья («Три сосны» по дороге в Тригорское, старые усадебные вязы, дубы, липы);
- болота;
- дороги («дорога, изрытая дождями», например).

Взаимоотношения между основными элементами описываются через планировочную структуру, композицию, визуальные связи и панорамы. Все эти характеристики особенно важны для достопримечательного места.

Во многих случаях морфологические элементы-топосы вступают в отношения соподчинения. Например, на **городище** устраивается **жальник/кладбище**, а затем возводится **храм** или **часовня**. В долине **реки** Сороты находятся некоторые **озёра** и многие **луга**. Нередко **кладбища** и **жальники** расположены на холмах, называемых здесь **горами**, на одной из таких гор расположен и Святогорский **монастырь**. В число главных **лесных** массивов входят и Михайловские **рощи**, а в границах Михайловских рощ расположены **курганные** группы. Воссозданная водяная **мельница** находится на территории **деревни** Бугрово, а макет ветряной **мельницы** — на **лугу**.

В территориальном распределении отдельных объектов наследия по территории просматриваются две зоны локализации — п.г.т. Пушкинские горы и Центральная, имеющая широтное простираие по долине р. Сороты — правого притока р. Великой, куда входят Михайловское, Савкина горка, Воронич и Тригорское, а также усадьбы Петровское и Дериглазово, деревни Зимари и Дедовцы. Кроме двух зон локализации объектов наследия, просматривается ещё одна ось субширотного простираия от оз. Каменец к д. Косохново, на которую «нанизаны» селища древнерусского и средневекового периодов и которая корреспондируется с современной системой расселения.

Во многих деревнях сохраняется традиционный для данного региона градостроительный морфотип, который в силу изменившихся социально-экономических условий и ветхости основного фонда застройки может быть быстро утрачен (деревни Крылово, Михново, Уляшки, Селихново и др.). Внедрение в традиционную деревенскую застройку элементов коттеджной застройки приводит к существенному изменению облика ландшафта, её силуэты явно диссонируют со своим окружением, они принципиально изменяют параметры визуального восприятия целой местности. Такие примеры есть в Зимарях, Дедовцах, Петровском, Каменце, Шаробыках и др. Происходит трансформация деревенского хозяйственного уклада, постепенная смена его дачным стилем жизни и при сохранении основных параметров застройки, хотя утрата элементов хозяйственной инфраструктуры при этом неизбежна (деревни Бугрово, Луговка, Воронич, Савкина горка, Подборье и др.).

Эстетические качества ландшафта — значимый параметр его ценности, поэзию вдохновляет красота. Природные особенности места определяют характер его использования, соответственно разнообразие природных урочищ как производное морфоскульптуры поверхности и литологии сказывается на мозаике угодий и происходит формирование рисунка ландшафта и в плане пейзажа — в визуальном восприятии. По рисунку угодий видно, что исключительно высокими пейзажными достоинствами обладают центральная зона с основными усадьбами и перекрёстными видами на долину р. Сороть и оз. Кучане, восточный сектор территории с центром на оз. Белогоуль и система урочищ вдоль оси Луговка — Уляшки.

Специфика музейной деятельности диктует свои нормы и ограничения — заботы о мемориальной обстановке усадебных домов и парков ограничивают интерес к развитию окружающего пространства, которое закономерно вступает в конфликт с мемориальным статусом места. Ландшафт Михайловского и ближайших окрестностей имеет важное мемориальное значение, связанное с пребыванием здесь великого поэта, его родственными и дружественными связями. Но ландшафт имеет более обширное ассоциативное значение. Он наполнен персонажами и образами Пушкинских произведений, каждый земельный надел в границах достопримечательного места может служить иллюстрацией к пушкинским строкам. Для централь-

ных усадеб музея-заповедника, Святогорского монастыря, некоторых часовен и городищ сотрудниками музея-заповедника разработаны прекрасные экскурсионные методики, связывающие конкретные фрагменты ландшафта с фрагментами пушкинской поэзии. То же самое необходимо сделать для более обширной территории с целью литературного опредмечивания локусов рекомендуемого достопримечательного места.

Соловецкий архипелаг

Культурное наследие Соловков имеет не только общероссийское, но и мировое значение. Соловецкий историко-культурный комплекс включен в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Государственные задачи охраны наследия возложены на Соловецкий музей-заповедник, и вся территория архипелага объявлена территорией музея-заповедника. В то же время нелегитимность понятия «территория музея-заповедника» в современной системе законодательства, а также возобновление с 1992 г. деятельности Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря создали ситуацию, в которой охрана территории и её уникальных культурных ландшафтов требует иных правовых оснований. Наиболее приспособленной к современным реалиям формой охраны является достопримечательное место. В 2008 г. по заказу Минкультуры Институтом Наследия подготовлено заключение историко-культурной экспертизы (эксперты М.Е. Кулешова, В.П. Столяров), в котором подтверждается необходимость создания достопримечательного места на островах Соловецкого архипелага и приводятся основные сведения о нём в соответствии с требованиями ст.17 закона № 73-ФЗ. Эти сведения соотносятся с параграфами паспорта объекта культурного наследия.

Для обсуждаемых здесь целей интерес представляют некоторые разделы экспертного заключения. В частности, в заключении тщательным образом рассмотрена история формирования историко-культурного и природного комплекса Соловков и дана его характеристика с выделением основных типов объектов. В истории становления комплекса наследия выделены этапы, которым соответствуют основные историко-культурные блоки: археологический, монастырский, концлагерный, музейный, неомонастырский. Особое внимание уделено монастырскому периоду, поскольку именно этот

период оставил нам шедевры каменного зодчества, восхищающего сегодня весь мир.

Памятники культуры, стоящие на охране и выявленные, типизированы по времени их возникновения и функции. В качестве особой категории монастырского наследия выделены культурные ландшафты. В ряду природных достоинств особо отмечено разнообразие форм рельефа, форм биоцено- тического покрова и наличие местообитаний редких и ценных видов биоты.

Памятники археологии:

- неолитические стоянки;
- древние святилища (включая лабиринты);
- древние некрополи.

Объекты монастырского наследия:

- сакральные объекты;
- объекты монастырской хозяйственной деятельности;
- транспортные коммуникации;
- гидротехнические комплексы и сооружения;
- культурные ландшафты.

Памятные места и памятники концлагерного периода:

- строения, конструкции;
- захоронения, места расстрелов.

Природные комплексы и объекты:

- формы рельефа морского и ледникового происхождения;
- биоценозы и ландшафты;
- местообитания редких и ценных видов биоты.

Приведённая типология обозначает основные группы объектов, среди которых есть и единичные памятники, и ансамбли, и сложные территори- альные комплексы. В этой типологии не прослеживается топосная струк- тура территории, но она хорошо идентифицируется по материалам моно- графии «Соловецкие острова: духовное, природное и культурное наследие» и сопутствующей карты. Соловки отличает исключительное разнообразие топосной структуры и композиций различных топосов. Богатая история архипелага определила и высокую насыщенность территории топонимикой. Основную площадь архипелага занимают леса, озёра, болота, луга. Семан- тически значимы и характерны горы, морские мысы, морские губы, остро-

ва, обозначенные топонимами. Спецификой Соловков являются каналные системы с гидротехническими сооружениями, образующие особый род памятников и топос. Сакрализация островов очень высока, что проявляется в большом числе скитов, пустыней, памятных мест, связанных с историей православия и пустынножительством. Кроме того, дохристианские культы оставили свои святилища с лабиринтами и каменными выкладками, образующими целостные территориальные комплексы. К сакральным объектам следует отнести и некоторые свидетельства концлагерного периода. Особую тему составляет история природопользования и образцы формирования обширных хозяйственных угодий, существенно повлиявших на облик архипелага. Следует констатировать, что в основе существующего описания архипелага лежит памятниковедческий подход, но глубина проведённых исследований и обилие информации позволяют понять, какова роль различных ландшафтных элементов, в каком соотношении они находятся, каков их состав и образуемая ими ткань культурного ландшафта.

Инициатива создания достопримечательного места на Соловках, выдвинутая Институтом Наследия, не была поддержана Московской Патриархией, и решение вопроса о статусе этого места было отложено. В то же время растущие аппетиты российских инвесторов при несомненной туристской привлекательности Соловков уже приводят к возникновению конфликтных ситуаций по поводу градостроительного освоения архипелага. Его культурные и природные ландшафты находятся под всё возрастающей угрозой коренных преобразований и утрат предметной ценности.

Деревня Дунино и окрестности

Предложения о создании достопримечательного места были разработаны в составе Концепции формирования ландшафтно-археологического и историко-мемориального заповедника «Дунино», разработанной Институтом Наследия в 2006 г. по заказу общественной организации, созданной для защиты Дунинского археологического комплекса.

Окрестности деревни Дунино приобрели общероссийскую известность и особую культурную значимость благодаря творчеству М.М. Пришвина, который жил в Дунино начиная с 1946 г. Именно М.М. Пришвин соз-

дал литературный ландшафт этого места. В 1979 г. году в Дунино был организован филиал литературного музея Москвы. Ещё одним культурным приоритетом окрестностей Дунино стали многочисленные археологические памятники, наиболее значимым из которых признан Дунинский ландшафтно-археологический комплекс. Он включает систему поселений дьяковского времени с прилегающими к ним угодьями древнего природопользования и отражает социально-хозяйственный мир раннего железного века как целостную систему. Сформировавшиеся здесь в конце I тыс. н.э. лесные массивы законсервировали культурные ландшафты раннего железного века, что обусловило их уникальную для Подмосковья сохранность.

В результате длительной эволюции природных комплексов под воздействием разнообразной деятельности человека сформировался культурный ландшафт окрестностей Дунино. Он занимает участок правого борта долины Москвы-реки ниже Звенигорода и прилегающие водораздельные участки водно-ледниковых равнин, занятые поселениями, сельскими угодьями, лесами, учреждениями отдыха и собственно рекой, а также пойму Москвы-реки в левобережной части долины. Ключевые составляющие этого культурного ландшафта как историко-культурной территории:

- места древних поселений железного века, включая центральное Дунинское городище и пять селищ с прилегающими угодьями и пользованиями на облесённом чашеобразном склоне долины Москвы-реки между д. Дунино и коттеджной застройкой на месте древних славянских поселений и могильников;
- усадьба Миловидово Пришвиных на западной окраине д. Дунино и Дунинского поля — семантический центр литературно-мемориального ландшафта;
- историческая часть деревни Дунино с традиционной планировкой и застройкой, современной М.М. Пришвину, В.Д. Пришвиной и их окружению;
- усадьба А. Попова, преобразованная в санаторий «Поречье», с господским домом, историческими хозяйственными постройками, спускающимся к реке парком;
- река Москва и её прибрежные пойменные угодья, пляжи, броды, остров;

- лесной массив Иславская *сеча* южнее д. Дунино и стихийно сформировавшейся зоны коттеджной застройки;
- ландшафтные *перспективы* на левый берег, включая Козино, Ивановку, Аксиньино, Можинку;
- антропогенный реликт — хвойный *лес* в границах частных земельных владений на месте исторического Козинского леса.

Ландшафт обладает уникальной по строению и сохранности поселенческой системой раннего железного века со свидетельствами древнего природопользования. Научная ценность археологических находок делает его ландшафтным раритетом. Последующее освоение ландшафта вело к его постепенному наполнению новыми объектами и деталями, исторические события формировали новые информационные слои ландшафта. М.М. Пришвин стал знаковой фигурой данной местности, его дом посещали многие известные писатели, художники, музыканты, учёные, что усиливает историческую и культурную ценность Дунина. Ландшафтные акценты, зафиксированные в произведениях и дневниках писателя, в воспоминаниях его близких и друзей, значимые для мировосприятия того времени и определившие его образный фон, во взаимосвязи своей подчёркивают неповторимую ценность дунинского культурного ландшафта.

Конкурирующая и конфликтующая функция ландшафта — селитебная — проявляется в неграмотной градостроительной политике, осуществляемой без учёта ведущих культурных ценностей ландшафта. К сожалению, он ускоренно трансформируется в обыденную и широко распространившуюся коттеджно-фортификационную модель, утрачивая своё очарование дачной сельской местности. Тем не менее, целый ряд ключевых участков особой исторической ценности сохранился, что определяет актуальность предпринимаемых действий по защите и охране этой выдающейся историко-культурной территории. Культурный ландшафт Дунино и окрестностей — это многокомпонентный объект наследия общероссийского значения, обладающий уникальным сочетанием и своеобразной территориальной организацией историко-культурных и природных ценностей.

Деревня Кимжа и окрестности

(Мезенский район Архангельской области)

Деревня Кимжа в письменных источниках отмечается с XVI века. Она расположена при впадении одноимённой реки в р. Мезень и отстоит от Мезенской губы Баренцева моря всего лишь на сто с небольшим километров. До наших дней хорошо сохранился её внешний облик — замечательные образцы традиционного народного домостроительства и шедевр деревянного зодчества — храм Одигитрии. Сохранность и качество деревянной архитектуры во вмещающем ландшафте излучины реки и при живущих культурных традициях определили повышенное внимание любителей старины и профессионалов в сфере наследия к этому далёкому северному поселению. В реликтовых, угасающих формах сохраняются здесь хозяйственные функции — земледельческие и промысловые. Промыслы — охотничий, рыбный, зверобойный были широко распространены ещё в прошлом веке. «Ходить на камбалы» — ходить в море за рыбой на карбасах в определённый сезон — употребляемое до наших дней выражение. Стиль жизни определил эстетику жилого пространства, этику отношений между членами крестьянского поморского сообщества.

По отношению к Кимже следует отметить, что эта деревня находится в режиме неустойчивой саморегуляции. Способность к саморегуляции, к воспроизведению традиционных форм деревенской жизни является одной из предметных ценностей наследия. Однако в современных условиях эта предметная ценность находится под угрозой (старожилы умирают, молодёжь уезжает в города, сельские формы быта замещаются городскими, сельскохозяйственные и промысловые практики угасают, фольклорные традиции забываются и пр.). Соответственно возникают основания для установления особого режима охраны и использования территории, что и может быть достигнуто путём отнесения Кимжи к достопримечательным местам. Специалисты Института Наследия неоднократно посещали Кимжу и разъясняли целесообразность сохранения этой территории именно в статусе достопримечательного места. В 2010 г. состоялся сход жителей деревни, высказавших пожелание об отнесении деревни к достопримечательному месту, а сессия муниципального совета депутатов поддержала эту инициа-

тиву. Необходимая документация была подготовлена на уровне района при непосредственном участии жителей деревни и направлена в областные органы охраны культурного наследия. Предстоит государственная историко-культурная экспертиза объекта и внесение его в Реестр с соответствующим установлением режима охраны.

Выше говорилось о концепции культурного ландшафта именно в связи с тем, что она позволяет выявлять и учитывать все частные виды наследия. Применительно к культурному ландшафту Кимжи инвентаризации подлежат: 1) собственно жилое пространство (деревня), периферия которого ограничена сакральными локусами — кладбищами; 2) массивы сельскохозяйственных и пастбищных угодий, чередуемые с ближними лесными участками; 3) охотничьи и рыболовные угодья, приуроченные в здешних местах к рекам и простирающиеся на многие десятки километров; 4) связующая ландшафтные локусы народная культура, в частности, культура природопользования. Глухой лес и таёжная речка — тот же культурный ландшафт, если они включены в систему традиционного природопользования, в традиционный стиль жизни, в культурную среду сообщества.

Соответственно и в самой деревне ценность наследия представляют не только памятники архитектуры — церковь, жилые дома, хозяйственные постройки, хотя несомненно, что жемчужиной Кимжи, её духовным центром является Одигитриевская церковь. Культурный ландшафт деревни складывается также из дорог, огородов, оград, пустошей, лужаек. Он имеет свои характерные звуки и свои запахи. Его планировка и застройка подчиняются своему стилю и традиции, а возможно и преданию, зафиксированному в топонимике, в названиях различных мест пространства деревни. Здесь существует своё функциональное и семантическое (смысловое) членение пространства, которое не должно быть утеряно или нарушено. Здесь существуют свои визуальные связи и композиции между планировочными узлами, осями и доминантами — их требуется выявить, чтобы современная жизнь дополняла, а не разрушала сложившийся за века неповторимый характер деревни. Здесь сохраняется разветвлённая система сакрализации пространства — места для молитвы и действующих религиозных практик (поклонный крест на переправе не менее значим для живой культуры, чем храм), места упокоения, места памяти (места утраченного храма, часовен,

поклонных крестов). Особый пласт исторического наследия связан с эстонцами, призванными в 1941 г. в Красную Армию и зачисленными в строительный батальон. В эти места они были присланы для строительства дороги из Мезени в Архангельск. Через некоторое время они были подвергнуты жестоким репрессиям: часть из них расстреляли, остальных куда-то увезли. Следы этой истории — место захоронения расстрелянных с памятным крестом, недостроенная «эстонская дорога» и воспоминания кимжан. И, наконец, без живых людей и их повседневных занятий сельский культурный ландшафт не существует — это самое главное. Люди являются носителями определённого стиля жизни, бытовой и духовной культуры, технологий природопользования, исторической памяти и преданий, которые определяют направленность ландшафтообразующих процессов, наполняют ландшафт смыслом и назначением.

Рекомендуемое содержание предмета охраны:

- деревня как место жизни крестьянско-промыслового сообщества, функции места;
- Одигитриевская церковь;
- жилая застройка — избы, дворовые постройки, характер домостроительства, огороды, характер изгородей, характер установки крестов вблизи жилья, характер берегоукрепительных сооружений, характер декора построек;
- индивидуальные хозяйственные постройки: мельницы, бани «почёрному», гумна, амбары, характер их использования и воспроизводства;
- планировка — красные линии, параметры улиц и междурядий домово́й застройки, парцелляция участков, характерная планировка и площадь застройки участка, визуальная связь с высотной доминантой — Одигитриевской церковью, параметры прицерковной площади;
- характер озеленения улиц, дворов, балок и речных склонов;
- местные породы скота (лошадь «мезенка»);
- поклонный крест у переправы через р. Мезень;
- кладбища, старые кресты, их визуальная связь с деревней;
- места утраченных поклонных крестов и часовен;
- мемориальное место расстрела эстонских пленных;

- поля и луга в окоёме деревни, традиции их использования;
- поля и луга за пределами окоёма деревни, традиции их использования;
- историческая дорожно-тропиночная сеть;
- река Кимжа, охотничьи и рыбацкие избышки кимжан по реке;
- озёра и их прибрежные котловины с охотничьими и рыбацкими избышками кимжан;
- лесные кварталы, опоясывающие открытые пространства вокруг деревни, а также прилегающие к реке и озёрам;
- местная топонимика — наименования частей деревни, утраченных часовен и крестов, кладбищ, полей, лугов, озёр, ручьёв, щелей по реке, лесных массивов, любых иных топосов.

Святой источник у села Красново (Борисоглебский район Ярославской области)

Создание достопримечательного места на святом источнике у села Красново Борисоглебского муниципального округа Ярославской области — очень интересный пример. Создание достопримечательного места началось здесь с историко-культурной экспертизы самого места, в ходе которой были зафиксированы основные ценности места и намечены его границы. Эта информация при условии её уточнения и дополнения может составить основу паспорта объекта. Экспертиза была проведена Институтом Наследия, а инициатором её проведения стал Спасо-Яковлевский Дмитриев монастырь в Ростове Великом. Отметим, что вопрос о создании достопримечательного места возник в результате конфликта землепользования, случившегося между собственником земельного участка, оформленного с нарушениями земельного и водного законодательства, и пользователями источника, благоустроившими его.

Источник расположен по правому борту долины реки Шула, протекающей между двумя поселениями — селом Красново с севера и деревней Хаурово с юга. Источник находится в небольшой чашеобразной склоновой западине, поросшей черноольшаником ввиду повышенной влажности почвенного покрова от близкорасположенных грунтовых вод. Куртина черноольшаника окружена сенокосными лугами, перемежающимися с ку-

старниками по склону долины и переходящими на плоском её днище в заросли тростников, осоки и другой околородной растительности. С севера, с водораздельных поверхностей, примыкает поле, в настоящее время подверженное интенсивному вторичному облесению сосной. За ним начинается сосновый бор, окаймляющий визуальный бассейн, открывающийся с борта долины ручья к северу от источника. Верхняя часть долины, её левобережные склоны и примыкающие к ним пологохолмистые водоразделы, занимаемые лесами, полями, лугами, перелесками образуют живописные панорамы, открывающиеся с ближайших окрестностей к югу и западу от источника. Источник является уязвимым к воздействию, поскольку его питание обеспечивается грунтовыми водами, воды источника являются нисходящими, поверхностные грунты имеют лёгкий механический состав и качество вод непосредственно зависит от характера использования угодий, формирующих зону его питания, в частности полей, прилегающих с севера к бровке обозначенного склона.

Изустные предания связывают святость источника с тремя обстоятельствами: 1) с крестным ходом вокруг Борисоглебска для избавления его окрестностей от змей; 2) с именем преподобного Иринарха Затворника, подвижника XVII века, подвизавшегося в Борисоглебском монастыре; 3) с празднованием Петрова дня — к этому празднику была приурочена местная ярмарка и народные гуляния у источника. В первом случае происходил чин освящения окрестностей в местах остановок крестного хода для конкретных целей, которые в народном сознании считаются достигнутыми — змеи в радиусе 7 верст от монастыря не встречаются. Надо полагать, что одна из остановок с совершением молебна была приурочена к источнику. Во-вторых, место с источником могло приобрести статус святого и мемориального места благодаря посещению его святым до ухода его в затвор на целые 30 лет, вплоть до кончины. В-третьих, празднование Петрова дня (окончание Петрова поста) именно у источника, которое продолжало совершаться даже в советское время, явно указывает на святость места для локального сообщества и его общинную значимость.

В непосредственном соседстве с источником находится объект археологического наследия — селище железного века, расположенное в нижней части выположенного склона водораздела, примыкающего к долине ручья

(выявлено археологической экспедицией музея-заповедника «Ростовский кремль»). Это однозначно свидетельствует, что источник находился в пользовании с глубокой древности, для древних поселений характерно размещение в соседстве с источниками питьевой воды. Следовательно, место размещения источника — это арена древнего природопользования и оно представляет несомненную ценность для археологической науки и реконструкции историко-культурной среды древнего поселения.

Топонимика — важный исторический аргумент, свидетельствующий о функциях и значимости места. При источнике ранее существовал деревянный сруб, сменённый затем на бетонное кольцо, и место это называлось и называется окрестными жителями Святым колодцем. Святые источники и святые колодцы занимали важное место в сакральной топографии дореволюционной Руси. Их современная реституция как общественно значимых мест имеет несомненное историко-культурное значение и является, наряду с восстановлением храмов и монастырей, объективным процессом, обусловленным потребностью людей в культурной самоидентификации.

Сложившийся характер использования источника, являющегося местом общественным, а не частным, ставит вопрос об ограничении оборотоспособности участка, занимаемого им и его ближайшими окрестностями во избежание публичных имущественных конфликтов и снятия социальной напряженности. Согласно ст. 20 закона № 52 Ярославской области земельный участок в границах территории объекта культурного наследия должен быть отнесен к категории земель особо охраняемых территорий — к землям историко-культурного назначения. Земли историко-культурного назначения используются строго в соответствии с их целевым назначением (ст. 99 Земельного кодекса РФ).

Основные ландшафтные элементы-топосы, на которые следует обратить внимание при составлении паспорта:

- источник с родниковыми выходами вод — Святой колодец;
- ручей, исходящий от источника, с устроенной на нём купальней;
- поляна при подходе к источнику от дороги, где установлен крест;
- склоны долины реки и вреза ручья;
- селище железного века;
- поле, примыкающее к бровке склона долины с севера;

- дуга и сенокосы по склонам долины, окружающие место источника;
- лес, бор за полем;
- куртины деревьев вокруг источника;
- панорамы, открывающиеся вдоль долины ручья от источника.

Решение об отнесении источника к достопримечательному месту принималось несколько лет, препятствиями служили невыясненные до конца отношения собственности на землю и требование местных органов власти о межевании участка. Тема межевания, как и в случае с Аркаимом, стала финансовым препятствием для инициатора и организационным поводом к бездействию для принимающих решение органов власти, которые системно и последовательно находят такие поводы. Изначально запрашиваемая площадь была сокращена с 4 до 1 га.

Городские достопримечательные места.

Уездный город Крапивна и луговое окаймление Суздаля

Информация о создании городских достопримечательных мест отрывочна и носит случайный характер, хотя именно городская среда как тип наследия наиболее интенсивно осваивается разработчиками документации. Существуют предложения о создании достопримечательных мест в Твери, Торжке, Брянске, Крапивне, Суздале, Ярославле, Вологде. Некоторые из них утверждены на уровне областной администрации. Нижегородской организацией «Этнос», разрабатывались предложения по созданию достопримечательных мест в Нижнем Новгороде, Соломбале (Архангельск), усадьбе Баташовых в Выксе.

Из перечисленных мест обратим внимание на бывший уездный город **Крапивну**, поскольку разработанная для этого поселения документация наиболее адекватно и качественно отражает задачу постановки на охрану достопримечательного места. Историческое поселение Крапивна расположено на левом берегу реки Плавы, при впадении её в Упу, в 30 км юго-западнее г. Тулы. Оно возникло как город-крепость на рубежах Российского государства в XVI в., а уже в середине XVII в. утратило своё оборонное значение. Его крепостные сооружения и адаптированная к месту и былому назначению планировка просуществовали до XVIII в., когда радикальные

преобразования Екатерины II предписали городу развиваться по регулярному плану, полностью изменившему первоначальный облик поселения. Его расцвет пришёлся на вторую половину XIX столетия, а удалённость от основных транспортных магистралей и отсутствие крупной промышленности способствовали сохранению его сложившегося на тот период облика — облика уездного торгового города. Именно эта сохранность городской застройки в сочетании с живописными панорамами городских и окружающих ландшафтов и патриархальными чертами быта составляют основную ценность данного градостроительного реликта, остановившегося в своём развитии и донесшего до нас яркий целостный образец провинциального градоустройства позапрошлого века. Город имеет и мемориальное значение в связи с участием в его судьбе Л.Н. Толстого и Г. Успенского.

В 2009 г. по заказу музея-заповедника «Ясная Поляна», под руководством И.И. Кроленко (ООО «Градо») был составлен паспорт достопримечательного места «Историческое поселение Крапивна» и предложены режимы регулирования градостроительной и хозяйственной деятельности на его территории. Работа выполнена на высоком профессиональном уровне, что отмечено в экспертном заключении от Института Наследия. Она имеет и важное методическое значение как пример анализа историко-культурной ценности сохранившейся градостроительной среды. Однако органы власти до настоящего времени не приняли решения об отнесении данного поселения к категории достопримечательных мест.

К предмету охраны в работе отнесены:

- характер рельефа;
- водные объекты;
- археологический культурный слой;
- элементы исторической планировки;
- объекты исторической застройки (как состоящие под охраной, так и предлагаемые к постановке под охрану, и предлагаемые к учёту ценные объекты);
- ценные элементы озеленения, фрагменты каменного мощения улиц и площадей;
- исторические высотные доминанты;
- исторические некрополи и кладбище;

- исторические функции зданий — объектов культурного наследия;
- городские панорамы и панорамы окружающего ландшафта.

Это часть предмета охраны, которая вполне понятна и фиксируется в приложениях. Другая часть предмета охраны, как указывают авторы, подлежит разработке в градостроительных регламентах, к ней относятся:

- типологические особенности композиционно-пространственной застройки домовладений;
- приёмы благоустройства улиц;
- масштаб и объёмно-пространственный характер застройки;
- традиционные материалы, приёмы, стилевые характеристики.

Далее, к предмету охраны отнесён «исторический визуальный характер и вид использования окультуренного лугового ландшафта поймы р. Плавы в границах достопримечательного места». Отметим, что «визуальный характер» является частью видовых панорам, а «вид использования» относится к функциям, так что эта характеристика дублирует уже перечисленные. В то же время вполне уместно было бы привести в описании Крапивны и частично — в предмете охраны видовой состав основных ценозообразователей в растительных сообществах речной долины, а также породно-возрастной состав городских садов и парков, равно как и традиционный набор садовых и огородных культур в городских домовладениях.

Из отсутствующих в описании и предмете охраны ценностей назовём также местную топонимику — многие топонимы упоминаются в тексте и даны в графике, но оценка топонимической структуры достопримечательного места отсутствует.

Достопримечательное место рассматривается в тексте документа как градостроительный, но не как ландшафтно-градостроительный объект. В то же время отмечается, что «активными ландшафтными элементами, формирующими пространственную композицию Крапивны, являются: р. Плава и её пойма, склоны береговой террасы и оврагов, равнинные открытые пространства и лесные массивы ландшафта за рекой, планировочная структура, объёмно-композиционные и другие особенности застройки города, а также заречных слобод» — Московской, Жилой, Пушкарской, Стрелецкой и Казачьей. Именно на эти слободы и следующие за ними леса и поля в юго-восточном направлении открываются основные виды из города. Дальним

фоном самой Крапивны с восточной и юго-восточной стороны, как отмечают разработчики, «являются лесные массивы Заупской и Малиновой засек, хранящие память об историко-ландшафтных предпосылках возникновения города». Эти леса — остатки тех засек, которые находились в единой системе обороны с Крапивенской крепостью, и это очень важный для истории города и его визуального восприятия ландшафтный сектор. Правовой режим достопримечательного места позволяет включать в него достаточно обширные территории, поэтому дополнение городского ландшафта его ближайшим сельским окружением в границах достопримечательного места было бы вполне логичным.

В этой связи назовём другой пример — город Суздаль, когда именно окаймляющие город луга для их защиты от надвигающейся застройки были отнесены к достопримечательным местам областного уровня. На исторический центр Суздаля и окаймляющие его луга как объекты культурного наследия (достопримечательные места) было составлено 11 паспортов. Разработка осуществлялась под руководством В.Н. Выборного и получила положительное экспертное заключение от проф. Ю.А. Веденина. В 2009 г. луговое окаймление Суздаля было отнесено органами власти Владимирской области в установленном законом порядке к объектам культурного наследия — достопримечательным местам. Под охрану были взяты открытые пространства, обеспечивающие историческое восприятие городских панорам и исторические пейзажи, открывающиеся из города и на город. Они находятся в черте поселения, их земли относятся к муниципальной собственности, что упростило процедуру создания достопримечательных мест. Луговое окаймление города сформировалось уже в XV в., о чём свидетельствуют архивные источники. Все суздальские луга сохранили свои исторические названия и были выделены в своих исторических границах. В методическом отношении интерес представляет описание объектов наследия, которое включает пять позиций:

- историко-градостроительное значение в системе городской застройки
- *местоположение, использование, история наименования, видовые точки;*
- историко-ландшафтные *границы* — их историческая трансформация, словесное описание, фиксация на плане;

- природно-ландшафтный комплекс — местоположение, использование;
- *структурно-планировочная ситуация* в современном генплане — живописная нерегулярная система жилых слобод, разбросанных по берегам реки и чередующихся с луговыми пространствами;
- экологическое состояние — площадь, генезис, *список флоры*, встреченные виды орнитофауны, перечень запретов и разрешений.

В этом примере важен сам выбор объекта и признание градостроительной значимости его исторической функции — быть лугом, а не полигоном под новую застройку. Привлечение ботанических сведений для описания объекта также заслуживает внимания, поскольку такого рода информация не характерна для градостроительных описаний.

Литература

- Горбунов А.В. Ландшафт полей сражений: генезис, структура, развитие // Культурный ландшафт как объект наследия. — М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. — С. 230–245.
- Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим — Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). Челябинск, 2007. — 260 с.
- Культурный ландшафт как объект наследия. Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. — М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. — 620 с.
- Михайловская Пушкиниана: Сборник статей научных сотрудников музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское». Вып. 21. Методические разработки экскурсий. — М., 2002. — 336 с.
- Окладников Н.А. Заповедная Кимжа. Архангельск, 2007. — 95 с.
- ОНИР «Анализ внутренней структуры и состояние культурного ландшафта в границах зон охраны Пушкинского заповедника как достопримечательного места». — М. — Институт Наследия. — 2008 г.
- ОНИР «Разработка концепции формирования ландшафтно-археологического и историко-мемориального заповедника «Дунино». — М. — Институт Наследия. — 2006.

ОНИР «Подготовка материалов для выделения территории историко-культурного заповедника «Страна Аркаим». — М. — Институт Наследия. — 2005.

Соловецкие острова: духовное, природное и культурное наследие. Указатели, пояснительный текст к карте, справочные сведения. Под общей редакцией П.В. Боярского, В.П. Столярова. — М. — 2006.

Чернов С.Э. Природное и культурное наследие долины Москвы-реки в окрестностях д. Дунино Одинцовского района Московской области (археологические и ландшафтно-археологические феномены наследия) // Саввинские чтения. — М.: Северный паломник, 2007. — С. 283—290.

П.М. ШУЛЬГИН,

канд. экон. наук,

И.Г. ИВАНОВА,

канд. архитектуры,

В.Н. КАЛУЦКОВ,

докт. геогр. наук,

О.Е. ШТЕЛЕ,

канд. геогр. наук

КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ БОЛГАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Малоизвестным, но чрезвычайно интересным объектом культурного наследия на территории нашей страны является древний город Болгар. Это архитектурный и археологический ансамбль, стоящий на берегу Волги и хранящий следы древнего государства, которое сосуществовало с Киевской Русью. Удивительно, но это историческое место почти не известно широкому кругу россиян. О Волжской Болгарии¹, пожалуй, мы помним всего лишь самые общие сведения, полученные на школьных уроках истории, догадываемся по названию, что она находилась где-то на Волге, но мало представляем себе, что её древние археологические и архитектурные сокровища доступны нам благодаря исследованиям археологов и труду музейных работников.

Еще в 1960-е годы были предприняты усилия по музеефикации этого памятника, по созданию на базе этого интересного историко-культурного объекта научного, туристского и культурно-просветительного центра. Задача очень нужная, особенно учитывая, что в нашей стране фактически нет достойного музейного и туристского центра, связанного с древней истори-

¹ Часто встречается также написание «Волжская Булгария», «Булгар», однако в последнее время среди специалистов рекомендуется написание через букву «О».

ей исламской составляющей российской цивилизации. По своей древности, наличию интересных памятников, а также их аутентичности, пожалуй, именно Болгару под силу решить подобную задачу. На территории музея-заповедника (так же как, например, на территории древнего города Помпеи) открыты многочисленные археологические и архитектурные памятники, реконструирован исторический ландшафт, формируются оригинальные музейные экспозиции. Древний Болгар, ровесник Киева и Великого Новгорода, место древних международных торговых связей, где древние минареты мусульманских мечетей соседствовали с христианскими храмами, может стать одним из наиболее привлекательных музеев в России.

Важно отметить, что Болгар — один из древнейших центров цивилизации на территории нашей страны. В период раннего средневековья на Средней Волге и в низовьях Камы складывается одно из первых в Восточной Европе раннефеодальных государств — Волжская Болгария. В VIII веке с низовий Волги, с приазовских степей сюда переселяются полуоседлые племена болгар (часть из них ушла на запад, на территорию современной Болгарии и дала имя этой стране). Начиная с X века в Волжской Болгарии происходит развитие феодальных отношений и одновременно налаживаются связи с соседними государствами, в том числе с русскими княжествами.

В 922 году болгары принимают ислам, и Волжская Болгария становится самым северным форпостом мусульманского мира. Тогда, по просьбе правителя болгар Алмаса, из Багдада пришло посольство халифа, главной миссией которого являлось распространение исламской религии в северном мире. Болгария входит в довольно широкий контакт с мусульманским миром, о ней появляется географическая и историческая литература арабско-персидского Средневековья. До наших дней дошли некоторые весьма ценные сочинения и отрывки из трудов восточных географов. Особый интерес среди них представляют сочинения Ибн-Фадлана, секретаря упомянутого выше посольства из Багдада, лично посетившего Волжскую Болгарию и видевшего город своими глазами.

В 1236 году Волжская Болгария одной из первых среди стран Восточной Европы приняла удар войск Батые. Многие её города были разрушены. Однако после этого разгрома Волжская Болгария сохранила известную политическую самостоятельность, уже в следующем столетии отмечается

активный рост производства, сельского хозяйства и торговли, возрождение городов.

Можно говорить, что Болгар фактически стал первой столицей Золотой Орды. В середине XIII — первой половине XIV века он переживает период расцвета. К этому времени относится территориальный рост города, развитие разнообразных ремёсел, сооружение монументальных зданий. Формируется новый центр города, где строится большое здание Соборной мечети с высоким минаретом, которая на протяжении XIII—XIV веков была главным культовым зданием Болгара и его архитектурной доминантой (рис. 1). Соборная мечеть с Большим минаретом являлась частью большого комплекса, куда входили Восточный и Северный мавзолеи (рис. 2), не сохранившийся ханский дворец. В настоящее время сохранились руины стен, угловых башен, оснований портала и фундаменты колонн мечети, уже в 1990-е годы был полностью воссоздан минарет.

В стороне от соборной мечети сохранился также Малый минарет и Ханская усыпальница. Малый минарет имеет высоту шестнадцать метров, его арочный вход и орнаментальная ниша богато оформлены в технике тонкой каменной резьбы. Следы декора сохранились и на верхней обходной галерее, куда ведет винтовая каменная лестница. Ханская усыпальница является частью архитектурного комплекса зданий XIV — начала XV века. Одновременно в этом районе вскрыты основания архитектурных сооружений, включающих в себя не только мавзолеи разной величины, но и здания иного назначения (рис. 3). Все они законсервированы и представлены для обозрения. Выдающимся для своего времени сооружением является Чёрная палата. Здание построено на самом деле из белого камня в середине XIV века, точное его назначение не установлено, предположительно это мог быть дом суда, медресе или странноприимный дом.

Сохранившаяся оборонительная система Болгара была создана в 60-е годы XIV века. Она представляла собой укрепления в виде рва, насыпного вала и дубовых стен. Деревянная стена толщиной до двух метров шла по гребню вала и имела 14 башен. В город имелись три въезда с дополнительными укреплениями. Южные укрепления — «Малый городок» — сохранились до наших дней.

В XIV веке Болгар был разрушен Тимуром, а в 1431 году рязанец Фёдор Пёстрый совершил поход на город, в результате которого тот был окончательно разорён. После падения Болгара центр экономической и политической жизни этого региона сместился на север — в Казань.

Современный Болгар — это обширное городище, окружённое валом (протяжённостью более пяти километров), где расположены архитектурные памятники XIII—XIV веков, а также многочисленные археологические объекты. Архитектурные объекты заповедника являются самыми северными в мире памятниками средневекового мусульманского зодчества, уникальными и единственными образцами архитектуры такого рода середины XIII—XIV вв. Они не имеют аналогов в мире и сохраняются как ценный исторический объект, свидетельствующий о культуре исчезнувших государств (Волжской Болгарии, Золотой Орды), оказавших значительное влияние на последующее развитие Поволжья и всей России.

Основную работу по сохранению всех этих объектов культурного наследия ведёт Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Созданный в 1969 году, он прошёл период становления и в настоящее время сформировался как один из крупных и интересных музеев-заповедников на территории Российской Федерации (всего в стране около 100 музеев-заповедников, и не все субъекты федерации имеют подобного рода учреждения культуры). Болгарский музей-заповедник осуществляет деятельность по сохранению и восстановлению объектов культурного наследия на своей территории; ведёт активную работу по привлечению посетителей, обслуживанию туристов, приёму мусульманских паломников; он также осуществляет разносторонние научные исследования и культурно-просветительскую деятельность.

Историческое значение этого места, расположенные здесь уникальные объекты культурного наследия, а также накопленный опыт музейной и организационной работы позволяют поставить задачу дальнейшего развития Болгарского музея-заповедника и превращения его в один из ведущих музеев-заповедников России. С этой целью сотрудниками Института Наследия совместно с учёными и специалистами Республики Татарстан в 2009 году была разработана Концепция перспективного развития музея-заповедника.

Концепция исходит из того, что потенциал историко-культурного наследия Болгара как исторического центра принятия ислама на территории России, одного из древнейших городов Поволжья и интереснейшего по набору археологических, исторических и архитектурных объектов памятника сравним с потенциалом ведущих объектов из списка Всемирного культурного наследия. Развивающийся здесь музей-заповедник может и должен стать объектом мирового значения, по своим музейным и туристским возможностям не уступать лучшим музеям страны и мира, обеспечить высокую привлекательность для посетителей из различных регионов России и зарубежных государств.

Для реализации этой цели предполагается решение следующих ключевых задач.

Разработка программы учёта и сохранения наследия на всём пространстве музея-заповедника, обеспечение грамотной организации территории, исходя из её культурно-ландшафтного и функционального зонирования. Для этого намечена система дальнейшего изучения территории, включая как археологические, так и природоведческие исследования; продолжение изучения уже выявленных памятников и составление программы экспедиционных работ по выявлению новых; научная реставрация и реконструкция изученных объектов (крепостные валы, жилые, производственные объекты на месте исторического города). К настоящему времени на территории городища исследованы несколько десятков архитектурных и археологических памятников. Продолжается работа по их выявлению, в частности ведутся раскопки вновь выявленного крупного здания, по-видимому, ханского дворца.

Очень интересными и перспективными являются работы по изучению природного наследия этой территории. Здесь сохранились остатки ковыльной степи, небольшого дубового леса (который может рассматриваться как аналог первичных лесов исторического болгарского времени), степные ландшафты и редкие виды растений.

В перспективе *вся территория музея-заповедника должна рассматриваться как единый культурно-ландшафтный комплекс, как комплексный культурно-ландшафтный объект, который включает не только*

археологические и архитектурные памятники болгарского и золотоордынского периода, но и более поздние наслоения, связанные с существованием православного монастыря XVIII века (рис. 4), сохранившейся исторической деревни Болгары, основанной почти 300 лет назад, а также памятники природы, прибрежный волжский ландшафт. Этот подход предполагает в перспективе возможность включения территории Болгарского музея-заповедника в список объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО по номинации «культурный ландшафт», что более реально, чем включение в список Всемирного культурного наследия восстановленных и реконструированных (фактически поновленных) памятников архитектуры исторического Болгара.

На самой территории музея-заповедника было разработано научно обоснованное районирование на территории массового посещения и охраняемые участки, места развития туристской инфраструктуры и другие функциональные зоны. Был предложен следующий принципиальный подход к функциональному зонированию территории музея-заповедника (рис. 5).

Значение центра приёма туристов сохраняет волжский причал, от которого начинается посещение музея и осмотр исторических памятников (в перспективе здесь будет сооружён современный причальный комплекс). Вместе с тем целесообразно создание нового центра приёма туристов в районе «малого городка», через который в перспективе будет проходить основной поток посетителей. Формирование нового центра связано с необходимостью приёма экскурсионных автобусов, автотуристов; именно здесь расположены площади, на которых возможно в перспективе создание туристских гостиниц, мотеля, современного туристского визит-центра, администрации музея-заповедника, инфраструктурных объектов. Здесь же будет сформирован и новый современный музейный комплекс.

Преимущество создания здесь нового центра приёма туристов также в том, что при начале экскурсий от «малого городка» появляется возможность полного представления о величии древнего Болгара, о значительности его территории и обо всём разнообразии памятников. Посетитель на пути к Большому минарету и восстановленным мечетям и палатам (примерно 1,5 км) будет проходить через городские валы, археологические раскопки древних мавзолеев, осматривать природные достопримечательности и дру-

гие архитектурные и археологические памятники. Мусульманские паломники также будут не сразу подвозиться к основным достопримечательностям, а благоговейно проходить этот небольшой путь, ведущий к главным святыням.

На территории музея-заповедника предложено выделение следующих культурно-ландшафтных комплексов (территорий):

- основного экспозиционного и культового комплекса;
- нового культового комплекса (колодец Габдрахмана);
- центральной археологической зоны с выделением доордынского города и города золотоордынского периода;
- экологической зоны с археологически ценным культурным слоем и экологически значимыми природными комплексами;
- исторической селитебной зоны (деревня Болгары) с археологическими и этнографическими памятниками, которой отводится также важная роль в работе с туристами.

Следующей ключевой задачей является *формирование нового музейного комплекса*. Современное музейное развитие не отвечает историческому потенциалу Болгара. Предполагается создание здесь системы музейных экспозиций и фондохранилищ, которые должны отвечать всем новейшим мировым тенденциям. *Намечается формирование музейного комплекса из нескольких экспозиционных пространств, продолжением которых будет маршрут по древним памятникам исторического городища* (своего рода музей под открытым небом).

В структуре музейного комплекса предложено создание следующих объектов. Должна быть сформирована музейная экспозиция в районе причала для информирования посетителей, прибывших водным путём. При подъёме на холм, на котором находятся основные памятники, существует возможность показа отдельных археологических объектов, находящихся у подножия холма. Для этого возможно создание небольших музеефицированных подземных пространств, демонстрация ряда раскопов, стратиграфических срезов.

Основную музейную экспозицию предполагается сформировать у «малого городка», именно к этому месту автобусами и автотранспортом будет

прибывать главный поток посетителей. Здесь будет построен современный музейный комплекс, включающий археологическую, природную, историческую экспозиции, библиотеку, конференц-зал и пр.

Этнографический музей с показом традиционного быта, с ремесленными мастерскими, объектами традиционной кухни и т.п. будет сформирован на части территории современной деревни Болгары в районе небольшого озера Британкино. Будут также музеефицированы некоторые реконструированные архитектурные объекты, небольшой участок древних валов, археологический раскоп (как самостоятельный и очень интересный объект показа). Музейные экспозиции не должны нарушать исторического ландшафта, поэтому намечается остекление ряда объектов, использование подземного пространства с музеефикацией археологических объектов (как в ведущих археологических музеях мира).

Создание системы разнообразных музеев позволит достаточно равномерно распределить посетителей по территории музея-заповедника и избежать чрезмерных нагрузок на отдельные объекты. Такая стратегия преследует ещё одну важную цель — формирование разнообразного туристского предложения, которое позволит посетителю задержаться в этом месте на несколько дней. Благодаря этому формируются предпосылки для более эффективной в экономическом смысле организации обслуживания, по сравнению с экскурсионным посещением на несколько часов (экономическая отдача от туриста, остающегося на ночлег, в 20 раз превышает эффективность обслуживания экскурсанта).

Важную роль в реализации задачи формирования разнообразного туристского предложения играет создание в перспективе филиалов музея-заповедника вблизи исторического Болгара (рис. 6). Два подобных филиала уже существуют — это краеведческий музей в Болгаре, содержащий информацию по бывшему уездному городу Спасску, а также великолепный археологический памятник — городище Сувар, находящееся в 60 км от Болгара (там же в селе Кузнечиха организован небольшой музей).

На пути от Болгара в Сувар находится ещё ряд интересных объектов. Прежде всего, это село Антоновка (бывшая Бездна), которая известна крестьянскими волнениями, произошедшими здесь в 1861 г. и связанными с отменой крепостного права. На базе хорошо сохранившегося усадебно-

го комплекса (главный дом с флигелями, церковь, пруды, старинный парк) здесь может быть организован чрезвычайно интересный музей усадебного быта.

В окружении Болгара также представляет интерес село Три Озера (место, связанное с древней болгарской историей и сохранившее более поздние интересные архитектурные памятники), старинные сёла Бугровка и Никольское с объектами культурного наследия. Интересным также будет посещение древнего Ага-базара (мыса на Волге, где в средние века осуществлялся интенсивный товарообмен и торговля). Посещение всех этих объектов не только позволяет задержать туристов на день, но и создаёт очень интересный дополнительный исторический и познавательный стимул для туристской поездки.

Ещё одним интересным для посещения достопримечательным объектом является место, на котором стоял бывший уездный город Спасск (полузатопленный при создании Куйбышевского водохранилища). Поездка туда может быть дополнена посещением примерно такого же небольшого бывшего уездного города Тетюши на противоположном берегу Волги, сохранившего многие старинные здания, а также дополнена купанием в Волге, рыбалкой, отдыхом на природе. Развитие музейно-познавательного блока создаёт надёжные предпосылки для перспективного развития туризма.

В качестве ещё одного стратегического направления совершенствования работы музея-заповедника была поставлена задача его развития как одного из ведущих российских и в перспективе — мировых туристских центров. Историческое значение Болгара и его выгодное экономико-географическое положение (волжский маршрут, надёжная связь с Казанью) делают эту задачу выполнимой. Перспективное развитие получат различные формы культурно-познавательного туризма, паломнический туризм (включая ежегодный праздник — день принятия ислама), научный туризм. Привлекательность собственно Болгара, его филиала в Суваре, ряда соседних сёл, волжского речного пространства — всё это позволит в перспективе задерживать туриста здесь на день и более, что обеспечит выгодные экономические предпосылки развития музея-заповедника.

Предполагается строительство нового причала и организация приёма экскурсий из числа туристов, путешествующих по речным маршрутам. В перспективе намечается более длительная стоянка туристских теплоходов у Болгара. Для размещения туристов и паломников планируется развитие сети туристских гостиниц (с разным уровнем комфорта) и инфраструктурных объектов. К их числу относятся:

- существующая гостиница в Болгаре (гостиница «Регина», средний уровень комфорта, 80 мест с возможностью расширения до 160 мест);
- проектируемая гостиница у «малого городка» с высоким уровнем комфорта (150 мест);
- мотель при въезде в Болгар (100 мест);
- отдельные сельские дома в селе Болгары, реконструированные под гостиничное обслуживание (10-15 домиков разного уровня комфорта вместимостью до 100 мест).

Использование этого фонда размещения позволит обеспечить приём примерно 120 тыс. туристов (остающихся на одну ночь и более на этой территории). Перспективный экскурсионный поток в Болгарский музей-заповедник оценивается от 400 до 500 тыс. посетителей в год. Также важную роль будет играть паломнический туризм. Ежегодный праздник принятия ислама может собирать до 15-20 тыс. посетителей. Для его обеспечения будет формироваться временный палаточный лагерь и стоянка транспорта (на территории бывшей взлётной полосы аэродрома). Музей-заповедник будет развивать программы специализированного научного туризма, а также конгресс-туризма.

Посетителям будут предложены и организованы следующие туристско-экскурсионные программы:

- осмотр объектов культурного и природного наследия на территории исторического городища и в создаваемых музейных экспозициях;
- посещение достопримечательных мест в окружении Болгара (городище Сувар и музей в Кузнечихе, будущий музей усадебной культуры в Антоновке, село Три Озера и другие исторические поселения);
- посещение места бывшего Спасска, поездка по Волге до Тетюшей, посещение Ага-Базара;

- религиозные паломнические туры к мусульманским святыням Болгара, колодцу Габдрахмана;
- участие в «событийных» мероприятиях (день принятия ислама, другие события);
- экологические маршруты по территории городища, по Волге, к засечным лесам и другим интересным природным объектам;
- специализированные научные туры с участием в археологических исследованиях, изучением истории, этнографии, природы региона;
- туры по индивидуальным программам.

При предполагаемых масштабах туристского развития к 2020 г. доходы музея-заповедника от музейного и туристского обслуживания смогут достигнуть 0,8–1,0 млрд. руб. в год. Ещё примерно 1,5–2,0 млрд. руб. будет получено в учреждениях сферы обслуживания и инфраструктуры. Повышение уровня доходности будет связано не только с увеличением общего количества посетителей, но и с повышением качества обслуживания, предоставлением различных видов дополнительных услуг, организацией экскурсий по индивидуальной программе и т.п.

В Концепции совершенствования деятельности музея-заповедника не менее важное место занимает *возможность развития музейной деятельности как импульса для дальнейшего социального и экономического развития окружающей территории*. В ней ставится следующая стратегическая задача: комплекс историко-культурного наследия — это особый и очень важный экономический ресурс, он может и должен стать основой особой отрасли специализации Спасского района, стать одним из перспективных направлений развития местной экономики.

Разнообразная деятельность музея-заповедника и связанное с ним развитие сферы туризма, различных обслуживающих учреждений и отраслей социальной инфраструктуры способны принести значимый экономический эффект. Предполагается, что для обеспечения намеченной программы численность занятых в музее-заповеднике должна составить примерно 200–250 человек. В отраслях, сопряжённых с обслуживанием посетителей музея-заповедника (строительство и реставрация, сельское хозяйство, туризм и сфера услуг, транспорт), будет создано ещё примерно 600–700 но-

вых рабочих мест. Расширение экономической активности станет важным источником доходной части местного бюджета.

Общий эффект разрабатываемых мероприятий развития музея-заповедника позволяет говорить и о высокой социальной отдаче и социальной эффективности. Она связана, прежде всего, с развитием культуры и туризма, сохранением духовности, улучшением экологической ситуации и сохранением исторической ландшафтной среды, совершенствованием образования, экологического просвещения и пр.

Важное значение имеет также использование потенциала культурного и природного наследия Болгара для развития науки. Нормальная работа подразделений музея-заповедника невозможна без квалифицированных научных сотрудников. Помощь музею-заповеднику должна быть оказана со стороны научных учреждений Казани. Имеется в виду обеспечение возможности для высококвалифицированных исследователей совмещения работы в научных учреждениях Казани и музея-заповеднике. В связи с этим на базе Болгарского музея-заповедника намечается сформировать *Научный академический центр по изучению истории и культуры Волжской Болгарии* — общероссийский научно-методический центр, координирующий исследования и оказывающий необходимую консультативную помощь всем российским регионам, на территории которых находятся объекты данного времени.

Ещё одной гранью социальной эффективности станут изменения в образе жизни и повышение уровня жизни местного населения, появление новых возможностей для его занятости, а также возможностей создания ряда профессионально-технических училищ, способствующих подготовке кадров для развития музея-заповедника и сферы туризма. Значительные изменения произойдут в сельских поселениях Спасского района. Ряд сёл, ранее потерявших значительную часть своего населения, при реализации программы туристского развития будет восстановлен и выйдет из разряда неперспективных и депрессивных. Интересные перспективы получит село Болгары, где местное население может развивать на базе своих хозяйств малые частные гостиницы, сувенирное производство, изготовление традиционных кулинарных изделий. Подобный импульс к развитию получают ещё 5-6 сельских населённых пунктов Спасского района. Это позволит начать

вывод сельских поселений из их современного депрессивного состояния, может сохранить не только старинные сёла, но и уклад сельской жизни, экономику села.

Намеченная стратегия музейного и туристского освоения и обустройства территории Болгарского музея-заповедника позволит обеспечить решение следующих важных задач:

- сохранение уникального для Республики Татарстан и для России объекта культурного наследия, который в перспективе может войти в список объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО;
- создание чрезвычайно интересного туристского комплекса на территории Республики Татарстан, повышение туристского и экономического значения Татарстана и Поволжья в целом;
- включение комплекса культурного и природного наследия исторического Болгара в систему общероссийских и международных туристских программ;
- развитие значимого общероссийского духовного центра мусульманских народов;
- создание научно-методического центра изучения истории и культуры Волжской Болгарии, центра экологического воспитания, развития краеведения;
- появление новых факторов социального и экономического развития территории Спасского района, формирование его особой культурной и туристской специализации.

Болгарский историко-культурный и природно-ландшафтный комплекс должен стать ещё одним российским объектом в списке мировых достопримечательностей, ещё одним выдающимся памятником на культурной карте мира.

*Рис 1. Вид на центральную часть Болгарского музея-заповедника
(фото Р.Э. Махмутова)*

*Рис. 2. Восточный мавзолей
(фото В.Н. Калуцкова)*

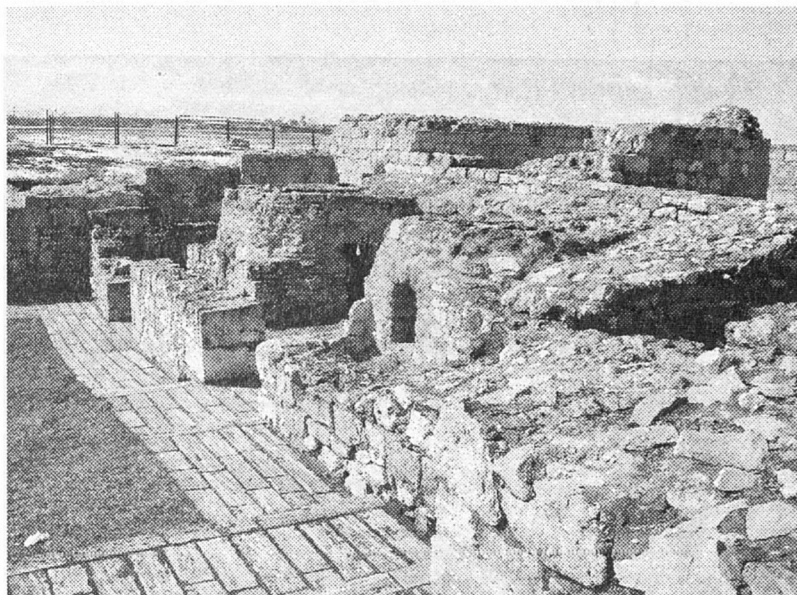

Рис. 3. Белая палата (фото И.Г. Ивановой)

*Рис. 4. Вид на центральную часть комплекса музея-заповедника
(фото П.М. Шульгина)*

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

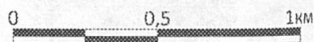
№№ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ЗОН

1	5б
2	6
3	7
4	8
5а	9

1 - НОМЕР ЗОНЫ

⋈ - ГРАНИЦА ЗОНЫ

МАСШТАБ

- озеро, водохранилище
- залесенные территории
- солитабные территории
- территория наиболее интенсивно используемая музеем-заповедником
- вал
- асфальтовые дороги
- грунтовые дороги

Рис. 5. Культурно-ландшафтное зонирование территории Болгарского музея-заповедника (карта составлена А.И. Глуховым)

Легенда к карте
«Функциональное зонирование Болгарского
музея-заповедника»

№	Функциональная зона		Объекты	Функциональная роль
1.	Основной центр приёма туристов («Новый центр»)		Новый музейный комплекс, визит-центр, автостоянка, туристские гостиницы и инфраструктурные объекты	Основные ворота музея-заповедника, центр приёма автотуристов
2.	Второй центр приёма туристов («Пристань»)		Пристань, экспозиция	Вторые ворота музея-заповедника, центр приёма водных туристов и организации речных экскурсий
3.	Основной экспозиционный и культовый центр		Комплекс Соборной мечети и другие архитектурные памятники	Основное ядро музея-заповедника
4.	Новый культовый комплекс		Колодец Габдрахмана	Место религиозного паломничества
5.	Центральная археологическая зона	5а. Доордынский город	Бывший рынок, Бани и другие архитектурные и археологические объекты	Активная музейная и туристская зона музея-заповедника
		5б. Центральная часть золотоордынского города	Чёрная палата, Белая палата, Малый минарет и другие архитектурные и археологические объекты с их природным окружением	
6.	Малый городок		Комплекс Малого городка с ценным археологическим и природным окружением	Активная музейная и туристская зона музея-заповедника
7.	Селитебная зона		Историческое село Болгары с археологическими и этнографическими памятниками	Этнографический музей и развитие туристской инфраструктуры
8.	Экологическая зона		Зона с археологически ценным культурным слоем и экологически значимыми природными комплексами	Познавательные и экологические маршруты
9.	Взлётно-посадочная полоса		Взлётно-посадочная полоса	Место паломнического лагеря

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Объекты культурного наследия

- исторические

- археологические

Объекты природного наследия

Рис. 6. Достопримечательные места и объекты в окружении Болгарского музея-заповедника (карта составлена А.И. Глуховым)

О.Н. ГЛАЗУНОВА

ПУШКИНСКИЕ ГОРЫ. ЛАНДШАФТНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Территория музея-заповедника Пушкинские горы расположена на юго-западе Псковской области. Для любого русского человека эта местность связана в первую очередь с именем великого русского поэта. Здесь было имение его родителей, сюда приезжал он летом, здесь жил в ссылке, здесь был и похоронен в стенах Святогорского монастыря. Он воспел эти реки и холмы во многих своих произведениях.

Что же видел он вокруг, какие рассказы слышал, какие песни?

Земля эта древняя, славянами заселена давно. В далёкие века было здесь суровое пограничье. О нём напоминают славянские городища Савкино и Воронич. Так удивительно переплелось всё здесь, что летописная крепость Воронич во времена Пушкина входила в усадьбу Тригорское (имение Осиповых-Вульф) и со «скамьи Онегина» смотришь прямо на валы городища.

Участок земли с Савкиным городищем Пушкин когда-то мечтал купить и поселиться там, о чём писал его тогдашней хозяйке, своей хорошей приятельнице.

«Дуб уединенный» действительно пережил Пушкина, как тот и пророчил, переживёт, видимо, и нас. Биологи прочат ему ещё лет 200 жизни. А растёт он прямо в центре могильного кургана.

Древними традициями пропитана эта земля. Наиболее старый престол Святогорского монастыря — ныне не существующей, разрушенной в годы войны Пятницкой церкви — связан с дохристианским ещё культом воды, русальными неделями. Это знаменитый «Девятник» — праздник девятой пятницы после Пасхи, сопровождавшийся шумными ярмарками, на которых любил бывать Пушкин. Старожилы вспоминают, как на Девятник «все в воду заходили, мылись, считалось, все грехи смываются, чистым ста-

нешь» (IV, V)¹. «На Пушкинское озеро ходил крестный ход. Женщины в воду заходили» (IV, V).

Крестный ход обязательно заходил ещё на два святых колодца.

Один святой родничок расположен в д. Луговка, где по местному преданию Богородица, перепрыгивая через речку Луговку, споткнулась о камень, и остался на нём её след. Сам камень-следовик исчез в годы советской власти. Часовенку возле него восстановили уже музейные работники. Святой же колодец сохранился. Место возле Богородицкого камня в Луговке непростое. Церковное предание говорит о чудесных исцелениях: «И егда людие дйчдоша до рече... на том месте начаша чудотворения бытии и исцеления... хромые хождашу радостные... древянницы (костыли) от ног меташа и исцеление быша велие»² В местном же фольклоре сохранились и иные представления. Рассказывают, что летними ночами можно видеть столб света над речкой и слышать смех нечеловеческий. Доярки даже боялись ходить домой с ночной дойки. А побывавший в Луговке в 1916 г. Г.И. Тарасов оставил нам ещё одно предание о якобы убитом на этом камне прохожем «там, где лежала его голова, осталось углубление в камне»³.

Второй, ещё более почитаемый колодец также с часовенкой находится между д. Луговка и Святогорским монастырём, в лесном урочище. «Крестным ходом ходили и с этой часовенки на колодец воду святить. Из церкви сюда святить ходили. Не доходя турбазы, на левой стороне часовенка, огорожена была, и колодец был. Она камнем была отделана. И ограда была сделана» (II, III). «В Пушкинские горы как идти, там стояла часовенка. Ходил туда крестный ход. Крестный ход к колодцу спускался послужить и к часовенке, а потом — кто куда. Крестный ход к ней из монастыря ходил. Пыль столбом, бабок только платки белеют» (IV, V).

У обеих часовенок, связанных с деревенскими святынями, были, как водится, сторожа. В Луговке, вспоминает старейшая жительница, столет-

¹ Римскими цифрами обозначены информаторы, согласно списку в конце статьи.

² Гейченко С.С. Древние камни с таинственными знаками // Пушкинский край 19 октября 1970 г. С. 216–217.

³ Тарасов Г.И. Поездка в Михайловское (31 июля—1 августа 1916 г.) С. 56–57.

няя баба Саша (рис. 1): *«Тётка моя там лампы зажигала»*. В лесном урочище жил в небольшой избушке (изобке) дед. *«Изобка стояла, дед Иванушка жил и днём и ночью и летом и зимой. Никуда не ходил. Не знаю, кто его поил-кормил»* (IV, V)¹.

К особому типу народных преданий о деревенских святынях относится рассказ о «провалившейся церкви». *«Рядом большая гора. Говорили, будто там церковь под землю ушла. На самой горе яма и камни какие-то были. Мы там, когда малину собирали, бабушка говорила: «Послухай ухом, и колокола услышишь, как звенят». А там трава такая высокая. Лягу — ничего не слышу»* (XXVII). Гора служила местом для пасхального костра.

Ещё одно удивительное место — Явные врата. Мотив врат, перехода в иной мир — частая тема в мифологии. Не исключение и славянская поэтика. Однако лесное урочище на перекрёстке дорог в качестве таких врат — явление неординарное. Местная жительница, сотрудница заповедника В.И. Охлопкова приводит два рассказа о них. *«Бабушка говорила, что Божия Мать здесь сошла с небес и пошла по земле — снять Христа распятого с креста»* А дедушка рассказывал ей о том, как ворота явились ему: *«Они редко кому показываются. Все больше воротами считают две берёзы, макушками сросшиеся. Но это не так. Мне ворота удалось один только раз увидеть ... Походил по лесочку, и меня как мор какой взял. Присел чуть передохнуть, задремал, а когда проснулся, пошёл, — чую, как будто заблудился. Вот они мне и явились: из красного кирпича, узорно выложенные, а за ними будто всё светится и простор большой, краю не видать. Стоял я дивился. А потом они пропали, а я тут же тропочку к озеру увидел»*²

Недалеко от Явных врат располагается ещё одно магическое урочище — Змеинная гора. По преданию, там жил змей, который *«скотину у на-*

¹ Такую традицию в Северодвинском бассейне отмечает Т.Б. Щепанская. См.: Щепанская Т.Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север. К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 122–123. В то же время А.А. Панченко считает, что «для Новгородской земли подобный институт «хранителей», в общем-то, нехарактерен». См.: Панченко А.А. Народное православие. СПб.: «Алетейя», 1998. С. 78.

² Охлопкова В.И. Мой любимый уголок земли. Михайловское, 2007. С. 90–91.

сельников воровал, а иной раз и девок. Вот так всё и было, пока, поганик, не рассердил мужиков до такой степени, что они ему смерть учинили. Сковали крюк, телка молодого не пожалели — забили, по ветру в лодке пустили, а в нем крюк зашитый. Змей телка проглотил и подавился. Но совсем не исчез, а растёкся мелкими гадами. С тех пор эта горка ими и кишит, ты без сапог туда не ходи»¹ По русским поверьям, змеи имеют тесную связь с демоническими силами. Считается, что любая змея по истечении определённого времени становится змеем летающим. В то же время из убитого летающего змея зародились змеи и ящерицы.

Помимо легенды о змее со Змеиной горой связывают представления о зарытых там кладах, которые не просто добыть, даже если знаешь, где они зарыты: их охраняют магические силы. «Если идти вдоль по озеру, то там есть Зимина гора или Змеиная. Старик деревенский знал, что на этой горе есть клады. Однако когда он шел туда, чтобы добыть их, ему казалось, что горит его деревня, и он возвращался» (L). Змея, по народным поверьям, — хранительница кладов. Уральские кладоискатели считали, что там, где много змей, много золота.

В Северо-Западном регионе обилие змей, в том числе и ядовитых, составляет довольно большую проблему, причём с древних времен. Борьба со змеями была повседневным явлением в жизни людей. Среди микротопонимов, записанных в районе Пушкинских гор, помимо вышеупомянутой Змеиной горы есть несколько Гажьих (Гадовых) болот. По общепринятому мнению, они кишат змеями. «Гажье болото — и дальше считай до Глазков. Один год там 3 скотины были гадюками перекусаны» (XXIX). Крестьяне многих районов России верили, что змеи могут повиноваться знахарю, ведьме, колдуну. Этнографы приводят, например, такое предание: «В стародавние годы было по всей округе всякого гада ползучего многое множество, кишмя кишели змеи-гадюки: ни проходу, ни проезду по дорогам от их змеиной лихости не было. Давно это было — не запомнят и деды наших прадедов. Лютовал змеиный род, нагонял страхи и на Русь, и на нерусь — чужь белоглазую; да послал Бог доброго человека знающего: закладя он их единым словом на веки вечные»² Аналогичные предания есть

¹ Охлопкова В.И. Мой любимый уголок земли. Михайловское, 2007. С. 90.

² Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1977. С. 315.

и у других народов, например легенда о Св. Патрике в Ирландии. Один из наиболее почитаемых новгородских святых, Варлаамий Хутынский (или Худынский) прославился как раз тем, что, уйдя жить на «Худынь», где потом был основан знаменитый монастырь, он заговорил эту местность от змей. И с тех пор ни одной змеи там не встретишь. Ходят такие легенды и в Пушкиногорье. В д. Каменец записана легенда про Лысую гору: *«В деревне есть Лысая гора. О ней есть легенда: когда-то в этих краях жил умный-преумный барин. И никогда никто не видал на этой горке змей. Потом стали пересказывать, что этот барин заколдовал местность эту на 1000 лет, и заклинание действует до сих пор — змей на горке не встретишь!»* (LVI). А главный хранитель музея-заповедника Ковалева Валентина Ивановна рассказывала, что её двоюродный дед Василий умел змей заговаривать. И, в частности, она помнит, как крестьяне собрали ему денег, чтобы он заговорил змей ползти в определённое болото. И змеи «разных цветов и фасонов несколько недель ползли туда».

К древнеславянским календарным обрядам относится распространённый в Пушкинских горах обычай разжигать костры в Пасхальную ночь. Сама по себе традиция разжигания пасхальных костров распространена довольно широко. Однако в Пушкинских горах она сильно отличается от общепринятых. Пасхальные костры разжигались вокруг церквей, на кладбищах, «живым огнём», огонь туда приносили из церквей, если церкви в селении не было, за ним посылались гонцы. В Пушкинских же горах костёр разжигался возле каждой деревни свой, на строго определённом месте, как правило, на возвышенности, горке. В качестве места для разжигания костров, выбирались горки издревле культовые. Практически все случаи связаны с такими почитаемыми местами. Материал для костра собирался всеми жителями деревни за несколько недель до праздника. *«Заранее соберём дров. Колёс тогда не было. И пламя запалим»* (XXI). Существовало обыкновение ревниво смотреть, чей костёр больше, считалось почётным разжечь пламя как можно выше. *«Горка на Городке напротив Бурунов, там на Пасху костры жгли. Смотрели, чей костёр больше, какой деревни»* (XXVII). Зажигали его в пасхальную ночь. Потом уже шли в церковь. Но, говорят, что костёр жгли всю ночь до зари. Обычно ещё бегали с факелами, однако уже в 1960-е гг. пожарные стали это запрещать. *«Жгли всю ночь. Балло-*

ны собирали вот от тракторов, например, по 50 баллонов, костёр был выше дома. На Пасху жгли костры по всему району. Даже пожарные относились к этому благосклонно. Не разрешали только с факелами бегать» (I). Причём ночь считалась подходящей для молодёжных игр и ухаживаний. «На Пасху костры жгли на Большой горе. И огонь на Пасху всегда. Пожжём костёр и — в церковь, в Крекшино. Служба идёт, а мы разойдёмся по парам и сидим» (XXII). «Празднуют также Пасху. Ходят на гору, зажигают костры, поют» (LV). Всё это никак не похоже на пасхальные костры, зато полностью соответствует принятым обычаям и нормам общесельских праздничных костров. «Большой общесельский костёр разжигался один раз в году, ...собирал вокруг себя всё сообщество. Во всех славянских традициях известны формы своеобразного состязания соседей при разжигании костров. Общесельские костры разжигали в специально отведённых для этого местах, всегда одних и тех же. Во всех славянских традициях предпочтение отдавалось возвышенности за селом... Календарным кострам придавался смысл очистительного и избавительного действия, они имели продуцирующее значение»¹. В весенней части календарного цикла общесельские костры, как правило, приурочены к масленице, иногда к обычаю «греть весну». В этнографической литературе отмечены случаи разжигания масленичных костров на возвышенностях. «Там же, где не делали чучела, обряд “проводов масленицы” состоял, главным образом, в возжигании общесельских костров на возвышенности за селом или у реки. В костры, помимо дров, бросали, всякое старьё — лапти, бороны, кошело, веники, бочки и другие ненужные вещи, предварительно собранные детьми по всей деревне, а иногда и специально для этого украденные». В Пушкиногорье старинный обычай разжигания общесельского костра весеннего календарного цикла, имеющий магический смысл «греть землю» после зимних холодов, совпадал с пасхальными праздниками. Костёр жгут в Пасхальную ночь, что вполне объяснимо: Пасха — праздник света, она так и называется «светлая Пасха»; это праздник, сопровождающийся необычно яркой иллюминацией, зажжением пасхальных свечей, пасхальных костров, факелов и лампад. В энциклопедии Брокгауза и Ефрона пасхальная служ-

¹ Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: «Индрик», 2002. С. 663–684.

ба характеризуется следующим образом: «с особенной торжественностью празднуется Пасха и доселе, по особому чинопоследованию, печатаемому в «Типиконе», а также издаваемому отдельной книжкой. Особенности этого чина: обилие зажжения и света (зажигаются все лампы и паникадила со свечами и все присутствующие на утрени имеют зажжённые свечи)». Однако по всей совокупности черт обряд разжигания костров в Пасхальную ночь в Пушкиногорье, несомненно, относится к древнему обычаю общесельских календарных костров. Сохраняется он до сих пор, хотя постепенно теряет черты общесельского, становится более аморфным. Раньше, как говорят, собиралась и молодежь, и взрослые, и дети, а теперь — взрослые мужики.

Деревенские святыни часто бывают тесно связаны со средневековыми погребальными памятниками. О старых кладбищах записано несколько поверий. Старое кладбище в Ворониче считается местом, где хоронили повесившихся, в Кириллове считают, что на близлежащей горке хоронили недоношенных младенцев, в Скудельне якобы похоронены богатыри, в горе-Могиле возле Кашина — жертвы старой войны. *«Там турецкая или какая-то война. При мне никакого вида, что тут кладбище, не было. Костры на Пасху жгли на Могиле»* (XXI). *«Дед и отец иногда говорили: Тут были захоронены богатыри»* (Из беседы С.С. Гейченко со старожилом д. Савкино Алексеем Ивановичем Ивановым)¹ *«В Воронце на Бую есть кладбище, там повесившихся хоронят»* (I). *«Могильник налево, сразу за деревней. Дорога идёт в горы, в Бугрово можно попасть. Говорили, что детей недоношенных там хоронили будто бы»* (XXIII). На всех этих горках жгли пасхальные костры.

К столь же древней традиции кулачных боёв восходит обыкновение драться во время гуляний на престольные праздники. *«Ни один праздник в старину не обходился без кулачных поединков, и в основном деревня дрались с деревней»* (XLV, XLVI). *«Без драки ярмарки не проходили»* (IX, X). Как особая социально окрашенная традиция драки были, в основном, распространены на Северо-Западе России: в Псковской, Новгородской, Тверской и Вологодской областях. Здесь они получили наибольшее развитие и детализацию. Отменённые специальным указом в городах, они сохра-

¹ Гейченко С.С. Из рассказов местных стариков // Пушкинский край. 20 августа 1988 г. С. 495.

нялись в здешних сельских поселениях до второй половины XX в. Затухать этот обычай стал только в 1960-е гг. «Занимая важное место в социализации парня, драка была необходимым элементом гуляний в течение всего периода взросления... становилась важным средством освоения мужской молодёжью традиционных форм силового и насильственного поведения и испытанием на умение контролировать себя, подчиняться запретам и ограничениям общества. В основе драк лежало соперничество, как индивидуальное, так и групповое, связанное с территориальной и брачной сферами»¹.

Вначале соперники просто мирно ходили мимо друг друга. *«Молодёжь сначала гуляет, в ряд по несколько человек ходит туда-сюда по улице. А старики сидят и всё примечают: кто во что одет, кто с кем пошел. Потом появляется гармонист. Сначала просто играет»* (IX, X).

Главную роль в зачине драки играли задиристые частушки и песни «под драку». *«Вдоль деревни гуляли с гармонью, с частушками, дрались»* (XXV):

*«Зимари пошли гулять,
думали, не будут драться.
У Ванюши болт в руках,
подбежал к нему Павлюша:
«Драться будем иль гулять?»
Коля как-то налетел,
Павля сразу полетел»* (XXIII).

*«С огорода затрещало,
мой товарищ побежал.
Не надеюсь на товарища,
А надеюсь на кинжал»* (XXXVI).

А.Н. Веселовский, рассматривая народную поэзию, писал, что у её истоков стоит подражательный элемент особо тесной связи между желанием, надеждой и верой во влияние символического воспроизведения желаемого на его осуществление².

¹ Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия. СПб.: «Искусство-СПБ», 2005. С. 193, 196.

² Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 207–208.

Начинались драки под специальный наигрыш гармони, называемый «Скобарем», «Рассадиловкой» или «Новоржевкой». «Потом, как «Скобаря» начинают играть, — сразу драка. Побегали в один конец — там драка, значит» (IX, X). «Была такая мелодия «Скобарь». Ну, не мелодия, проигрыш такой на гармошке. Ну и все знают: как «Скобарь» заиграют, значит, в этом углу дерутся. И бегут туда» (I). «Бывало «Новоржевка». Как «Новоржевку» заиграют, — в том конце дерутся. Палками дрались» (XXV). «Дрались. С гармонью шли и с палками. Ух! Гармонь и «Рассадиловка». И сразу запевают и сразу тут пошла...» (XXVI). Дрались по несколько раз за праздник. «Раз 5-6 подерутся за праздник» (XXI). Как приговаривали: «Три скобаря страшнее танка».

Дрались на кулаках и кольями, иногда в ход пускали ножи, что, впрочем, не приветствовалось. «Дрались на праздники. Ещё и как! По страшному! И кольями, и кулаками, и ножами» (XIV). «Дрались и палками, и ножиками». Как вспоминают старожилы: как драка начнется, так, бывало, за один миг разберут забор на дрыны. «Дрались на кулаках. Ну, а уж как в раж войдут, так и забор ломали, и за оглобли хватались. Бывали и поножовщины» (I).

Девушки служили сдерживающим фактором, способным предотвратить убийство, в частности, они старались следить за тем, чтобы на драку не приносили ножи, в отдельных случаях девушки могли защитить «своих» парней, так как ударить девушку в драке считалось предосудительным. «Мальцев в обиду не давали. Мальцев было 10, а девок 21. Так мы, пока до милиции дойдём, обшманаем своих мальцев, вытянем ножики» (XXVI).

Однако были и несчастные случаи. «В 1959 г в Бугрове зарезали в такой драке нашего родственника» (I).

Существовал своеобразный «кодекс чести», набор правил, которых придерживались. Например, если кого-то покалечили в драке, милиции виновника не выдавали. Это считалось постыдным. Однако жертву не оставляли — виновник помогал деньгами, продуктами и т.д. «Очень пострадал устиновский Барыга, который полгода отлёживался, а Мишка помогал ему деньгами. В суд, как правило, не обращались, это считалось зазорным» (XXXVIII).

В драках выделялись особо буйные. «В Косохнове был такой Антон, сильно дрался. Его гнали в реку, где слам с лодок. Тремя вёслами его пёрли, потом всё-таки загнали его в реку» (XXV). «Устиновские мужики прижали в Покров Корневского Мишку, который был рослым и сильным, так он поранил 7-8 мужиков» (XXXVIII). Как социальный институт драки, как уже отмечалось, были, в частности, испытанием на умение контролировать себя. «Слишком буйные, для которых “закон не писан”, не пройдя эту часть испытания, теряли привлекательность в глазах потенциальных невест и в итоге оказывались вне брачного круга»¹.

Традиционное хозяйство, принципы традиционного природопользования, как и традиционное мировосприятие, довольно хорошо сохранились в районе Пушкинских гор. Система микротопонимов, представляющих в известной степени картину окружающего мира, не имеет серьёзных лакун. Старожилы (рис. 2) помнят большинство названий урочищ, в том числе названия полей, как около деревни, так и отхожих, и других угодий. Ясно представляют, кому какая часть принадлежала. «Рысы — поля, там делялись» (II, III). «И там роца берёзовая, камень поставлен. Мы там полосы делили» (VII). «А с той стороны поле, оно половину Луговское, половину — наше» (IX, X). «Чья гора? — Дедовские мужики здесь работаем» (XIV). Однако сами уже признаются: «Сейчас мало названий используем, и вот забываем. Раньше старики придут, и начинают говорить, что там-то или там-то, слышишь постоянно и помнишь. А сейчас не используем эти названия, и они из памяти тоже исчезают. И не ходим никуда. Когда ходили, то часто употребляли эти названия. А сейчас вот дома сидим» (IX, X).

Тяжёлая, не слишком плодородная земля, большое количество валунных камней, следов древнего оледенения, неустойчивая холодная погода создают суровые условия для хлебопашества. «Тут ведь камни растут из земли, земля их выталкивает. Думаешь, уберу на своём поле камни, больше не будет, а они всё равно растут». «Земли не очень хорошие, глинистые» (XIX). «Так как пахотной земли было мало, и в основном

¹ В. Холодная. Драки // Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия. СПб.: «Искусство-СПб», 2005. С. 193, 196.

была тяжелая глина, соседние деревни называли савкинцев голодниками» (LIV). Однако и этой земли не хватало. Уходили на неудобья, пустоши, селились на хуторах. «Раньше на хуторах жили. А потом деревня была, уже после войны» (XVIII). «Хуторов тут было много. Земли не хватало. Тоже на хуторах жили. Семьи большие были, на детей земли не хватало, а жить-то надо, и уходили на хутора» (XIX).

Значительная часть земли занята картофелем, горохом, другими овощами. Овощи тут растут хорошо. «Брюква называлась калика. Редьку только в пост ели. Раньше ели из одной чашки. Только ложки свищут. Картошка, да хлебня какая-то с капусты сделана. Да чая-то не было. Жито заваривали, овёс. Сожжём ячмень на сковороде и завариваем. Красный такой» (XXV). Выращивали даже на продажу. Машину брали вкладчину. Ездили торговать в Питер. Помимо овощей до сих пор сажают и зерновые. «Рожь, пшеницу, ячмень, овёс, кукурузу, лён сеяли» (XXVII). Процесс обработки земли ведётся отчасти традиционными методами. В хозяйствах имеются деревянные бороны, сохи и другой традиционный хозяйственный инвентарь (рис. 3). Сохранившиеся хозяйственные постройки составляют во многих деревнях интересные комплексы, представляющие старей сельскохозяйственный цикл. Процесс сельскохозяйственного производства был отточен веками. «Гумна строили. Это были наши комбайны, можно так сказать. Было приспособлено всё к обмолоту хлебов. Хлеб был, от дождей прятали. Раньше только на лошадях возили, скирдовали. Потом убирали, как подсохнет, и молотили лошаадьми, а рожь цепами» (XIV). Во многих хозяйствах сохранились каменные жернова, на которых мололи зерно (рис. 4). «А зерно мы дома мололи на жёрнах. У нас свои жёрны были. В подвале стояли жёрны. Вон и до сих пор в сарае стоят. Молоть можно, только нечего. Много перемолото на этих жёрнах! И люди ходили молоть, и камень остался, а люди умерли. Она (свекровь) всегда давала помолоть. Все к нам ходили. Некоторые не давали, а она всегда. И что — все умерли уже, кто молот, и кто не давал, а жёрны всё стоят. Только молоть нечего теперь» (IV, V).

Традиционный промысел этой местности — производство льна — сошёл на нет. Полностью весь процесс его производства не выполнялся уже

с советских времен. Большинство местных жителей и агрономы, начавшие работать в 1950-е гг. помнят уже только значительно сокращённую и упрощённую форму: «сдавали соложкой». Процесс производства льна трудоёмкий, длительный, имеющий множество своих секретов. Даже обработка земли под посев имеет свои особенности. «Землю под него только слегка боронят. Посеют и слегка катком прокатят» (XXVII). Рассказывают, как мочили лён, как вытаскивали из воды, как сушили, как теребили, трепали: «Пойдёмте лён теребить на Долгие нивы» (XXVIII). «Нарубят ольхи и камнем сверху прижмут, чтобы он мок. Сушили — высохнет он белый!» (XXV). «Хворостом, камнем натискаем. И в озере мочили, обгораживали там. Оттуда вытягивали. Помнится, холодно так было. Так водки привезли, согреться. Стлали его, отбивали и соложкой сдавали. Баню топили, трепали. Сдавали лён мочёный» (XXVII). «В гумне сушили, трепали» (XI). «Луги вот так и до леса доходят, и там мочила, мочили лён» (XXXII).

Почти во всех селениях сохранились специальные прудики для вымачивания льна — мочила. Где-то их немного и они крупные: «1-е и 2-е мочила», где-то это целая цепь мелких небольших мочил: «тут в Бугрово мочил 30-40». «До войны лён сеяли. Пучки маленькие были. Сдавали его. Мочили лён. Пруды такие были — мочила» (XVIII). «Мочила — их много за Бугровым. Там, наверное, 30-40 мочил. Это специально для вымачивания льна. Они неглубокие и тёплые. Около мочил ставили навесы. Это в конце Бугрова мочила рядами» (I). «Везде, где вода была, были мочила. В гумне сушили, трепали» (XI). «Мочила — где Кипунок, к Бугрову. Лён мочили» (XXV). «Около Выдры большое мочило. И по деревням» (XXVI). «Лён сеяли. Мочили его. Сдавали на льнозавод. Мочили в мочилах» (XXVII). «1-е мочило — Малое мочило. 2-е мочило — Большое мочило — через поле, через огород сразу мочила» (XXXIV).

Разводили скот. До сих пор многие держат лошадей, коров, домашнюю птицу. Коров пасли по очереди. Небольшие деревушки объединяли свои стада. «Пасли вместе и Бугрово и Гайки. Пастухов не нанимали, пасли в очерёдность. Потом уже стали нанимать цыган, а тогда, по очереди. Кроме коров держали овец на шерсть, на мясо, на молоко» (I). «Никулино и Шлёги вместе коров пасли» (XIX). «Коров пасли вме-

сте с Богомолами. Было 25 коров вместе» (XXVII). Молоко сдавали в Селихново на молокозавод. Был организован его централизованный сбор, приезжала машина. Теперь этого нет. Говорят, что коров стало невыгодно держать, только для себя. «За нами тут пастбища. В 1990-е годы 65 коров было, сейчас и нет почти. Раньше-то было меньше, 10–12 коров. А в 1980-е здесь строились дома, стали заселяться, и стадо выросло. А потом стало бессмысленно коров держать. Молоко не сдать, только себе в убыток, прибыли никакой. Деревня молча умирает» (XII, XIII).

Покосов было мало, травы не хватало. «Покосов было мало» (XXII). Самым лучшим считался покос возле деревни, на взгорке. Хотя есть и прекрасные заливные луга, косили и болота, другие неудобья, в том числе и дальние. «Всё обкашивали, все ручьи» (XXII). «Через Мох, через Колочиху ездили на Котовскую лядину в Михайловский лес. Кустов там не росло, там косили, трава была хорошая. Ну, конечно, старались косить пораньше, пока осока меленькая. Раньше выкашивали все неудобья. Мужики делили промеж себя» (IX, X). Делили покосы жребием. «Косили по маленьким площадочкам. На 20 трудодней давали 10 шестов, шестом таим отмеряли землю. Ну, может, не 10, я уж не помню. Граничили участок — кто платок привяжет... Косили рано утром» (XXV). Ставили большие стога, по-местному — одонки. «Косили мы под Тригорским, прямо под скамьёй Онегина. Делали одонки, мы убирали. До сих пор на старых открытках наши одонки» (XII, XIII). Покос считался праздником. Бабы надевали лучшие наряды. Готовили угощение. «Бывало, работают в поле и собирают по рублю, все называли не «по рублю», а «по ольховику», выпивают, и опять работать. На сенокосы наряжаются, чтобы покрасивее, как на праздник» (XXVII). Такое отношение к сенокосной поре характерно для всей России. Одевались в лучшие одежды, составляли хороводы, пели. Обед подавался сытный.

Овец держали в основном ради шерсти. Шерстяные вещи вязались на продажу. Женщины вязали платки. Этот промысел существовал ещё до революции. И помог выжить многим в годы войны. «Платки вязала, продавала, в Ленинград ездила. В Латвию пешком ходили. Шерсть покупали вязать. Тут же не было ни шерстинки, ничего» (XXII). Лён и шерсть пряли, делали тканьину на станах. Станы сейчас почти никем не использу-

ются, хотя и сохраняются в более или менее рабочем состоянии во многих домах. А прялки до сих пор используются, хотя уже только для шерсти. Собственно, в Пушкинских горах используют не ручные прялки, а так называемые «самопряхи». Производство этих прялок было одним из промыслов. *«Прапрадед, дед Степан работал в Михайловском по дереву, делал прялки на всю округу, знаменитый был прялочник. Прялки деревянные, некрашенные, тёмного цвета. Его хорошо знали в округе, слава шла. Делал прялки на заказ, специально приезжали к нему. Ему даже не приходилось на ярмарке продавать. Для Луговки он много прялок делал»* (I). *«Прялки делал Степан Иванов в Луговке. У меня до сих пор эти прялки. И пряду до сих пор. И бёрды есть до сих пор. И ткали мы. Но не чесали сами. В Пушгорах была чесальня. Растягивали шерсть. На мотушки спяду, срошу, смотаю их на мотушки. В воскресенье я не пряду. И на праздник не пряду»* (XXV).

Помимо сельскохозяйственного производства к традиционным способам природопользования относятся здесь рыболовство и охота. *«В наше время и охотились, и рыбачили»* (XII, XIII).

Река считалась «божьей водой». В водах реки ловить рыбу мог любой. Рыбу ловят и удочкой, и сетями, и с берега, и с лодки *«Криву ша — это как старица, островок посередине стоит. Там можно от ненастья скрываться. Как только этот островок показался, можно тянуть тоню. Это самая знаменитая тоня, где можно ловить рыбу весной по первому половодью. Как земля покажется, можно ехать, ловить рыбу. Этот островок разрывает течение. А то невод может унести. Вода-то течёт быстро. Ериши называлось. Я ещё маленький был. Только удочкой ловил. А потом стал на лодке с батей»* (XIV). О реке заботились, чистили её, в том числе и от камней. *«Реку чистил дед Проха. У них было сделано 4 стойки, связь и внизу связь... Камни с воды тянули. Камни вынимали, чтобы реку чистить. Тягали камни дед Проха с батьком из реки»* (XIV).

Воды озера имели хозяев. Старожилы помнят, что помещики не разрешали удить рыбу в своей части озера. *«Барыня там жила, мама рассказывала. Гоняла с грибов с леса. С озера гоняла, рыбу ловить не разрешала. С собакой, бывало, гоняла»* (XX).

С рыболовством связан ещё один вид традиционного местного промысла — изготовление лодок. В основном делали плоскодонки. «Лодки, кто какие мог, такие и делал. Я сам делал плоскодонки. Были б доски, да хорошие. За неделю делал, если доска хорошая. А то плохая, она не гнётся» (XIV).

До сих пор имеет значение и охота. Охотятся как на мелкую дичь — птицу, зайца, так и на крупную — лосей, кабанов.

Для этой местности характерен раздел лесных угодий. «Лес был разделённый. Так и называли: Гришин лес, Михеев лес, Фролов лес, Правушев лес, Брюсов участок. Раньше не пойдешь на чужой участок грибы собирать» (XXV). Но и такие лесные участки были не везде. Как вспоминают старожилы: «Раньше не давали дров, а давали только у реки ракушняк, и им топили печи» (XXVI). «Лесу тут не было. Женщины зимой по снегу плавали, кусты рубили и жгли. Этим и отапливались. Вот это им была мука настоящая» (XIV).

Помимо сельскохозяйственного производства и лесных промыслов занимались и ремеслом. Умельцы в каждом деле были хорошо известны, как в своей деревне, так и в округе. Как правило, им даже не приходилось выставлять свой товар на ярмарках, хотя, конечно, было и такое. Заказчики приходили непосредственно к мастеру, товар делали под заказ. «В деревне занимались многими промыслами: валенки катали (Лёшка Жаворонков), кто корзины плёл, потом ещё в бригады собирались и дома строили, плотничали. Продавали товар на ярмарке, но больше по заказу. Обычно, если мастер хороший, о нём слава уже шла, приезжали, забирали товар, ему на ярмарку и выставлять-то было нечего, так разбирали» (I). «Был тут сапожник Егоров Матвей. Лекашка Ермолаев, его отец сапоги шил. Брат евойный крыши крыл. Знатный мастер был» (XI). «А в Пушкинских горах называлась Гончарная улица. Там горшки делали. Это называлась Гончарна улица. Там обжигали кринки для молока. Только чашки, кринки и миски. Они на ярмарке не торговали, к ним на дом ходили. Когда ярмарка в Покров, там была гончарка. После войны перестали там гончарку делать, как в магазинах стали продавать. Знали мы там: Костя-гончар, Настя с Гончарки» (XXV). «Прялки делал Лёшка Сабочин в Крылове» (XXVII). «Дед мой Васильев Анато-

лий Андреевич. Он валенки катал» (XXXII). «Сапожники тут были, и строители были» (XXVI).

Видим мы и традиционные способы строительства. Избы ставились деревянные. Крыши крылись щепой или соломой. «Раньше было модно крыши крыть соломой, под лопатку соломой. Солому жали, обмолотят и снопами подают. Мастер лопаткой подгоняет, лопаткой. И связывала прутком ракушечным. Ряд за рядом» (XI). «Крыши были соломенные. Мужики крыли. Кто-то под лопатку крыл, колосьями кверху, а кто победнее — колосьями вниз. Не протекало. Раньше по самый двор снегу навалит. А мы с крыши катаемся. А мама гоняет нас палкой» (XXV). «Крыши были с соломы. Щепу драли. Сами делали щеподранки» (XXVI). Печи клали сами, кирпичи делали из местной глины. «Где Пучегор у нас, там глина-мясуха, она сразу трескается. Ямку выроют, и ногами месили. Воды нальёшь и месишь ногами. Из неё делали кирпич в таких рамках с ручками. В рамку эту его накладываешь, ровняешь. Его не обжигали, только сушили, сырец. Так складывали, чтобы дырки получались, чтобы продувало его. Потом из него печку ложили» (XXV).

Таким образом, как мы видим, в округе Пушкинских гор сохранилось в значительной степени традиционное природопользование и мировосприятие. Обработка земли ведётся традиционными методами с использованием старинных орудий. Кое-где сохраняются ремёсла. Хотя сейчас они в основном приобрели характер производства на продажу для туристов. До сих пор можно услышать древние легенды, увидеть деревенские святыни и даже отчасти древние обряды. Постепенное их вымирание связано в первую очередь с вымыванием местного населения из традиционных мест обитания и сокращением сельскохозяйственного производства.

СПИСОК ОПРОШЕННЫХ ИНФОРМАТОРОВ

д. Гайки

I. Федоров Игорь Павлович 1965 г.р.

д. Луговка

II. Михайлова Галина Григорьевна 1928 г.р.

III. Михайлов Геннадий Федорович 1928 г.р.

IV. Петрова Валентина Алексеевна 1933 г.р.

V. Петрова Александра Ивановна 1910 г.р.

д. Бугрово

VI. Яковлева Мария Яковлевна 1926 г.р.

VII. Александрова Алевтина Васильевна 1932 г.р.

VIII. Орлова Нина Андреевна 1930 г.р.

IX. Матвеев Алексей Матвеевич 1933 г.р.

X. Матвеева Зинаида Федоровна 1939 г.р.

д. Блажи

XI. Прокофьева Александра Спиридоновна 1926 г.р.

д. Носово

XII. Никифоров Виктор Егорович 1938 г.р.

XIII. Никифорова (Прокофьева) Таисия Федоровна 1935 г.р.

д. Дедовцы

XIV. Рыбаков Вениамин Васильевич 1927 г.р.

д. Зимари

XV. Гаврилов Виктор Гаврилович 1932 г.р.

XVI. Иванова Евгения Дмитриевна 1926 г.р.

XVII. Иванов Валентин Алексеевич 1946 г.р.

д. Ульяшки

XVIII. Евдокимова Таисия Алексеевна 1940 г.р.

д. Никулино

XIX. Крамарчук Зоя Александровна 1951 г.р.

д. Поповня

XX. Васильева Александра Васильевна 1928 г.р.

д. Кашино

XXI. Петров Федор Петрович 1927 г.р.

д. Жаворонки-Слепни

XXII. Баевская Елена Семеновна 1934 г.р.

д. Кириллова

XXIII. Иванова Нина Матвеевна 1925 г.р.

XXXIII. Орлова Евгения Андреевна 1923 г.р.

д. Березино

XXIV. Евдокимова Екатерина Сергеевна 1930 г.р.

д. Подборье

XXV. Михайлова Алевтина Михайловна 1931 г.р.

д. Селихново

XXVI. Петрова Валентина Алексеевна 1929 г.р.

д. Бирюли, Синичино

XXVII. Егорова Вера Ивановна 1932 г.р.

XL. Тимофеева Надежда Илларионовна 1946 г.р.

XLI. Егорова Вера Ивановна 1921 г.р.

XLII. Егоров Евгений 1951 г.р.

XLIII. Егоров Александр 1953 г.р.

д. Дупли

XXVIII. Иванова Антонина Ивановна 1928 г.р.

п. Пушкинские горы

XXIX. Андреев Сергей Николаевич 1957 г.р.

д. Косохново

XXX. Иванов Виталий (Виктор) Геннадьевич 1962 г.р.

XXXI. Журавлева Алевтина Витальевна 1954 г.р.

XXXII. Путило Нина Анатольевна 1946 г.р.

д. Богомолы

XXXIV. Афанасьев Евгений Степанович 1949 г.р.

д. Станошники

XXXV. Гаврилов Петр Григорьевич 1937 г.р.

XXXVI. Николаева Таисия Васильевна 1930 г.р.

XXXVII. Гаврилова Анна Михайловна 1932 г.р.

д. Рудино

XXXVIII. Яковлев Анатолий Кириллович 1923 г.р.

XXXIX. Яковлева Александра Ивановна.

д. Крылово

XLIV. Михайлов Виктор Михайлович 1929 г.р.

XLV. Иванов Николай Александрович 1962 г.р.

XLVI. Федоров Анатолий Евгеньевич 1953 г.р.

д. Петровское

XLVII. Шаховский

XLVIII. Шибяев

XLIX. Мария (баба Маша)

L. Петрова Валентина Ивановна 1921 г.р.

д. Савкино

LI. Дронов (Ульянов) Федор Васильевич 1940 г.р.

LII. Адронов Григорий Иванович 1934 г.р.

LIII. Гусакова Надежда Матвеевна 1937 г.р.

LIV. Иванов Алексей Александрович 1947 г.р.

д. Каменец

LV. Александрова Нина Николаевна 1931 г.р.

LVI. Ершова Алевтина Петровна 1930 г.р.

д. Шаробыки

LVII. Михайлова Нина Павловна 1932 г.р.

LVIII. Иванова Анна Павловна 1928 г.р.

LIX. Прокофьев Виталий Васильевич 1933 г.р.

LX. Никитина Анна Евдокимовна 1928 г.р.

д. Воронич

LXI. Яремчук Галина Федоровна 1946 г.р.

LXII. Васильева Галина Тимофеевна 1941 г.р.

LXIII. Сергунков Борис Николаевич 1931 г.р.

LXIV. Селезнева Раиса Петровна 1930 г.р.

СПИСОК МИКРОТОПОНИМОВ
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ПУШКИНСКИЕ ГОРЫ»

(дополнение к карте, сборы 2009 г.)

1. Место бывш. деревни **Горки (севернее д. Зимари)** — «Была деревня Горки. А теперь ничего нет. Только тёти Раин дом остался» (XVI). «Перво-наперво в Горках гуляли. А Горок теперь нет» (XI). «В Горках был камень огромный. Гейченко куда-то его увёз, уволок. Огромный был камень, в человеческий рост» (X).
2. Лесное урочище **Грачёво** — часть лесной дороги из д. Зимари в бывш. д. Горки к северу от д. Зимари. Место гуляний. «Это налево, как к базе едешь. Налево Грачёво» (XVII). «Перво-наперво в Горках гуляли. А Горок теперь нет. 2-й день в Грачёве. Это дорожка недалеко от Горок. Дорожка в лесу. Там гуляли. Это километра 3 отсюда, Зимари. Лес к Горкам. Вот там» (XI).
3. **Веенка** — речка (в районе нескольких деревень: Блажи, Усы и т.д. в настоящее время запружена, из-за чего местами пропадает) «с Батовского озера долго-долго она тянулась в Сороть. Потом перекрыли её, эту Веенку. В Усах, в Белях и в Блажах сделали озёра. В Блажах в 1974 г. перекрыли. Теперь и в нём мало воды. Раньше вода до крестов доходила» (XI). «В Кашине Веенка речка впадает в Сороть» (XV). По этому гидрониму назывались некоторые близлежащие урочища: Веенское поле, Веенские Луги (XV).
4. **Ерёминский (Басенский)** — ручей, протекает между д. Дедовцы и д. Зимари, впадает в Старицу р. Сороть в районе д. Дедовцы (см. сведения о нём также в книге Охлопковой В.И. «Мой любимый уголок Земли». Михайловское, 2007. С. 67). (См. также № 22, 23, 24, 30, 334). «Ерёминский ручей, впадает в старицу. Была тут старая река, Старица» (XIV). Помимо ручья топоним Ерёминский относится к урочищам Ерёминский лес (№ 30), Ерёминское пастбище (№ 23), Ерёминский родник (№ 22). Название происходит от бывш. д. Ерёмино (см. № 24).

5. **Старица** реки Сороть в районе Дедовцев к западу от деревни (по легенде мужик с плугом проехал и сделал новое русло, а это стало старицей) (см. № 28) «Была тут старая река, Старица. Ерёминский ручей, впадает в старицу. Слышал, что проехал тут какой-то мужчина по другому руслу от озера, и стала новая Сороть. Проехал на лошади. Хотел сделать...с озера или от Пушкина, хотел сделать новое русло. Гора спускается. По низу идут Балыни, а по Балыням идет Старица. Может быть, эта речка называлась по-другому, а теперь Старица. Молва идёт, что проехал человек с плугом» (XIV). «В Дедовцах в Старице была вода, когда дождь. Там косили»(XVI). «Деревню основал Герасим, тот, чей батька «реке Сороть путь направил через озеро Кучане»» (Мой любимый уголок земли... С. 68).
6. **Дёдовская (Попова)** гора — урочище, горка к северо-западу от д. Дедовцы, по преданию, бывшее место деревни Дедовцы. «Есть поместье там на горе. Там деды жили и переехали сюда, потому что речка тянет здесь. (Называлось это — Попова гора). Там жили деды наши. Захотели сюда, переехали сюда. Работы было много! Это гора Дедовская, потому что эти жихари хотели сюда и переехали жить. «Чья гора?» «Дедовские мужики, здесь работаем» (XIV).
7. **Кривуша** — кривой участок русла реки Сороть возле Островка (№ 8) к юго-западу от д. Дедовцы. «Устье, где Старица соединяется с новым руслом. Тут есть маленький островок, окружённый протокой, которую называют Кривушей. Кривуша образует мелководный заливчик, который называют Ерши» (Мой любимый уголок земли... С. 88). «В Кривуше в этой баржи стояли и чистили реку. Кривуша, это как старица, островок посередине стоит. Там можно от ненастья скрываться. Как только этот островок показался, можно тянуть тоню. Это самая знаменитая тоня, где можно ловить рыбу весной по первому половодью. Как земля покажется, можно ехать, ловить рыбу. Этот островок разрывает течение. А то невод может унести. Вода-то течёт быстро. (Ерши называлось)» (XIV). «При повороте на Савкину горку

- есть извив реки Сороть, который называют Криуха (Криушино)» (LIII).
8. **Остров** — урочище между современным руслом реки Сороть и Старицей. Покос д. Дедовцы к западу от деревни. Считался лучшим покосом, потому что и с домом рядом, и высокое место, можно за сено не беспокоиться (см. также № 10, 11, 15, 19). «Коров и в Острове пасли, и вдоль по речке. Остров на Сороти. Он был наш. Его косили дедовцы. До войны косили в Острове. Отличный был покос. Был там Малый луг, Большой луг. Это было самое дешёвое сено, в Острове, потому что рядом с домом. Там возвышенность, не боишься, что сено затопит» (XIV). Остров, Островок — распространённые топонимы в данной местности (см. также № 88, 277, 292).
 9. **Дубовая** роща — урочище в Острове (№ 8) к западу от д. Дедовцы. В настоящее время не существует. Сохранились легенды о том, что там упал с дуба и убили насмерть мужчина — кара за преступление. «Один человек забрался на дуб высокий, свалился и разбился. Вот и можно назвать Дубовая роща. Это случилось, меня ещё не было, мне говорили» (XIV). «Вот у него (коновала) один дедовский мужик украл топорок. Коновал стал у него про топорок спрашивать, а тот не сознался. Вот тогда коновал сказал: «Ответишь за этот топорок». И вот что вышло. Сам воришка срубил себе ногу, да так до конца жизни и хромал. Один его сын насмерть убили, свалившись с того самого дуба...» (Мой любимый уголок земли... С. 72).
 10. **Малый луг** — луг в южной части Острова (№ 8), покос д. Дедовцы к западу от деревни. «В угол, к Маленцу» (XVII). «На Малом лугу брод» (XIV).
 11. **Большой луг** — луг на Острове (№ 8) к северу от Малого луга (№ 10), покос д. Дедовцы к западу от деревни, «где раньше лавы были» (XVII).
 12. **Мельница** ветряная в д. Дедовцы.
 13. **Мочила Дёдовские** — пруды для вымачивания льна. Ряд небольших прудочков в низине к северу от деревни «В основном жители Дедов-

- цев занимались льном. На лугах вырыли мочила и продавали лён куделью и холстом» (Мой любимый уголок земли... С. 71).
14. **Лу́ги** — луга д. Дедовцы, покосы вдоль реки Сороть, к западу от деревни.
 15. **Котёл** — урочище на Малом лугу (№ 10) к западу от д. Дедовцы.
 16. **Сироткин брод** — брод на р. Сороть под мельницей к западу от оз. Кучане (см. также Мой любимый уголок Земли... С. 89: «Дедушка показывает на заливчик с покатым берегом и говорит, что такие называются «сиротками» и сюда удобно невод тянуть»).
 17. **Брод** на р. Сороть на лугу напротив Савкиной горки. «В Михайловском был брод, ходили, пожалуйста. 2 брода было. Некоторые мужики знали и проводили, некоторые так ходили. Брод есть перед озером, напротив мельницы в Михайловском. На Савинском броду тоже камень» (XIV).
 18. **Брод** на Большом лугу (см. № 11).
 19. **Козий (Козелий) брод** — брод на р. Сороть за северной окраиной д. Зимари «первый брод за деревней Зимари» (XVII).
 20. **Песеченский брод** — брод на р. Сороть возле бывш. д. Песечек.
 21. **Хверцевский брод** (возле бывш. хутора Хверци № 338) на р. Сороть юго-восточнее д. Михнево «Это выше Зимарей» (XVII).
 22. **Ерёминский** родник возле бывш. д. Ерёмино (см. также № 4) к западу от д. Зимари «Вода там, родничок был по Ерёминскому ручью. Родник неглубокий. Занимался сенокосом этот родник. Мужики косили там» (XIV).
 23. **Ерёминское** пастбище — пастбище на месте бывш. д. Ерёмино (№ 24).
 24. Место бывш. д. **Ерёмино** — между д. Дедовцы и д. Зимари «Деревня Ерёмино в войну ещё была. Жителей 5-6-7, десятка, я думаю, не было» (XI). «В Ерёмине до войны было 5 домов. За грибами ходили в Зимарёвский лес и в Ерёминский. В Ерёмине был колодец хороший, неглубокий» (XI).
 25. **Балыни** — низкое место вдоль реки Сороть западнее д. Дедовцы, заливаемое в половодье «Гора спускается. По низу идут Балыни, а по Балыням идёт Старица» (XIV).

26. **Холомняк** — низменность, по которой шла старая дорога из Зимарей в Носово вдоль берега Сороти. «Косили его и всё» (XVI). «Дорога шла здесь по Холомняку (это сразу через дорогу). «Тут откос такой. Это Холомняк. Низкое место. На Носово ездили через Балыни. Вот они под окном. Гора спускается. По низу идут Балыни, а по Балыням идёт Старица. Может быть, эта речка называлась по-другому, а теперь Старица. На Носово через Холомняк и на гору, по берегу реки Сороти и через Вёшницу, по берегу Вешницы, по площади реки. А дорога идёт как сейчас, потому, что там поставили трубу. Площадь — это место, ровное, как стол. Холомняк сзади за мной» (XIV).
27. **Вёшница** — поле между д. Дедовцы и д. Носово «Поле, лес и поле рядом» (IV, V). «Поле за баней, за ручьём. Вешницы, Новины, Коты дальше» (IV, V). «На Носово через Холомняк и на гору, по берегу реки Сороти и через Вёшницу, по берегу Вешницы, по площади реки. Вешница — поле. Никто не пользуется этой землёй. Это стали делать баржи. Был пригнан человек. Он изготовлял баржи. Таких он изготовил 4 баржи. Верфи такие были. Баржи эти изготавливали на Вёшнице» (XIV).
28. **Новое** русло Сороти (см. № 5) возле д. Дедовцы «Деревню основал Герасим, тот, чей батька «реке Сороть путь направил через озеро Кучане»» (Мой любимый уголок земли... С. 68).
29. **Борок (Носовский лес)** — лес к востоку от д. Носово «На Носово промежуточная дорога идёт пешеходная. Вот по ней Борок. Есть ещё Борок в лесу. А на этом Борке леса нет, кустарник там небольшой» (XIV).
30. **Ерёминский** лес — лес к западу от д. Зимари. Название получил по бывш. д. Ерёмино (№ 24). «За грибами ходили в Зимарёвский лес и в Ерёминский» (XIV). «Лес Ерёминский был уничтожен. Я ещё небольшой ездил в лес туда, в Жабкино. Немцы пилили лес в заповеднике. Возили вот сюда, на берег, к мельнице. Весь берег был завален штабелями. Издевались над музеем» (XIV).
31. **Зимарёвский** лес — лес к северо-западу от д. Зимари «За грибами ходили в Зимарёвский лес и в Ерёминский» (XIV). «В Зимарёв-

- ский лес ходили за грибами. Лес небольшой, а грибов много растёт. Чернику и землянику собирали в лесу» (XVI).
32. **Воронья горка** — возвышенность к востоку от д. Носово. По словам старожилов, там любили гнездиться вороны. «Около леса Воронья горка, налево, метров 250—300. Где дом последний, прямо за ним Воронья горка, к лесу примыкает. Воронья, старики говорили, что вороны любили гнезда вить» (XII, XIII).
33. **Красная горка** — возвышенность к северо-востоку от д. Носово. «Кусты прямо если посмотреть, где высоковольтная линия. Красная горка — ничего там нет, пустое место» (XII, XIII). «Комбайн там упал, и с тех пор не пахали» (XXIX). Топоним Красная горка не единичен в данной местности. Есть также Красная горка непосредственно в пос. Пушкинские горы.
34. **Колони́чный ручей** — ручей, протекающий южнее д. Носово ближе к усадьбе Дериглазово. «Внизу тут ручей, где барское захоронение, и поправее в лесу» (XII, XIII).
35. **Лысина (Лысень)** гора — гора возле д. Ульяшки, с юго-западной стороны от деревни. На Пасху на ней жгли костры. «Косить ходили в парк Тригорский. И за Железово к реке луги были. И по горе косили вручную. Гора Лысина» (XVIII). «В Пасху костры жгли на горе. Называлась Лысина гора. Всё говорили: «На Лысень»» (XVIII). Лысая гора — распространённый топоним в районе Пушкинских гор (см., например, усадьба Лысая гора, Лысая гора в деревне Каменец).
36. **Лог озеро (Ульяшкинское озеро называлось)** — озеро к востоку от д. Ульяшки. ««В Логу», «По горе», около озера, около Лога ставили коров. Озеро глубокое.купаются дети, ходят. Лог и всё. «В Лог» ходили. Его ещё Ульяшинское озеро называют. В Логу купались» (XVIII).
37. **Родник в д. Ульяшки под бывш. железнодорожной линией.** «На линии колодец. Вода набирается с земли. Сруб теперь полностью сделан. Вода хорошая! Даже наши (из Блажей) ходили за водой туда, когда башни не было. Вода очень холодная. Колодец. Названия ему не было, просто колодец» (XVIII).

38. **Лизерц** — откосы бывш. железной дороги возле д. Ульяшки «Железная дорога проходит, называлось Лизерц, откосы по сторонам железной дороги. На Лизерце навязывали коров. Это рядом с насыпью ровная площадка «Надо косить на Лизерце» (XVIII).
39. **Гажье болото** — болото к юго-востоку от д. Ульяшки. «Внизу под железнодорожной линией напротив дома. Там очень много гадюк. И ракитник там не растет» (XVIII). «И дальше считай до Глазков. Один год там 3 скотины были гадюками перекусаны» (XXIX). Гажье, Гадово болото — распространённый топоним. См. также № 99, 151, 262.
40. **Железовский лес** — лес, расположенный ниже впадения р. Сороть в р. Великую. «Лес государственный. Туда все за грибами ходили» (XVIII). «Железовский бор идёт до реки Великой» (XVII).
41. Место бывш. д. **Бороносово** — южнее д. Ульяшки «За Ульяшками. Были там женщины, в Ульяшках одна жила из Бороносова» (XIII). «Под гору туда в лес, как в Железово идёшь в лес» (XVIII). «Раньше на хуторах жили. А потом деревня была, уже после войны» (XVIII).
42. **Максимов хутор** — место бывш. хутора возле д. Ульяшки западнее деревни, «где клуб» (XVIII).
43. **Жаров хутор** — хутор возле д. Ульяшки. «Где железная дорога, пасли коров «под линией». Жаров хутор подальше. «Под линией» ставили коров, на Жаров хутор» (XVIII).
44. **Клешов хутор** — место бывш. хутора южнее д. Ульяшки «Клеши жили. Где наша деревня, и туда под гору дальше» (XVIII).
45. **Маяк** — гора между д. Дедовцы и д. Зимари. В Пасху на ней жгли костры жители Зимарей. Название получила по деревянной вышке, стоявшей там. «В Зимарях жгли на Маяке костры на Пасху. Это между Дедовцами и Зимарями. Там жгли. Там какой-то маяк стоял. Деревянный маяк стоял» (XVIII).
46. **Луги** (к Железову, к Тригорскому) — луга на р. Сороть севернее д. Глазки. Получили название по бывш. д. Железово «И за Железово к реке луги были» (XVIII).

47. Барское захоронение владельцев **Дериглазова** (фамильное кладбище) — там стояла часовня. «*Часовня была на горке, где барское захоронение, где Дериглазовский барин. Сын его погиб в войну, наверное, в Германскую, и был там похоронен*» (XIII). «*Ещё вспоминают, что последний барин Борис погиб в первую мировую войну. Что привезли его хоронить домой на родовом кладбище и за гробом несли его шапку и много орденов. А ещё говорили, что убит он был в спину своими*» (Мой любимый уголок земли... С. 70). «*В Дериглазове, говорят, что была часовня*» (XVIII).
48. Бывший ж/д мост — «*В Селихнове был мост, у нас был мост, в войну был паром в Петровском, Дериглазовский мост, дальше железнодорожный мост*» (XI).
49. **Змеиная (Зими́на) гора** — горка, возвышенность в лесу Шишкан вдоль южного берега озера Кучане «*За грибами ходили в Михайловский лес, и этой дорогой Змеиная гора на озере*» (XXXI). «*Зими́на гора (в Михайловском около Петровского)*» (XXVII). «*В Шишкане. Она в лесу. Где там пляж, песок, вот в том месте*» (XIV). «*О змее, который на этой горе жил, скотину у насельников воровал, а иной раз и девок. Вот так всё и было, пока, погнав, не рассердил мужиков до такой степени, что они ему смерть учинили. Сковали крюк, телка молодого не пожалели — забили, по ветру в лодке пустили, а в нём крюк зашитый. Змей телка проглотил и подавился. Но совсем не исчез, а растёкся мелкими гадами. С тех пор эта горка ими и кишит, ты без сапог туда не ходи*» (Мой любимый уголок земли... С. 90). «*Если идти вдоль по озеру, то там есть Зими́на гора или Змеиная. Старик деревенский знал, что на этой горе есть клады. Однако, когда он шёл туда, чтобы добыть их, ему казалось, что горит его деревня, и он возвращался*» (L).
50. **Шишкан лес** — лес по южному берегу озера Кучане, первый лесистый холм от усадьбы Михайловское в сторону Петровского «*Он прямо. Пионеры туда ходят. А шишковых нет. Просто что-то такое. Боялся. В лесу одного высадят, а там сова как заукукает. Думаешь, и правда, какой-то чёрт в Шишкане*» (XIV). Назва-

- ние у него такое *«Потому что он шишит. Видишь, сколько осин, листочки у них на тонкой ножке, вот и дрожат — шишат. А, может, ещё потому такое звание, что место поганое. Шашки в нём водятся, черти»* (Мой любимый уголок земли... С. 8–90).
51. **Явные ворота** — урочище в лесу Шишкан на перекрёстке дорог. *«Оно должно быть Явные ворота в Шишкане»* (XIV). *«Явные ворота (Ямные ворота) — то ли были залежи, то ли являлось что-то. Это перекрёсток дорог из Косохново на Михнево и на Петровское»* (XXIII). *«Дяди Митин кордон к Явным воротам ближе, выход на Петровскую дорогу в Косохново. На Петровское поедем и развилка на кордон, цепь где наша стоит. Это главная дорога. Теперь многие дороги теряются. Явные ворота — это была старинная присказка. Прямо на Поляну гуляний музейную выходила»* (IX, X). *«Бабушка говорила, что Божия Матерь здесь сошла с небес и пошла по земле — снять Христа распятого с креста... Они редко кому показываются. Все большие воротами считают две берёзы, макушками сросшиеся. Но это не так. Мне ворота удалось один только раз увидеть... Походил по лесочку, и меня как мор какой взял. Присел чуть передохнуть, задремал, а когда проснулся, пошёл — чую, как будто заблудился. Вот они мне и явились: из красного кирпича, узорно выложенные, а за ними будто всё светится и простор большой, краю не видать. Стоял я, дивился. А потом они пропали, а я тут же тропочку к озеру увидел»* (Мой любимый уголок земли... С. 90–91) *«На берегу озера Кучане находятся «Явные ворота», где Богоматерь сошла с небес снимать Сына своего с креста»* (Мой любимый уголок земли... С. 68).
52. **Дериглазовский сад** — *«Сад Дериглазовский. Барыня Дериглазовская этой местностью пользовалась. Дериглазовский сад, и между их поле было»* (XIV).
53. **Дериглазовский родник** — *«Есть такой родничок. Дериглазово. Дериглазовский родник, он, если с Пушкинских гор, с моста это направо. А отседа — налево. Берег Дериглазово. Откос такой как бы по реке идёт. Дальше гора продолжается. А дальше туда, там кладбище»* (XIV).

54. **Фундаменты усадьбы** — «Там и сейчас фундаменты остались, говорят. Вот как строили. Барыня там жила, мама рассказывала. Гоняла с грибов с леса. С озера гоняла, рыбу ловить не разрешала. С собакой, бывало, гоняла. Нанимались молотить к ней. 10 копеек платила. А 10 копеек — тогда плат хороший шерстяной стоил 10 копеек. Мать говорила, вот день помолотишь» (XX).
55. **Люхин лес** — кустарник с западной стороны от деревни Зимари. «Люхино лес. Через Люхино поедете — Зимарёвский лес. Как зайдёшь за скотные дворы. Там дорога шла мимо, в Опали. Налево Грачёво, налево Люхино, потом Никитин бугор» (XVII).
56. **Никитин бугор** — возвышенность в лесу к северо-западу от д. Зимари «Как зайдёшь за скотные дворы. Там дорога шла мимо, в Опали. Налево Грачёво, налево Люхино, потом Никитин бугор. Дальше за речку — Никитин бугор. Никитин бугор мимо сушилки прямо. По грибы ходили на Никитин бугор. Это налево, как к базе едешь» (XVII).
57. **Горелик лес** — горка, возвышенность к северо-востоку от д. Зимари «Налево, за карьер. А через ручей перейти — Горелик, слева от ручья горка» (XVII). Горка с таким же названием есть возле д. Бугрово (№ 270).
58. **Гусятня поле** — поле к северу от д. Зимари, за лесным массивом. «Примерно 2 километра до Гусятни. Это поле по обеим сторонам дороги, которая идёт с Блажей на Песечек» (XVII).
59. **Тряпкин хутор** — место бывш. хутора к северо-востоку от д. Зимари «Тряпкин хутор — за Никитиным бугром как на Гусятню ехать» (XVII).
60. **Варница** — поле к северу от д. Зимари, «как ехать в Опали (№ 69), через лес проедешь километра полтора» (XVII).
61. **Чёрная малина** — небольшой лесок к северо-западу от д. Зимари. «За домами Чёрная малина, сразу рядом с Никитиным бугром» (XVII).
62. **Мясовское болото** — крупное болото к северу от д. Зимари. Название получило по бывш. д. Мясово (№ 66), «болото за деревней налево» (XVII). «Не ходили туда за ягодами, только коров пасли» (XIV).

63. **Жариловское болото** — болото между бывш. д. Мясово и бывш. д. Мочалово, к юго-востоку от д. Поповня. Название получило по бывш. д. Жарилово (№ 68) «На гору прямо смотреть — Жарилово» (XVII). «Жарилово налево. Большак туда пойдёт. Вот вы сюда свернули, а если дальше ехать по большаку, налево будет Жарилово» (XX).
64. **Зубакино** — лесное урочище, место бывшего поселения к юго-востоку от д. Петровское. «За Петровским налево — Зубакино. Было поселение, потом косили» (XXIII). «Лес до самого Петровского. Всё это русло Зубакино. Эта половина наша, а та — Петровского» (XVII). «Зубакино — там перекопали и пустили пароход на Жабкино, отрезали вот этот островок до войны. Это стали делать баржи. Был пригнан человек. Он изготовлял баржи. Таких он изготовил 4 баржи. Верфи такие были. Баржи эти изготовливали на Вёшнице» (XIV).
65. **Кладбище в Песечке** — старое кладбище между дорогой и рекой Сороть возле бывш. д. Песечек. Начало положили могилы солдат, погибших здесь в годы Великой Отечественной войны. «Кладбище ещё довоенное. И военные похоронены» (XV). «К реке, к тому краю 12 штук похоронено в Песечке погибших военных. Там звёздочка и ограда поставлена. Это, которые в войну отступали, это не партизаны. В войну тут не хоронили. Тут были только старые захоронения. А после войны, когда Воронич закрыли, стали здесь хоронить. Никуда не свезти стало, и в войну стали здесь хоронить» (XX). «Песечек — это уже послевоенное кладбище. А сначала на Песечном кладбище в самом уголку военных похоронили. И с этого кладбище и пошло, с уголка. Они же были с самого уголка, военные. До самой дороги доехали уже могилы. А теперь на поле почти выходят» (XXI).
66. Место бывш. дер. **Мясово** — юго-западнее д. Михнево.
67. Место бывш. дер. **Мочалово** — западнее д. Михнево.
68. Место бывш. дер. **Жарилово** — восточнее д. Поповня.
69. Место бывш. дер. **Опали** — к северу от д. Зимари.
70. Место бывш. дер. **Пентюши** — к востоку от д. Михнево.

71. **Вересовка** гора — возвышенность, горка к северу от д. Поповка. Место гуляний. В Пасху на Вересовке жгли костры. *«Вересо вка гора, а вторая гора Кузовка — горы сразу за околицей, стоят рядом, между ними ущелье, по которому идёт дорога. В Пасху жгли костры на Вересовке. Вересовка дальше, Кузовка ближе. Между ними дорога идёт в Кашино, на Купровку, между гор дорога»* (XX).
72. **Кузовка** гора — возвышенность, горка к северу от д. Поповка *«Вересовка гора, а вторая гора Кузовка — горы сразу за околицей, стоят рядом, между ними ущелье, по которому идёт дорога. Вересовка дальше, Кузовка ближе. Между ними дорога идет в Кашино, на Купровку, между гор дорога»* (XX).
73. **Луги Михновские** — луга д. Михнево к востоку от деревни «Около Михнова. Это луги. Возле Сороти. И пойдут туда, к Кашину» (XX).
74. **Купальня** — урочище на р. Сороть, недалеко от Песеченского кладбища, *«на Сороти. Купальня там, так и звали. Как от могил едешь, дорога туда идёт на речку, сразу направо»* (XX).
75. **Колочуха** — залив в северной части озера Кучане, за ним был покос д. Кириллово *«Косили за Колочухой, за заливом»* (XXIII).
76. **Малый** ключ — родник в северной части озера Кучане.
77. **Мыс Рог** — мыс в северо-западной части озера Кучане.
78. Петровское оз. **Кучане.**
79. **Шишканская яма** — омут в южной части оз. Кучане. По берегу в этой части озера растёт лес Шишкан. (№ 50).
80. **Большой** ключ — родник в озере Кучане.
81. **Золотой** пляж — пляж на юго-восточном берегу озера Кучане. *«Сеяли, жали и косили налево и направо, два кусочка. И в обед бегали на Петровское купаться, на пляж»* (XXIII).
82. **Шишканские** ручьи — ручьи в западной части озера Кучане.
83. **Ерши** — залив на р. Сороть. *«Устье, где Старица соединяется с новым руслом. Тут есть маленький островок, окружённый протокой, которую называют Кривушей. Кривуша образует мелководный заливчик, который называют Ерши»* (Мой любимый уголок земли... С. 88).

84. Колодец **Ключ** — южнее д. Дедовцы.
85. Колодец на оз. **Маленец**.
86. **Ключи на оз. Маленец**.
87. **Зимарёвская губа** — залив в юго-западной части озера Кучане со стороны д. Зимари.
88. **Островок** — урочище между р. Сороть и оз. Кучане.
89. **Цапельник** — урочище на восточном берегу оз. Маленец.
90. **Рысце(о)вское (Рысцово) поле** — поле к западу от усадьбы Михайловское, южнее д. Савкино. «Поле, как идти к Маленцу, налево. В Рысцово гоняли скот в основном» (VI). «А в серёдке Рысцово (около Трёх сосен)» (VII). «Рысцы — поля, там наделялись» (II, III).
91. **Ур. Рысцево** — южнее д. Савкино. См. также № 259. «Ходили за грибами в близняк, в Рысцово. Пенегора — пойдёте через Рысцово. За кустами за этими там Пенегора» (IX, X).
92. **Курганы** (курганый могильник) — к западу от дороги в усадьбу Михайловское.
93. **Могильник** — культовое место д. Кириллово, гора к юго-востоку от деревни. На Пасху там жгли костры. По преданию, раньше там хоронили детей. «Костры жгли в лесу. Могильник, налево сразу за деревней. Дорога идёт в горы, в Бугрово можно попасть. Говорили, что детей недоношенных там хоронили будто бы. Костры жгли там на Пасху» (XXIII).
94. **Закаты** поля — поля к юго-западу от д. Кириллово. «К самому лесу поля, направо, там перевалы: один вал, потом другой» (XXIII).
95. **Запрудь** — урочище на р. Луговка севернее д. Кириллово. «Запрудь — называлось за домом. Когда мы маленькие были, мальчишки сделали там плотину. И мы купались. По грудь воды было. Речка Луговка» (XXIII).
96. **Сельцо Зуёво** (бывш. раскопки Белецкого) — урочище на северо-восточном берегу оз. Маленец. «Зуёво раньше так Михайловское называли. Ходили гулять не в Михайловское, а в Зуёво» (XXIII).
97. **Никулин омут** — омут на р. Сороть напротив кладбища в Песечке. В омуте лежит квадратный камень. «Там есть квадратный камень

от хутора, может быть, Никулин хутор» (XLVII, XLVIII). «На реке Сороть есть Никулин вир. Его можно узнать сразу по квадратному камню» (L).

98. **Дуб** — небольшой лесок, дубовая роща на левом берегу р. Сороть напротив кладбища в Песечке.
99. **Гажье болото (Гадово болото)** — заболоченное пространство к югу от д. Савкино.
100. **Берёза** (под Берёзой) — лес к северу от д. Савкино. «Лес называется Берёзки» (L).
101. **Лядинки (Малые)** — местечко, заросшее кустами, к югу от усадьбы Дериглазово.
102. **Пруды** — на р. Сороть севернее городища Воронич.
103. **Паромная переправа** через р. Сороть возле усадьбы Дериглазово.
104. **Купальня** — местечко на реке Сороть с северной стороны от городища Воронич.
105. **Паромная переправа** — через р. Сороть в районе городища Воронич.
106. **Нижний посад Воронича** — место Нижнего посада городища Воронич.
107. **Лохов сад** — местечко севернее с. Воронич, западнее одноимённого городища.
108. **Горная ул. д. Воронич** — одна из трёх главных улиц с. Воронич, бывш. Горный посад городища Воронич. «Горная — проходила мимо кладбища» (LXIII).
109. **Опочецкая ул. д. Воронич** — одна из трёх главных улиц с. Воронич (см. РГАДА, ф. 1209, № 827 л. 980). «Опочецкая, где проходили ярмарки и различные игры на праздник Воздвиженья» (LXIII).
110. **Ямская ул. д. Воронич** одна из трёх главных улиц с. Воронич (см. РГАДА, ф. 1209, № 827, л. 968об., 969, 969 об.) «Ямская, где была почтовая станция» (LXIII).
111. **Буй горка** — в с. Воронич. Старое кладбище. Место церкви Иоанна Предтечи (см. РГАДА, ф. 1209, № 827, л. 973об) «За клюквой ездили в Воронич на Бую. Там озерок. И там всегда была клюква. Кладбище это на ту сторону, а это — на эту. Эти все горы на Бую. Буй — это название поля на возвышенном месте» (IV, V).

- «Это поля кладбищу. Одно было 29 га. Потом ещё больше поле 45 га» (VII). «Хоронили в Ворониче почему-то наши. Там прадеды мои похоронены. На Бую именно хоронили, где сейчас церковь» (XIX). «В Ворониче на Бую есть кладбище, там повесившихся хоронят» (I). «Местность перед деревней — это Буй, потому что она открыта для всех ветров» (LXI). «На Бую было кладбище» (LXII). «Земля была привозная, потому что она отличалась от земель здешней местности. Насыпали холмы, чтобы во время войны поднимать на них брёвна и сбрасывать на противника» (LXII). «В настоящее время это место называется «Буй-гора», где по преданию, была битва вороночан с литовцами. Здесь сохранилось несколько могил от старого кладбища и остатки фундаментов какого-то строения» (М.Е. Васильев, Б.Н. Харлашов. Посады Воронича / Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 1. СПб.; Псков, 1997. С. 128).
112. **Верхний посад** с. Воронич — бывш. Великий или Большой посад городища Воронич.
113. **Ур. Коты́** (см. также № 266) — место бывш. деревни Коты между д. Луговка и с. Воронич к северо-западу от Луговки. «Коты́ раньше была деревня. Так вот Новины влево, в Коты вправо» (II, III). «На горе Новины, а потом Коты́» (IV, V) «В полутора километрах от Воронича находилась деревня Коты. Название произошло либо от названия людей, которые катали валенки, либо от людей, которые исполняли смертную казнь» (LXIII).
114. **Ур. Новины** — урочище, возвышенное место, горка к северо-западу от д. Луговка. «К Луговке по канаве — это Новины туда, на ту сторону... Коты́нская лядина — как на Сороть ездили от Пушкинских гор и под гору перед мостом. Сразу за Луговкой и в гору. А на левую сторону Новины. Новины чуть поближе, а Котовская лядина чуть подальше» (IX, X). «Горы влево тут. Пахали там. Коты́ раньше была деревня. Так вот Новины влево, в Коты вправо. Прямо вот тут. Метров 800, может с километр. На Бугровскую гору это на правую сторону, а это — на левую» (III). «На горе

- Нóвины, а потом Коты́. Это за речку сразу» (IV, V). «Нóвины – выгород» (XXIX).*
115. Ур. **Килкино** — поле с обеих сторон от дороги, ведущей из д. Кокорино в с. Воронич. *«От Кокорина под Воронич. По обе стороны дороги около Кокорина. Где капусту сажали, где заправка» (XXIX).*
116. **Красная Горка** — возвышенность, поле д. Камене́ц, на восточном берегу оз. Камене́ц *«Деревню называли Камене́ц от количества находившихся здесь камней. Название Камене́ц носит и находящееся поблизости озеро. Возле него высочит Красная горка» (LVI).*
117. **Грязные канавы** — заболоченная местность к северо-востоку от оз. Камене́ц.
118. **На́льи** на оз. Камене́ц — урочище на оз. Камене́ц.
119. **Зимник** — урочище на северо-западном участке берега оз. Камене́ц.
120. **Приты́ки** — бывш. поле к юго-западу от д. Кокорино.
121. **Холо́дник** ручей — ручей, протекающий южнее д. Кокорино и в северной части пос. Пушкинские горы.
122. **Холо́дник** — урочище возле ручья Холодник в северной части пос. Пушкинские горы.
123. **Кокори́нская** (Луговка) речка — участок р. Луговки возле д. Кокорино.
124. **Синичино** — урочище, бывш. поля, в настоящее время заняты новым микрорайоном пос. Пушкинские горы. *«На Синичино жали и сеяли. Там сейчас микрорайон. Синичина гора, и поле было Синичино, и до Поклонной горы» (XXIII).*
125. **Поклонная гора** — горка, возвышенность в пос. Пушкинские горы. *«Маленькая горка в Пушгорах. Бывало, бабки идут, там обязательно перекрестятся. Борок правее. Где белый дом» (XXIII).*
126. **Боро́к** — небольшой лесок в центре пос. Пушкинские горы. Считается, что его название произошло от названия стоящего там ресторанчика.
127. **Вы́шка** — топогр. вышка. Так называли горку, возвышенность восточнее стадиона в пос. Пушкинские горы. *«Название одной из гор, по находившемуся на ней триангуляционному знаку».*
128. **Острая** горка — возвышенность, горка в пос. Пушкинские горы

- северо-восточнее Святогорского монастыря. «В Пушкинских горах: Красная горка, Острая горка. Острая горка дальше туда, Красная — ближе к стадиону» (IX, X). «Одна из шести здешних гор. Вершина у неё, и правда, острая. Оттуда катались на лыжах».
129. **Красная горка** — возвышенность, горка в пос. Пушкинские горы, восточнее Святогорского монастыря «В Пушкинских горах: Красная горка, Острая горка. Острая горка дальше туда, Красная — ближе к стадиону» (IX, X).
130. **Штаны** — урочище д. Шаробыки, справа от дороги на Новую Берёзовку. «Поле, где мелиорация». См. также № 313.
131. **Козьяковское (Среднее)** озеро — озеро к югу от д. Шаробыки.
132. **Малое** озеро — озерко к югу от д. Шаробыки.
133. **Хуторок** — урочище на перекрестке дорог около д. Шаробыки, к юго-западу от деревни. «Там нашли сибирскую язву».
134. **Барский пляж** — урочище на р. Великой в районе усадьбы Лысая гора.
135. **Старая дорога** — участок старой усадебной дороги (усадьбы Лысая гора) возле р. Великой. Усажена дубами.
136. **Дубы** — дубовая роща возле р. Великой, южнее д. Селихново.
137. **Выдры** — луг на р. Великой к северу от д. Селихново. ««В Выдрах» около реки. За рекой направо. Недалеко от дороги. Около Выдры большое Мочило (№ 283)» (XXVI).
138. **Селихновская яма** — омут на р. Великой к северу от д. Селихново.
139. Пруды **Забоевские** — урочище на р. Великой. Каскад из трёх прудов, сброс с высокой воды речки. Название получили по бывш. усадьбе Забоево. См. также № 140.
140. **Забоево** — урочище на р. Великой. Получило название по бывш. д. Забоево, располагавшейся южнее. По рассказам, именно здесь стоял господский дом. «Забоево — была деревня. Сейчас нет. Сейчас согнаны здесь. Губа на той стороне рек, а это на этой Треусово. А тут Забоево. Она соединяется тут, а тут все каменья» (XXVI).
141. **Губа** (см. также № 284) — урочище на р. Великой.
142. **Круча** — высокий берег р. Великой напротив Забоевских прудов.

143. **Гору́шинский (Гору́шкинский)** — брод на р. Великой возле д. Горушкино.
144. **Ми́лин лес** — небольшой лесок возле р. Великой напротив д. Горушкино. Существует несколько версий относительно происхождения этого названия: «*Ми́лин лес получил своё название от того, что когда-то здесь жил богатый помещик Ми́лин, у которого была очень большая усадьба*» (LVIII). «*Ми́лин лес — по имени девушки Ми́ли, которая трагически погибла из-за любви*» (LIX). «*Лес, где повесилась дочка мельника*» (по версии Андреева А.Э.). «*По имени девушки, которую убил её возлюбленный из ревности*» (LVII).
145. **Железовский** камень — камень в р. Сороть вблизи впадения в р. Великую. Получил название по бывш. д. Железово. См. также Железовский лес (№ 40), Железовский брод (№ 148), Железовские Луги (№ 46).
146. **Бобровник** — урочище на правом берегу р. Сороть вблизи её впадения в р. Великую. По объяснениям местных жителей, «*мелководные заливы на озере Маленец и реке Сороть образованы песчаными косами, которые долгое время наносили бобры. Эти заливы местные называют Бобровыми заливчиками*» (LIV).
147. **Глина** — урочище в районе д. Глазки, восточнее деревни.
148. **Железовский** брод — брод на р. Сороть близ Железовских лугов.
149. **Варежный** ручей — ручей, впадающий в р. Сороть западнее усадьбы Тригорское. «*Варежный ручей течёт из Гажьего болота*» (XXIX).
150. **Гаврилкин** пруд — пруд в урочище Глазки. Назван по имени человека, следившего за ним: «*Гаврила Никонов пруд очистил*».
151. **Гажье** болото — болотистое место западнее д. Шаробыки. «*Возле Старой Кирпичной находится Гажье болото, где есть большое количество торфа и маленькие прудики*» (LVIII).
152. **Кирпичное (кирпичня)** — место кирпичного завода западнее д. Шаробыки. «*Возле Старой Кирпичной находится Гажье болото*» (LVIII).
153. **Завод** — местечко близ урочища Глазки.
154. **Речка** — так и называется — старица р. Сороть в районе с. Воронич.
155. **Мухины кресты** — поле на перекрёстке дорог севернее д. Крылово.

156. **Мухин хутор** — место бывшего хутора к северу от д. Крылово «При раскулачивании богатых кулаков мужчин отправляли в ссылку, а их семьи выселяли на Мухин хутор, где они бедствовали, голодали, умирали дети» (XXXIX). Она помнит, как были выселены туда Савыгины (один из сыновей впоследствии работал гл. редактором районной газеты и написал книгу «Пушкинские Горы»).
157. **Тупик** — околица д. Крылово.
158. **Осташкина пустошь, Осташкинская ледина** — урочище, мелкий кустарник к северу от д. Крылово.
159. **Большая Гора. (Длинные Нивы)** — поле д. Буруны к северо-западу от деревни.
160. **Малая Гора. (Длинные Нивы)** — поле д. Буруны к северу от деревни.
161. **Козлов хутор** — место бывшего хутора к северу от д. Крылово.
162. **Микешина ледина** — урочище, мелкий кустарник к северу от д. Крылово.
163. **Борок** — небольшой лес к северу от д. Буруны. «Одна сосна всего растёт. Маслят много бывало, и до сих пор».
164. **Гусева ледина** — лесное урочище, кустарник между д. Крылово и усадьбой Петровское, в лесном массиве к северу.
165. **Тропин хутор** — место бывшего хутора, расположенного между д. Крылово и усадьбой Петровское, в лесном массиве к северу. См также № 237.
166. **Емельянов хутор** — место бывшего хутора к западу от д. Крылово.
167. **Анискин хутор** — место бывшего хутора к югу от д. Буруны.
168. **Горнистов хутор** — место бывшего хутора к югу от д. Буруны.
169. **Подворотища** — поле к югу от д. Буруны.
170. **Михеево** — поле к северо-востоку от д. Крылово.
171. **Зайцева низина** — низменное, заболоченное место за южной околицей д. Крылово.
172. **Зады** — лес к западу от д. Крылово.
173. **Вишнёвая Горка** — поле между д. Крылово и д. Косохново. Вдоль него растут вишнёвые деревья.

174. **Шепелева Горка, Шепелево** — возвышенность в лесу к северо-западу от д. Крылово, поле и горка на нём.
175. **Филатово** — поле д. Крылово, к западу от деревни.
176. **Яшкино, Мухра** — лесное урочище к северо-западу от д. Крылово «жил, когда раскулачили».
177. **Кушкина Горка** — возвышенность, горка к юго-востоку от д. Крылово.
178. **Земская Горка** — возвышенность, горка к югу от д. Крылово.
179. **Бухарино** — лесок к юго-востоку от д. Крылово.
180. **Орехова Горка** — возвышенность, горка в лесу к западу от д. Крылово.
181. **Ванькина Нива** — лесное урочище к западу от д. Крылово.
182. **Максименкова Гора** — поле к юго-востоку от д. Крылово.
183. **Малые Вересняги** — урочище, мелкий кустарник к востоку от д. Крылово.
184. **Большие Вересняги** — урочище, мелкий кустарник к востоку от д. Крылово, севернее урочища Малые Вересняги. «*Вереск растёт*».
185. **Гнилища** — поле к югу от д. Буруны.
186. **Винюхин лес** — заболоченный лес к северо-востоку от усадьбы Воскресенское.
187. **Дурцев хутор** — место бывшего хутора к востоку от усадьбы Воскресенское.
188. **Остров** — лесное урочище, небольшая возвышенность в заболоченной местности восточнее усадьбы Воскресенское «*В Хохлах немцы были, а мы за озером между Островом и Пупихой. И болото между ними. Как стреляют — и бежишь в болото*» (XXVII).
189. **Пупиха** — урочище, небольшая возвышенность в заболоченной местности восточнее усадьбы Воскресенское и урочища Остров (№ 188) «*В Хохлах немцы были, а мы за озером между Островом и Пупихой*» (XXVII).
190. **Воронина Горка** — возвышенность, горка к северо-востоку от усадьбы Воскресенское. На карте значится как Ведьмина горка.
191. **Чаланово** — небольшая возвышенность, сухое место в болоте, кустарник к северо-востоку от усадьбы Воскресенское.

192. **Буян** — островок в болоте к северо-востоку от усадьбы Воскресенское.
193. **оз. Кислое** — небольшое озеро к востоку от оз. Кучане.
194. Место бывш. д. **Федорыгино (Ходорыгино)** — располагалась к юго-востоку от оз. Кислое.
195. **Петровская мыза** — урочище, бывшая мыза к северу от усадьбы Петровское.
196. Озеро **Долосса** — озеро на северном участке заболоченной низменности к востоку от озера Кучане. Низменность идёт с северо-востока на юго-запад и содержит несколько небольших озёр.
197. **Кладбище** к востоку от д. Рудино.
198. **Обабково (кусты)** — урочище к востоку от д. Рудино. «*За кустом поле*».
199. **Копытое болото** — болото на восточном берегу оз. Белогуль.
200. **Горки** — возвышенность севернее д. Рудино, на ней стоял маяк, было хозяйство сельскохозяйственного назначения, магазин винный.
201. **Боброво** — место бывш. деревни к северу от оз. Белогуль. «*Была деревня — 4 жихара*».
202. **Зады** — поле к северу от оз. Белогуль. «*За Бобровым*».
203. **Хверщанка** (раньше была пашня) — поле на северном берегу оз. Белогуль.
204. **Огороды** — поле к западу от д. Рудино
205. Место бывш. д. **Стригово (Стриково)** на северном берегу оз. Белогуль.
206. **Стриговское болото** — болото на северном берегу оз. Белогуль к западу от бывш. д. Стригово.
207. **Рудинское болото** — болотце на северном берегу оз. Белогуль к югу от д. Рудино.
208. **Луга** — «*Если ехать из Рудина — направо болото, налево — луга (сейчас один зарос), часть лугов Алтунского барина, часть косили Бирюли, Корни. Часть озера Белогуль была Алтунского барина*».
209. **Неборы** — поле к северу от д. Дупли. «*Поле, как с Дуплей, где Павля жил, и направо вниз. Там косили и пахали. Налево от дороги на (Рудино)*» (XXVIII).

210. **Пустошь** — поле к востоку от д. Дупли. «Там пахали и косили. Дорога, и идёшь через эту Пустошь. Столоп был правее, и к самому лесу большущая поляна. А это Пустошь» (XXVIII).
211. **Уголья Яма, угольная яма** — поле на северной окраине д. Дупли. «Идти за Павлю к Рудину, к Рудину, в кустах подальше от Неборов» (XXVIII).
212. **Столоп** — урочище на южной окраине д. Дупли. «Поле, там делали мелиорацию. Как к Рудину ехать и направо. Только начинаешь выезжать на Рудинскую дорогу — и направо. Там большущая поляна сразу к речке. Столоп был правее, и к самому лесу большущая поляна» (XXVIII).
213. **Ободворник** — поле к юго-западу от д. Дупли. «На Ободворнике. За дворами сразу» (XXVIII).
214. **Рассеки** — лес к югу от д. Дупли. «Лес по дороге из Дуплей в Брюхово» (XXVIII).
215. **Варница** — поле к востоку от д. Дупли. «Как идёшь к Бирюлям, Варница налево. «Куда?» «В Варницу»» (XXVIII).
216. **Долгие нивы** — поле к востоку от д. Дупли. «Поле. — Куда пойдём? — На Долгие Нивы. Варница и Долгие нивы. — Пойдёмте лён теревить на Долгие нивы» (XXVIII).
217. **Под ключком** (родник) — низменность между д. Крылово и Синичино (XXVII).
218. **Холмы** — местность на западной окраине д. Бирюли.
219. **Залежная полянка**, поляна — урочище, поле к югу от д. Бирюли. «За деревней» (XVII).
220. **Межник** — поле к юго-востоку от д. Бирюли. «Вдоль поля кусты растут».
221. **Суки** — урочище между д. Бирюли и д. Дупли. «Дальше немножко и по правую руку» (XVII).
222. **Яблочный крюк** — урочище, кустарник на южном берегу оз. Белогуль.
223. **Место бывш. д. Корни** на южном берегу оз. Белогуль.
224. **Захары** — большое, длинное поле к юго-востоку от д. Бирюли.
225. **Каменный ручей** — ручей, протекающий по западной и южной окра-

- ине д. Бирюли. Название получил по бывшему тут раньше каменному мосту (XXVII).
226. **Четверкино** — поле к югу от д. Синичино.
227. **Хорьков** хутор — место бывш. хутора к югу от д. Бирюли.
228. **Зыбари** — поле, окружённое болотом (Навдышевское болото), к югу от д. Дупли. «Там за Лужину будут Зыбари, за Суки будут Зыбари» (XVII). «Это как пашня, но, бывало, что лошади тонули».
229. **Широкошная** горка — возвышенность, горка к северу от д. Синичино.
230. **Луги** — покосы д. Синичино, к западу от деревни.
231. **Суколиха** — поле к югу от д. Синичино. «Сильно неловко работать, как по сукам».
232. **Бирюлина гора** — возвышенность к юго-западу от д. Бирюли между деревнями Бирюли и Синичино. «Рядом с деревней» (XXVII).
233. **Худяковский** ручей — ручей, протекающий по заболоченной низинке между д. Бирюли и Синичино.
234. **Родник** — источник к востоку от д. Синичино. «Бывает так бьёт, что ручей течёт, потом несколько лет нет его».
235. **Песчивка (Песцывка)** — горка на южном берегу оз. Белогуль к востоку от д. Бирюли (XXVII).
236. **Матвеев** хутор — место бывшего хутора на южном берегу оз. Белогуль между деревнями Бирюли и Дупли.
237. **Тропчиха, Тропина кирпичня** — поле к востоку от д. Бирюли. «Кирпичня—Тропино» (XXVII). См. также № 165.
238. **Снюги (Снеги)** — поле к востоку от д. Бирюли «Снеги́ — тут рядом, сразу тут за жильцом. Поле Снеги» (XXVII).
239. «**На лядине**» — поле к востоку от д. Бирюли. «Вокруг всегда были кусты».
240. **Стрелицы** — поле к востоку от д. Бирюли на южном берегу оз. Белогуль. «К самому озеру».
241. **Бирюльское болото** — болото к югу от д. Бирюли.
242. **Большой Остров** на озере Белогуль. «Островья — Большой остров и Малый остров» (XXVII).

243. **Малый остров** на озере Белогуль. «*Островья — Большой остров и Малый остров*» (XXVII).
244. **Налья** — урочище на юго-западной оконечности оз. Белогуль. «*На углу. Остров на озере Белогуль, на самом камне там поворот. Ходили раков ловить. Сейчас раки появились*» (XXVII).
245. **Петровский лес** — лес усадьбы Петровское. «*За грибами только в Петровский лес ходили и к Пушкинским горам*» (XXIII).
246. **Общественный колодец** д. Гайки — «*Один был большой колодец. Им пользовались Гайки и часть Бугрова. Обычно колодцы называют по хозяевам дворов, где они находятся. У нас же он стоял на отшибе и назывался просто колодезь. Его когда-то правильно очень поставили, на ключах. Вода там была всегда холодная, ключевая. Чистили колодец сообща, на верёвках спускались, ил вытаскивали. Работа была не слишком приятная. Потом пили*» (I).
247. **Кузница** в д. Гайки — «*Стояла напротив двора за околицей деревни, на тракте, ведущем в Михайловское, около пруда. Вероятно, проезжая кузница. Это единственный пруд в деревне, вероятно, вырыт специально для кузнечных работ*» (I).
248. **Гаешные логи** — урочище к юго-востоку от деревни Гайки — «*Местность тут вся горы — котлованы. Гаешные логи не исключение. В ВОВ тут проходила линия обороны. 1-я линия обороны — в СВ части деревни Бугры, 2-я ниже, в Гаешных логах. В здешних полях очень много камней. Чистили поля от камней и складывали по обочине. Так много камней сложено к западу от Гаешных логов. Около логов брали глину (печки чинить), там, где камень лежит*» (I).
249. **Камень** в Гаешных логах к юго-востоку от д. Гайки. «*Огромный камень с плоской ровной верхней площадкой находился в восточной части Гаешных логов. Детьми играли на этом камне. Он был просто гигантских размеров. Он расположен недалеко от дороги от турбазы на Березино*» (I).
250. **Бугровские мочила** — пруды для вымачивания льна к западу от д. Бугрово. «*Их много за Бугровым. Там, наверное, 30—40 мочил. Это специально для вымачивания льна. Они неглубокие и тёплые.*

- Около мочил ставили навесы. Это в конце Бугрова мочила рядами» (I).
251. **Бугровская гора** — лес на горке за речкой Луговкой к северо-западу от д. Бугрово. «За ягодами ходили в лес на Бугровскую гору. Бугровская гора — лес через речку. Лес хвойный. Мох там» (I).
252. **Подборновский лес** — лес к востоку от д. Подборье. Получил своё название по названию близлежащей деревни. «К югу от Гаек, слева от дороги. Турбазовский его ещё называют. В церковь ходили через Подборновский лес» (I).
253. **Луговка (поле)** — поле к западу от д. Бугрово. «поле к д. Луговка» (VI).
254. **Клюквенное болото** — небольшое болотце к северу от д. Бугрово. «Болотце, где могила неизвестного солдата, по тропинке направо за озером» (VI).
255. **Михайловский лес** — крупный лесной массив к югу от усадьбы Михайловское. В него ходили за ягодами и грибами большинство жителей окрестных деревень. «В Михайловский лес ходили за земляничкой» (VI). «Через Мох, через Колочиху ездили на Котовскую ядину в Михайловский лес. Кустов там не росло, там косили, трава была хорошая. Ну, конечно, старались косить пораньше, пока осока маленькая. Раньше выкашивали все неудобья. Мужики делили промеж себя» (IX, X). «За грибами ходили в Михайловский лес, и этой дорогой Змеиная гора на озере» (XXXI). «В Михайловский лес ходили (жители д. Кириллово)» (XXXII). «По ягоды ходили. Это там, где часовенка. Как праздник, там народу набьётся, как ярмарка. Ну, праздник, выходной, значит» (IV, V).
256. **Чуиха поле** — поле к северу от д. Луговка, ближе к урочищу Три сосны. «К Луговке идти по правой стороне. За Луговкой на гору въедешь. И там роцца берёзовая, камень поставлен. Мы там полюсы делили» (VII).
257. **Колочиха** — одно из полей на возвышенности около урочища Три сосны к югу от Савкиной горки и д. Савкино, за лугами (см. также № 69, 258, 331). «3-е поле «Колочиха» (VII). «Гора. Через Мох,

через Колочиху ездили на Котовскую лядину в Михайловский лес» (IX, X).

258. **Средний (Сирений) остров** — одно из полей на возвышенности около урочища Три сосны к югу от Савкиной горки и д. Савкино, за лугами (см. также № 257, 331). «2-е поле — «Средний Остров» (VII). «Напротив Колочихи гора» (IX, X).
259. **Пруды** перед Рысцовым (см. также № 90, 91) — «В лесу есть пруды. Идёшь в Рысцово дорогой. Перед Рысцовым влево сворачиваешь, и там огромные 2 или 3 пруда. Что там было? Откуда они в лесу взялись? Как назывались?» (VII).
260. **Горки** — возвышенность к востоку от д. Бугрово. «У нас (в Бугрово) называлось. Там на Пасху жгли костры большие» (IX, X).
261. **Сад** — поле к северо-западу от д. Бугрово, за речкой Луговкой. Называлось по бывшему здесь когда-то саду. «Это довоенный сад был за речкой. Вот за Садам сразу Растерёбы. Это сразу за Мочилами» (IX, X). «Поле за гостиницей Сад, в лесу за речкой, где построен дом и поле — Сад. Тут картошку сеяли. Речка проходит направо и в сторону. Клевер там сеяли и яровые. Там, вроде, сад когда-то был. Так и называли «Сад», «в Саду»» (VII).
262. **Гажье болото** — болото к северу от д. Бугрово. Рассказывают, что там водилось много змей. «Это место за деревней (Бугрово) в конце, где трактир сейчас, кафе построили» (IX, X).
263. **Грязный ручей** — урочище, ручей к северу от д. Бугрово, запружен. «В конце деревни там называлось Грязный ручей. Пониже, как спускаешься под горку, там Грязный ручей. Ой, грязное место было! Бывало, туда к празднику и возят и возят и кирпичи и всё, а всё равно грязь» (IX, X).
264. **Долгое** — поляна в Михайловском лесу (№ 255). «Поляна была за Грязным ручьём. В болото туда самогонку возили. Это идти вот, где будка стояла Валина. И на правую сторону. На Петин кордон. И это Долгое где-то в низине в левую сторону» (IX, X).
265. **Растерёбы** — урочище к северо-западу от д. Бугрово «Вот за Садам сразу Растерёбы. Это сразу за Мочилами. Растерёбы делились на 2 части: одна наша, другая — Луговская» (IX, X).

266. **Котовские ядины** (см. также № 113) — урочище, мелкий кустарник к северу от д. Луговка. Покос. Название получили по бывш. д. Коты (№ 113). «Как на Сороть ездили от Пушкинских гор и под гору перед мостом. Сразу за Луговкой и в гору. А на левую сторону Новины. Новины чуть поближе, а Котовская ядина чуть подалее. Через Мох, через Колочиху ездили на Котовскую ядину в Михайловский лес. Кустов там не росло, там косили, трава была хорошая. Ну, конечно, старались косить пораньше, пока осока меленькая. Раньше выкашивали все неудобья. Мужики делили промеж себя» (IX, X).
267. **Цыганка** — низменное место, болотинка рядом с Рысцовым (№ 90, 91, 259), южнее оз. Маленец. «Ходили за грибами в близняк, в Рысцово, и сразу туда горка и Цыганка, горка Пенегора. Рядом с Рысцовым, рядом с Маленцовым. По левую сторону от дороги на Маленцово. Цыганка — это низменность рядом с Рысцовым. Раньше была болотинка такая. «Куда лошадей поведём?» «В Цыганку»» (IX, X).
268. **Пенегора** — возвышенность к югу от оз. Маленец. «Рысцово, и сразу туда горка и Цыганка, горка Пенегора. Рядом с Рысцовым, рядом с Маленцем. По левую сторону от дороги на Маленец. Пенегора — пойдёте через Рысцово. За кустами за этими там Пенегора» (IX, X).
269. **Колочиха** гора — возвышенное место, гора недалеко от урочища Три сосны. Угодье (см. также № 257).
270. **Горелая** гора (Горелик) — возвышенность к северу от д. Березино «Тут называлось. Это туда к Березину, к Подборью, к Березину, где там спуск вот этот сейчас» (VII). «В войну мы туда ходили, собирали гнилой картошки. Вот так растолчём её, и лепёшки пекли» (XXV).
271. **Махальников огород** — лесное урочище д. Бугрово, к северо-востоку от деревни. «Это перед речкой, перед озером. «Куда погоним?» «На Махальников огород». Был лес, и ничего там не было» (IX, X).
272. **Часовня** в Луговке — на северной окраине д. Луговка возле р. Луговка, слева от дороги. На месте, где по легенде явилась Богородица.

Раньше возле неё лежал Богородицкий камень с отпечатком небольшой ступни. Считалось, что это Богородица споткнулась о камешек, перепрыгивая речку Луговку, так как очень спешила, и оставила на нём след своей ступни. В настоящее время камень утерян (во время строительства дороги). Часовня же восстановлена, правда, немного в стороне от старого места. «Часовня налево» (XXV). «Налево тут на горке. Раньше была не совсем на этом месте. Каменья оставшиеся под фундамент растащили. Раньше там был камень со следом ладони. Бульдозером его свернули, когда дороги делали» (II, III). «Сюды на речке часовенка. Был камушек, на камушке был следок. Её как-то сразу не стало. Идём гулять — часовенка стояла, обратно идём — нет часовенки. Цыгане Дмитровские украли. Здесь, когда с Вороныча иконы несли в Пушгоры и заходили в часовенку. И по деревне пройде. На Богородицкий канон все иконы ходили, служили у нас. Это 28 августа Богородицкий канон. Часовенка была из досок, не такая, как сейчас. Она никогда не была закрыта на замок, всегда открыта была. Кто идёт, бывало, помолится. Дверь открывали, деньги клали. Там внутри иконки стояли, и бумажки были по стенам наклеены. Камень маленько подальше лежал, к речке поближе, совсем рядом с речкой, в нескольких метрах. Тётка моя там лампы зажигала. Был камушек, на камушке был следок. След от ножки, детский следок такой был. Он такой аккуратненький был камушек, небольшой. Он продолговатый камушек, аккуратненький такой. Его своротили, когда дорогу делали, бульдозером, наверное, в речку своротили. Камень маленько подальше лежал, к речке поближе, совсем рядом с речкой в нескольких метрах» (IV, V). «В д. Луговка есть часовня, в которой явилась икона Божьей матери» (LIII). «Один Господь может знать... Камень был гладкий, плоский, как стол. И на нём ножка небольшая, наверное, 36 размера. Как дождь пройдёт, тут вода набирается, и мы, дети, пили её» (XXV). «Со священным камнем у д. Луговка связывалось два рассказа. Согласно первому из них, на этом камне был «убит недобрыми людьми прохожий; там, где лежала его голова, осталось углубление в камне». По второму, на нём остались

«следы Богородицы», проходившей мимо и присевшей отдохнуть на камне» (Тарасов Г.И. Поездка в Михайловское (31 июля — 1 августа 1916 г.). С. 56—57). «Луговский камень-валун имел знак небольшой женской (или детской) ступни...Во второй половине XVI в. появилась легенда о чудесных происшествиях в Воронице, о явлении Богородицы, указавшей, якобы, вороночанам на необходимость построения новой Святогорской обители на Синичьих горах. Легенда излагала это дело так: узнав, что не все вороночане согласились с небесным указанием о новой обители и перенесении из Вороница старых святынь на новое место, богородица поспешила из Вороница на помощь своим верным слугам к месту, где надлежало построить монастырь; перепрыгивая речку Луговку, она споткнулась о камень и оставила на нём след своей стопы. Монастырское сказание, рукопись которого ныне хранится в собрании древних актов Украинской Академии наук, утверждает, что, увидев сие чудо, начались исцеления: «И егда людие дйчдоша до рече... на том месте начаша чюдотворения бытии и исцеления...хромые хождашу радостные... древянницы (костыли) от ног меташа... и исцеление быша велие»» (С.С.Гейченко. Древние камни с таинственными знаками // Пушкинский край 19 октября 1970 г. С. 216—217).

273. **Святой колодец** — родник возле д. Луговка к северо-востоку от деревни. «В Луговке родничок холодный. У нас тропинка была набита туда» (IX, X) «Кипунок-родничок. Там и был, и стекала вода с обруба. Воду ходили пить, мыться» (XXV).
274. **Мельница** в Бугрове — «Мельница была в Бугрове у нас. Из одного только камня сложена. Молоть зерно мы туда, вроде, не ходили. Шерсть чесать как-то ходила. У меня ребёнок маленький был, то зацепится, то что. А мне говорит: «Приходи, быстро расчесу». И шерсть водой расчесал. А зерно мы дома мололи на жёрнах. Там гуси под лёд провалились. Деда Мартына невестка под лёд полезла, гусей повытягивала. Домой пришла, на печку прожариться. А утром встала... Да так и осталась калекой на всю жизнь. Руки работали, а ноги не ходили» (IV, V).

275. **Бахариха** — поле д. Луговка к западу от деревни. «Поле такое, огороды там были. Бабы ведут коров. «Куда погоните?» «На Бахариху». Бахариха — поле. Они так идут: Бахариха, Ключевуха, Островок. Бахариха ещё левее» (IV, V).
276. **Ключевуха** — выпас д. Луговка к юго-западу от деревни. «Коров пасли в лесу тут и тута, по полям на Ключевухе и на Островке. Ключевуха — это к Кокорину, на этой стороне. Там как озерок такой небольшой. Они так идут: Бахариха, Ключевуха, Островок. На Ключевухе прудик такой заросленный» (IV, V).
277. **Островок** — возвышенность к юго-западу от д. Луговка. «Коров пасли в лесу тут и тута по полям на Ключевухе и на Островке. Островок — высокий, высокий. Так и говорили: «На Островок погонимся». На эту сторону далеко от речки. Напоят коров в речке и гонят на Островок. Они там лежат — красота! Это рядом, где Ключевуха. Бывало: «Куда погонитесь?» «На Островок». Они так идут: Бахариха, Ключевуха, Островок» (IV, V).
278. **Пучегар** — угодье д. Луговка, возвышенность к северо-востоку от деревни. «Вот где часовня сейчас стоит и на ту сторону, к Михайловскому. Там были огороды на правой стороне за ручьём. Попам было выдано, но они потом отказались. Свекровь говорит: «Валя, сходи на Пучегар. Там всегда земляника есть» «А где это?» Я же не знаю. Она выйдет, показывает: «Да вон же, там!». Дорога была, можно было проехать в Бугрово. Наташа ещё там сажала до последнего. Обычно, как весна начинается, и навоз возили и картошку. Бывало, с крыльца поглядишь, прям ярмарка, столько народу» (IV, V). «В Луговке, за часовню, за речку, только на правой стороне дороги. Часовня налево, Пучегар направо, сразу за мостом гора» (XXV).
279. **Ровень** — поле д. Луговка, ровное место к западу от деревни. «Это туда к Кокорину. До линии поле. Там тоже были огороды, давали нам сено косить. Ровень левее, как за деревню выйдешь. Ровень — это на нашей стороне. Бахариха ещё левее» (IV, V). «В Луговке поле» (XXV). «Ровень — у Луговки» (XXIX).

280. **Лопатин луг** — луг среди полей между д. Бугрово и Кириллово, к югу. *Посреди поля, а там всё заросшее. И звали Лопатин луг»* (VII). *«По Сукам на гору и с правой стороны. Тоня. На Лопатин луг ездили через Тоня или рядом дорога была. Тоня — это кусты»* (IX, X).
281. **Пустырёк** — урочище западнее д. Кириллово. *«К реке был Пустырёк, внизу горка и речка»* (XXIII).
282. **Ержавица** — урочище на р. Великой к северу от д. Селихново. *«Родничок на Ержавице в Забоине. Место. Ржавчина никогда не уходит. На той стороне за Выдрой»* (XXVI).
283. **Мочило Селихновское** — пруд для вымачивания льна д. Селихново, располагался возле р. Великой к северу от деревни. *«Около Выдры, большое мочило»* (XXVI).
284. **Губа** — урочище на левом берегу р. Великой к северу от д. Селихново. *«Губа на той стороне реки»* (XXVI). См. также № 141.
285. **Берёзовское пеньё** — лесок, получивший название по бывш. д. Берёзово.
286. **Треусово** — урочище на р. Великой к северу от д. Селихново. *«Треусово кругом почти река. Кругом Треусова и пошла к Острову. Губа на той стороне рек, а это на этой Треусово»* (XXVI). (Треусово — это распространённый топоним. См. № 331).
287. **Яхново** — урочище на р. Великой, место бывш. д. Яхново к северо-востоку от д. Селихново, на противоположном берегу реки. *«На Пасху костры жгли в кустах. Деревня Яхново была, и там в кустах и жгли. Раньше жгли с веток большие»* (XXVI).
288. **Доцарёво (Доцарёвские Луги)** — заливные луга на р. Великой. Назывались по бывш. д. Доцарёво, располагались к северу от д. Селихново на противоположном берегу реки. *«Мы с 10-й кучи косили. 9 колхозу, 10-я себе»* (XXVI).
289. **Нажица** — ручей возле бывш. д. Берёзово к северо-востоку от д. Селихново. *«Идёт оттудова. Это ручей»* (XXVI).
290. **Лоховское болото** — низменное место, болотина к северо-востоку от д. Селихново. *«Сразу за остановкой»* (XXVI). Рядом с ним — лесное урочище, возвышенность, называемая Лоховская гора. *«Идём ле-*

- сом, и тута цыгане. Они выскочат с плетьюми. А мы их как натянем. Резиной с гайками дрались. Цыгане по деревне курей ловили. Так они после этого на Лоховской горе мешок забыли с курятами» (XXVI).
291. **Спорница** гора — урочище близ д. Подборье к югу от деревни. «Направо от дома» (XXV).
292. **Островок** — урочище, бывш. угодье д. Луговка к югу от деревни. В настоящее время на этом месте построена Пожарная часть. «Где Пожарку сейчас построили. Там сеяли овёс» (XXV). «Был тут пруд, низкое место» (II, III).
293. **Междудорожье** поле между деревнями Бугрово, Луговка и Подборье, возле дороги на Бугрово. «Где тропинка, где камень музейный поставлен. «Пойдёмте жать в Междудорожье»» (XXV).
294. **Кокоринская гора** — гора за ручьём (р. Луговкой) слева, по направлению от д. Луговка к д. Кокорино, к северу от обеих деревень. В Пасху на ней жгли костры «За ручьём слева, а справа Пучега́р. В Пасху там костры жгли. Дров наносили, воровали паклю. Перво костры пожжём, потом в церковь идём» (XXV).
295. **Косая Горка** — гора, возвышенное место к юго-западу от д. Косохново. «Гора за деревней. Там барин жил. Косых там, что ли. Два брата жили Косых. Это горка сразу за ручьём в лесу налево. За ручей и горка. Сейчас лесом заросло. А были ещё маленькие» (XXXI). «Там помещик жил» (XXXII).
296. **Мочила Косохновские** — пруды для вымачивания льна д. Косохново, за южной окраиной деревни. «Луги вот так и до леса доходят, и там мочила. Там Мочила была буквально за этим лесом. «На Мочила» Мочила за деревней. Мочила чуть-чуть, маленько подалее» (XXXII). «На полдни коров ставили за Мочила и в Крюче» (XXXII).
297. **Луги** — покосы д. Косохново к югу от деревни. «Луги косили» (XXXI). «Это вот здесь. Луги вот так и до леса доходят и там мочила, мочили лён. Когда у нас утки были, мы ходили там ряску собирали для уток» (XXXII).

298. **Троицкое поле** — поле к северо-западу от д. Косохново возле дороги на Петровское. «Поле по Петровской дороге, от нас сворачивать направо» (XXX).
299. **Родничок** — родничок в лесу к западу от д. Косохново. «В нашем лесу. Я маленькая ходила с бабушкой, помню, платочки беленькие были привязаны. Ну, может, когда платочки, а когда тряпочки просто. Как в нашу гору въедете, вот сейчас вы поворачиваете, а тогда дорога шла в гору, поднимаешься — и направо низина, и котлован, и ямища огромные. Брали воду, и тесёмки чистые навязывали. Это было какое-то поклонение. Я уже не знаю. Мы этого не касались — день прошёл, и ладно. Так вода там святая. Котлован там, вокруг возвышенность. Он не по самому низу течёт, а повыше, по стенке так» (XXXII).
300. **Каменный ручей, Каменный мост** — ручей, протекающий по западной окраине д. Косохново. «Перекрёсток перед лугами. Наш ручей, мимо Станошников идёт этот ручей. Между торфоразработками. И он впадает наш ручей... Наш ручей от Станошников идёт в низине, от Клопов идет» (XXXII).
301. **Паршугово** — поле к северо-востоку от д. Косохново. «Поле, раньше хутор был, там даже камни остались на поле. Сразу за кустиком Паршугово. «Поршугово» ещё называли. В Паршугово ходили работать» (XXX). «Мимо Крючи пойдёшь и попадёшь в Паршугово». (XXXI).
302. **Холмы** — поле к северу от д. Косохново. «Поле. Вокруг болото. Поля упираются в болото. И там Холмы, поле маленькое было» (XXX). «За Мочилами сразу» (XXXII).
303. **Чёрная вода** — ручеёк к востоку от д. Косохново. «Возле Лытки ручеёк и Крюча там прудик» (XXXI). «Внизу там Чёрная вода будет» (XXXII).
304. **Лытка** — поле к востоку от д. Косохново. «Поле называлось» (XXXI).
305. **Маяк, вышка, поле «Под Вышкой»** — поле д. Косохново к востоку от деревни. «Поле 18 га, из Крылова на Петровское идти» (XXX).

- «Там просто вышка была в 1957 г.» (XXXI). «Возле Маяка, она горка, заросла лесом» (XXXII).
306. **Крюча** — прудик на восточной окраине д. Косохново. «Прудик на окраине деревни. Чёрная вода подальше. Мимо Крючи пойдёшь и попадёшь в Паршугово» (XXXI). «На полдни коров ставили за Мочила и в Крюче» (XXXII).
307. **Могила-гора** — гора, возвышенность к юго-востоку от д. Косохново. «Могила — из Березина. Могила-гора» (XXXII).
308. **Подлужье** — поле к северо-востоку от д. Косохново возле поля Паршугово. «Между Паршуговым и Крючей. «На Подлужье»» (XXXI).
309. **Хутора** поле — поле к северу от д. Шаробыги. «Поле. Там по полю хутора были разбросаны. До сих пор камень, фундаменты там» (XXIX).
310. **Кирпичня поле** — поле и лес к юго-западу от д. Шаробыги. «Лес и поле» (XXIX).
311. **Наполеонова горка** — горка, возвышенность к югу от д. Глазки. «За Глазками, к югу от Глазков» (XXIX).
312. **Суржевка** поле — поле севернее автодороги между деревнями Селихново и Новая Берёзовка. «Севернее автодороги» (XXIX).
313. **Арсенки (Арсеньки)** — урочище, польцо д. Шаробыки, справа от дороги на Новую Берёзовку, см. также № 130. «На Штанах поле» (XXIX).
314. **Узкое болото** — болото на южном берегу оз. Каменец. «И к Каменцу тоже идёт по речке. Сейчас там мелиорация» (XXIX).
315. **Лавины** — урочище на р. Сороть возле юго-западной оконечности оз. Кучане.
316. **Станошницкое болото** — болото к востоку от д. Кириллово. Называлось по Станошницкому хутору. См. № 330 — (XXXIII). Деревня Кириллово делилась на: Пушкинский край, Березинский край, Станошницкий край.
317. **Гоньково, Ганьково** — урочище д. Кириллово к востоку от деревни (XXXIII).

318. **Репшино** — урочище д. Кириллово, поле к северо-востоку от деревни. «За деревню вниз, по дороге на Михайловское» (XXXIII).
319. **Карьер** — карьер к югу от д. Кириллово.
320. **Пропásная Луговка** — дачное место на Луговском ручье к юго-востоку от д. Кириллово. «До войны деревня была... Сейчас там дачи» (XXXVII). «Было 2 Луговки: Новая Луговка, там где дачи, называлась Пропásная Луговка. И наша здесь называлась Фролова Луговка. Бывало, у матери спросят: «Куда Галя замуж вышла?» «Во Фролову Луговку». Она считалась попочётней. Пропасная Луговка это сейчас, где дачи, к Лопатину, там несколько домов было» (II, III).
321. **Маково** — лес возле д. Станошники, южнее деревни. «Лес — где могилы делать хотели. Сосны все, где окопы были немецкие» (XXXVII).
322. **3-й ручей** — небольшое поле, поляна к западу от д. Станошники. «Там 1-й, 2-й и 3-й ручей. Это полянки, за Богомолы идти. И на большак сразу после ручьёв должна выйти дорога» (XXXIV).
323. **2-й ручей** — небольшое поле, поляна к юго-западу от д. Станошники (см. № 322) (XXXIV).
324. **1-й ручей** — небольшое поле, поляна к югу от д. Станошники (см. № 322) (XXXIV).
325. «**Под рябину**» — поле к западу от д. Богомолы. «В поле туда коров гоняли. Там и рябина растёт и яблони. Сейчас-то всё разделено. А раньше не было» (XXXV, XXXVI).
326. **Синий камень** — поле к северо-западу от д. Богомолы. «Поле перед Тростняком. Камень вроде синий, просто лежит на краю поля» (XXXIV).
327. **Тростняк** — урочище, поляна к северу от д. Богомолы. «Там дальше не поля, а полянки такие вдоль леса: Гнилки (Глинки), Тростняк, роща дальше, в кусте, полянка в кустах, дальше лес, как остров среди болота» (XXXIV).
328. **Гнилки (Глинки)** — урочище, местечко заросшее кустарником на опушке леса к северу от д. Богомолы. «Поле, где коров мы навязывали, туда к лесу налево. Где Валентиново поле, Валентинов ого-

- род» (XXXIV). «Там дальше не поля, а полянки такие вдоль леса: Гнилки (Глинки), Тростняк» (XXXIV).
329. **Мочила (Большое и Малое)** — пруды для вымачивания льна д. Богомолы к западу от деревни. «Мочила. 1-е мочило — это Малое мочило. 2-е мочило — Большое мочило. Через поле, через огород сразу мочила» (XXXIV).
330. **Станошницкий (Станошников) хутор** — место бывш. хутора возле д. Станошники (XXXV, XXXVI).
331. **Треусиха** — одно из трёх полей около урочища Три сосны к югу от Савкиной горки и д. Савкино, за лугами (см. также № 257, 258). «Справа, если идти от Трёх сосен, у Михайловского заканчиваются Савкинские луга, а за ними холм под названием Треусиха» (LIV). «1-е поле — «Треусиха» — там 2 поля и между ними как клин» (VII).
332. **Пралище** — урочище на р. Сороть к югу от д. Дедовцы. «Стиралась на речке».
333. **Ямки** — место с родниками на старице р. Сороть к востоку от д. Дедовцы.
334. **Деревянный мост** через Ерёминский ручей (№ 4) северо-восточнее д. Дедовцы.
335. **Шквыри** — место впадения Носовского ручья в Сороть, на восточной окраине д. Дедовцы. «Носовский ручей спешит через Шквыри в Сороть» (Мой любимый уголок земли... С. 67).
336. **Малая Губа** — лесное урочище к северо-востоку от усадьбы Петровское. «Из Петровского к Воскресенскому, сразу к лесу».
337. **Большая Губа** — лесное урочище к северо-востоку от усадьбы Петровское.
338. **Ур. Хверщи** — место бывшего хутора к юго-востоку от д. Михново на западной окраине болотистой низменности.
339. **Городок** — урочище к югу от д. Буруны. Культурное место. Там жгли пасхальные костры. По преданию, здесь ушла под землю церковь. «Горка на Городке напротив Бурунов — там на Пасху костры жгли. Смотрели, чей костёр больше, какой деревни. И несколько лет тому назад ещё ходили, жгли. Рядом большая гора. Говорили,

будто там церковь под землю ушла. На самой горе яма и камни какие-то были. Мы там когда малину собирали, бабушка говорила: «Послухай ухом и колокола услышишь, как звенят». А там трава такая высокая. Лягу — ничего не слышу» (XXVII). «Легендарное городище, с древних времён называемое местными жителями Городок. Крутые склоны городища сплошь покрыты деревьями и кустарником, с южной стороны ведёт ступенчатая дорога на площадку, в центре которой лежит темно-серый камень, где, по местному преданию, в древности стояла церковь Девяностолетняя жительница деревни Буруны баба Дуня сохранила в своей памяти предание: «Слыхала от деда своего, что в старину на Городок гулять ходили, там церковь стояла, провалилась, значит, под землю ушла, когда Литва приходила. На острове Белогуле в старину монастырь был...» (Васильев М.Е. Минувшее проходит предомноу // Михайловская Пушкиниана, 2000, № 9, ч. 2. С. 7–8, 10, 14, 15).

340. **Часовня в лесу** — слева от дороги из д. Луговка в пос. Пушкинские горы, недалеко от турбазы. «Бывало, баба Шура мне рассказывала, идём из церкви. А там внизу через дорогу колодец. Идём, и она рассказывала, как крестным ходом ходили и с этой часовенки на колодец воду святить. И, говорит, «только платки женские белеют». Она рядом, прям возле асфальта. Из церкви сюда святить ходили. Не доходя турбазы, на левой стороне часовенка, огорожена была, и колодец был. «А это часовенка на правой стороне». Выкопали турбазовское мочило когда, хотели ж сделать, чтоб купаться можно было, а не получилось. Но когда копали, то часовню перенесли на правую сторону. Разобрали. Она камнем была отделана. И ограда была сделана. Это в 1960-е гг. случилось. На Богородицу ходили там святить» (II, III). «В Пушкинские горы как идти, там стояла часовенка. Изобка стояла, дед Иванушка жил и днём и ночью, и летом и зимой. Никуда не ходил. Не знаю, кто его поил-кормил. Ходил туда крестный ход на Вознесенье. Крестный ход к колодезю спускался послужить и к часовенке, а потом кто куда. А крестный ход на большак. Пыль стоит, только платки баб бе-

леют. В избобке рядом с часовенкой жил, день и ночь в избобке. Кто его кормил — не знаю. Эта часовня была большая, высокая, где служили. В войну разбили часовню. До войны стояла. Крестный ход к ней из монастыря ходил» (IV, V).

341. **Тимофеева горка** — горка в пос. Пушкинские горы. «Горка в конце улицы Лесной. На склонах горы расположено старое кладбище. Выше по склону — старинная деревянная церковь во имя Казанской Божьей матери. Никогда не закрывалась. Служила приходской. Ещё выше, на самой вершине горки — деревянная (дощатая) Тимофеева часовня с четырёхскатной крышей и крыльцом. Именно на этом месте пастушку Тимофею во сне явилась святая икона».

342. **Тоболенец** — озеро в пос. Пушкинские горы. «Продолговатое озеро, следующий водоём за Банным прудом. Делилось на 2 части: одна, со стороны старой аптеки, мелкая и тёплая, там можно было в иные годы перейти на другую сторону. Вторая — глубокая и холодная. Там постоянно били ключи. Опустить ногу — ледяная вода. Раньше местные мальчишки днями пропадали на этом озере. Не уметь плавать считалось не просто позорным, тебя бы куда-то не приняли. Поэтому плавать умели все».

343. **Закат** — гора в пос. Пушкинские горы. «Гора, расположенная за озером Тоболенец. В настоящее время сильно заросла лесом. Раньше заросли регулярно прореживали, и с горы открывались замечательные виды. Раньше там гуляла молодежь. Мать бегала туда на танцульки. В войну на горе располагалось немецкое офицерское кладбище. Оставались холмики могил по окраинам горы. Дети раскапывали, находили офицерские документы».

344. **Скудельня** — холм, возвышенность к востоку от д. Савкино. «На восточной границе Савкина находится холм лесистый, по-местному называемый Скудельня, а за ним протока из озера Маленец в реку Сороть» (LIV). «Савкино начинается с восточного берега оз. Маленец, где тогда была так называемая «Скудельня». Холм «Скудельня» называется так с прадедовских времён... но что означало это слово, никто из крестьян уже не знал. Сам холм всегда был покрыт лесом, но у его подножья, с обратной к озеру и реке сто-

**Схема локализации микротопонимов
на территории музея-заповедника
Пушкинские горы**

Условные обозначения

Урочища согласно списку микропонимов

Населенные пункты в составе Охранных Зон

Граница территории музея-заповедника, в том числе земли не изымаемые у основных землепользователей (Охранные Зоны)

Музей-усадьбы

1. Святогорский Свято-Успенский монастырь.
Некрополь Ганнибалов-Пушкиных.
2. Музей-усадьба «Михайловское»
3. Музей-усадьба «Тригорское»
4. Музей-усадьба «Петровское»
5. Музей «Усадьба мельника» в д. Бугрово
6. Научно-Культурный центр Пушкинского Заповедника
7. Городище Савкина Горка
8. Городище Воронич

роны, была пашня, десятины на две. Так было вплоть до 1941 г., когда эта земля была заброшена, и на ней вырос сосняк. Не раз там крестьяне, и я в том числе, выпаживали человеческие кости, а между ними и черепа. Дед и отец иногда говаривали: «Тут были захоронены богатыри»» Из беседы С.С. Гейченко со старожилом д. Савкино Алексеем Ивановичем Ивановым (С.С. Гейченко. Из рассказов местных стариков // Пушкинский край 20 августа 1988 г. С. 495).

345. **Кривые сосны** — урочище на западном берегу оз. Маленец. «С юга пустошь (Сафронова — место д. Савкино) ограничена дорогой, «размытой дождями». Тогда это место называлось Кривые сосны» (LIV).
346. **Старая и Новая Кирпичня** — урочища на западном берегу оз. Маленец «Кому принадлежал берег озера Маленец, неизвестно, но к концу XIX в., пока в Михайловском жил Григорий Александрович Пушкин, на берегу озера работали две кирпичные. Выемки, где брали землю, сохранились до сих пор. Это место и соседнее называют Старая и Новая Кирпичня» (LIV). «Между Скудельней и дорогой в Тригорское есть два места, которые назывались Старая и Новая Кирпичня. Недалеко от холма и сейчас можно найти остатки старых горнов для обжига кирпича и чёрных изделий. Последний раз там кирпич делали примерно в 80-х годах XIX в., когда в Михайловском жил сын Пушкина Григорий Александрович» Из беседы С.С. Гейченко со старожилом д. Савкино Алексеем Ивановичем Ивановым (С.С. Гейченко. Из рассказов местных стариков // Пушкинский край 20 августа 1988 г. С. 495—496).
347. **Лысая гора** — возвышенность, холм к северу от д. Каменец. «Возле деревни есть Лысая гора. Название получила по тому, что на ней жил лысый учёный» (LV). «В деревне есть Лысая гора. О ней есть легенда: когда-то в этих краях жил умный-преумный барин. И никогда никто не видал на этой горке змей. Потом стали пересказывать, что этот барин заколдовал местность эту на 1000 лет, и заклинание действует до сих пор — змей на горке не встретишь!» (LVI).

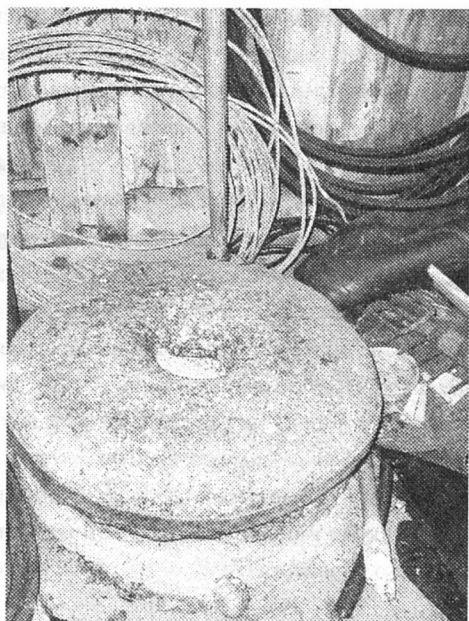
Рис. 1. Старейшая жительница Пушкинских гор — Петрова Александра Ивановна 1910 г.р. Есть запись ее беседы с С. Гейченко в 1957 г.

Рис. 2. Петров Федор Степанович. Хранитель традиций из д. Кашино

Рис. 3. Традиционные сельскохозяйственные орудия труда

*Рис. 4. Жернова в доме
Петровых в д. Луговка*

Н.М. ВЕДЕРНИКОВА,

канд. филол. наук

«ДОМ» КАК КЛЮЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ
В ТРАДИЦИОННОЙ КАЗАЧЬЕЙ КУЛЬТУРЕ
(«Дом» в романе М. Шолохова «Тихий Дон»)

На территории Нижнего Дона на протяжении нескольких столетий (XV—XX вв.) сформировалась самобытная культура казачества, которая до настоящего времени сохраняет свою духовную и отчасти материальную основу. Эту культуру отличает ярко выраженная мировоззренческая основа, позиционирующая казачество как особый субэтнос, что находит отражение в фольклорной традиции, представлениях о духовных ценностях, связанных с такими понятиями как родная земля, дом, семья и др. В романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» эти понятия становятся ключевыми, помогая понять характеры персонажей и их взаимоотношения.

В культурно-языковой картине мира казачества система ценностных ориентиров представлена словами-концептами, отражающими эти понятия, где *степь*, *Дон* и *дом* оказываются главными. Если *степь* и *Дон* выражают представления о «своём», общем для казаков пространстве, которое уточняется оппозициями «чужбина», «далёкие края», то *дом* мыслится как центр этого пространства, всегда имеющий отношение к отдельной личности. Дом в традиционной культуре есть «универсальная точка отсчёта в пространстве» (Байбурин, с. 10).

Таким пространственным центром в романе «Тихий Дон» является дом Мелеховых. «Мелеховский дом — на самом краю хутора. Ворота со скотиньего база ведут на север к Дону,.. на восток... — Гетманский шлях... степь. С юга — меловая хребтина горы. На запад — улица... бегущая к займищу» (Шолохов, т. 2, с. 9). Таким образом, Мелеховский дом находится как бы в центре мира, и потому он становится неким символом судеб донского казачества.

В народной песне, которую казаки поют вдали от дома, «чужбине далёкой» противопоставлена своя «краина», которая сужается до «отчего дома».

«А вечерами, — читаем у Шолохова, — в опаловой июньской темени в поле у огня:

Поехал казак на чужбину далеку
На добром своем вороном,
Свою он краину навеки покинул...

Убивается серебряный тенорок, и басы стелют бархатную густую печаль:
Ему не вернуться в отеческий дом.

Тенор берёт ступенчатую высоту, хватает за самое оголённое:

Напрасно казачка его молодая
Всё утро и вечер на север смотрит.
Всё ждет она, поджидает — с далёкого края
Когда ж её милый казак-душа прилетит» (т. 2, с. 285).

Это противопоставление (*чужбина далёкая, дальний край / своя краина — отчий дом*) находит здесь же обоснование: чужбина грозит смертью — опасностью не вернуться, остаться там навеки, в то время как в отчем доме его ждёт семья, молодая казачка.

Дом — место отправления казака на чужбину и место его возврата. В романе дом становится композиционным стержнем. Казаки покидают дома, отправляясь на сборы, войну, а затем в бесконечное кружение по Дону во время гражданской войны, но всегда возвращаются к исходной точке — дому. Покидая дома, казаки, согласно традиции, носили под нательными рубашками в гайтанах узелки с щепотью родимой земли как символы дома, увозили с собой подарки домашних — рукодельные вещи: вязаные шарфы, носки, перчатки, кисеты, которые незримыми нитями связывали их с домом, вызывая в памяти родные лица. Дуняшка, провожая на воинскую службу Мишку Кошевого, дарит ему ярким гарусом вышитый кисет, перчатки дымчатого козьего пуха, расшитую «утирку». Возвращаясь со службы домой, казак вез ответные дары: шали, отрезы, украшения.

Люди, подбивающие казаков к восстанию (например, Штокман), — это люди пришлые, иной культуры, не имеющие на Дону своих домов.

В традиционной культуре дом — символ постоянства, состоявшейся жизни, семейного благосостояния и довольства, то есть дом выражает целый комплекс понятий, вбирающих в себя основные жизненные ценности, как материальные, так и духовные. Потому-то с «домом» в народной культуре связано множество поверий, обычаев, этических представлений: строительство дома, ограды-границы, обустройство дома и хозяйства, создание семьи, отношения между домочадцами, соседями и др.

В романе М.А. Шолохова не только прослеживается концептуальная основа дома, но и доказывается его непреходящая ценность во все времена.

Описанию домов основных персонажей (Мелехова, Коршунова, Астахова) в романе уделяется много внимания, различие в домах — различие семей. Дома, так же как и их хозяева, переживают расцвет и упадок, становятся символом людских судеб.

С истории возведения дома Мелеховых начинается роман. С шашкой в руках Прокофий защищает свою жену, а значит и дом. Возведение его сыном Пантелеем нового дома на месте старого — это желание возродить отеческий дом, продолжить род. «Похоронив отца, въелся Пантелей в хозяйство: заново покрыл дом, прирезал к усадьбе с полдесятины гулевой земли, выстроил новые сараи и амбар под жестью. Кровельщик, по хозяйскому указу, вырезал из обрезков пару жестяных петухов, укрепил их на крыше амбара. Веселили они мелеховский сад, придавая ему вид самодовольный и зажиточный» (т. 2, с. 12). Дом Коршуновых сопоставим с Мелеховским, но только богаче: у Коршуновых много скота, дом о шести комнатах — под железом, дворовые службы под черепицей, сад десятины полторы. У Астаховых в начале романа большое «многоскотинное хозяйство». В курене *«чисто выметенный земляной пол присыпан красноватой супесью, в переднем углу на лавке вынутые из печи пироги. Из горницы пахнет слежалой одеждой и... анисовыми яблоками»* (т. 2, с. 54). Авторская неприязнь к Моховым отражена в оценочных словах: у Моховых *«домище»*, а против него *«раскорячился магазин»*.

В каждой культуре строительство дома — один из важнейших актов творения, сопровождаемый многими обычаями, поверьями, обрядами, при-

званными обеспечить дому долгое и безбедное существование. У казаков при постройке дома тщательно выбирали место, обращая внимание на прочность грунта; нельзя было строить дом на месте сгоревшего куреня, на перекрестке, на месте кладбища. Нельзя было начинать строительство и даже рубку леса на дом на молодом месяце или на его исходе (иначе дерево будет гнить). Запрещалось использовать для строительства осину (на осине нет плодов — беспутная жизнь будет). После укладки фундамента и первых перекладин в жертву приносили петуха; чтобы в доме был достаток, в фундамент засыпали зерно или закладывали печёный хлеб и др. (Ткаченко; Байбурин).

«Дом» как локус семьи и как центр своего мира включает в себя «малый» и «большой» дом. «Малый» дом представляет собой жилое строение, «большой» дом — все постройки на огороженной территории, принадлежащие семье» (Никитина, Кукушкина, с. 25). В казачьей культуре «малый» дом — это курень, «большой» — баз — двор с хозяйственными постройками — конюшней, сараями и пр., а также сад с фруктовыми деревьями. Любимыми деревьями до сих пор остаются груша (по древним славянским поверьям — символ чистоты и святости), вишня, которая приносит счастье молодой семье, клён — спасает от пожара.

Символом достатка являются *крыша* (камышовая или под жестью), *полы* (земляные или дощатые). Это отмечено в описании куреней основных персонажей.

Знаковым элементом дома являлось *окно*. В казачьей традиции обычно запрещалось во время строительства дома влезать через окно, ставить рамы с внешней стороны дома, плевать через окно, выбрасывать мусор и пр. (Ткаченко). Эти запреты, хорошо известные в восточнославянской народной культуре, объясняются тем, что под окнами якобы стоит Ангел Господень. Для Шолохова при описании дома особенно важно представление об окнах как глазах дома, связующих его с внешним миром. Кажется, что в доме Мелеховых окно всегда открыто. В начале романа: «На подоконнике распахнутого окна мертвенно розовели лепестки отцветавшей в палисаднике вишни» (т. 2, с. 14). У открытого окна после тяжёлой болезни, любуясь первым снегом, Григорий вновь ощущает в себе желание жить. Напротив, Моховы «жили, закрывшись от всего синего мира наружными и внутренни-

ми, на болгах, ставнями. С вечера... зачеховывали болты, спускали с привязи двух цепных собак» (т. 2, с. 121). У Астаховых часто ставни куреня закрыты. Ставни, накрест забитые досками, — знак покинутого, то есть нежилого, мёртвого, дома (это часто упоминаемая деталь при описании разорённых станиц).

Семантически значимы *крыльцо* и *ворота*, через которые осуществляется контакт с внешним миром. *Крыльцо, ворота, плетень* — это и охранные границы дома. Эти элементы дома в их традиционной смысловой наполненности постоянно присутствуют в романе. На крыльце Прокофий останавливает казаков, пришедших расправиться с его женой-турчанкой. На крыльце своего дома дед Гришака принимает смерть от Мишки Кошевого. На крыльце встречают прибывших домочадцев и гостей.

Ворота распахивают перед въезжающими в дом, вводят лошадей на баз. Иначе, дом открывают для «своих». Встречая будущую родню, Коршуновых, «Пантелей Прокофьевич распахнул ворота, и брички одна за другой въехали на баз. С крыльца гусыней поплыла Ильинична... — Милости просим, дорогие сваточки! Сделайте честь нашему бедному куреню! — и она гнула дородный стан» (т. 2, с. 105). Но вот Митька Коршунов после того, как убил мать Кошевого, отправляется к Мелеховым. «Постой-ка! — крикнул он (Пантелей Прокофьевич) ещё издали. — Не вводи коней на баз!... Поворачивай обратно!... — Не хочу, чтобы ты поганил мой дом!» (т. 5, с. 109).

Плетни очерчивают площадь дома. Поваленный плетень символизирует начало разрушения дома. Быки, валящие плетень, становятся у Шолохова символической деталью. Починка дома (Мелеховыми) начинается с поправки «огорожи». Пантелей просит Григория, приехавшего в разгар гражданской междоусобицы повидать семью: «Пособи плетни поставить, гумно загородить, а то скрозь всё повалено. У всех одинаково всё рухнулось» (т. 5, с. 71).

Традиционная планировка пространства жилого дома выделяла *сенцы* — *кухню* — *горницу*. Сенцы связывали внешний мир с жилыми частями дома, кухня — женское помещение, горница — место, где собирались все члены семьи. В эпизоде возвращения Григория после войны сохранность дома, семьи отмечена присутствием в каждой из его частей домочадцев: у

ворот Григория встретила Дуняшка, с крыльца — Пантелей Прокофьевич, в курене в голос заплакала мать, в сенцах стояла Наталья.

Согласно традиции проводилось и внутреннее обустройство дома, где была важна пространственная ориентация красного угла (на восток), кровати, стола. Вышитые полотенца на иконах, фотографии казаков дополняли внутреннее убранство дома. Описание в романе интерьеров казачьих домов точно соответствует традиции. У Мелеховых «в углу под расшитым полотенцем тусклый глянец серебряных икон», печь, лавки, люлька, бабья кладка (сундук). В доме Астахова «в горнице, кроме деревянной крашеной кровати с точёными шишками по углам, стоит возле дверей окованный уёмистый сундук с Аксиньиным приданым и нарядами. Под передним углом — стол, клеёнка с генералом Скобелевым...; два стула. Вверху — образа в бумажных ярко-убогих ореолах. Сбоку, на стене — засиженные мухами фотографии. Группа казаков — чубатые головы, выпяченные груди с часовыми цепками, оголённые клинки палашей: Степан с товарищами ещё с действительной службы» (т. 2, с. 59).

В каждом доме, как правило, упомянута «кладка» — сундук, который приносит в дом молодая жена. В сундуке женщина хранит одежду, свои наряды, подарки мужа. Обсуждение «кладки» невесты — важнейшая часть свадебного сговора. «Кладка» — знак присутствия в доме хозяйки. Степан, вернувшись в дом, который покинула Аксинья, видит: «Тёмной пастью чернел раскрытый сундук». Степан в злобе и отчаянии рубит шашкой оставшиеся вещи жены. Во время войны женские кладки — неприкосновенная для посторонних вещь — становятся объектом грабежа, и это становится значимой деталью в выражении авторского неприятия войны, её аморальности. Даже Пантелей Прокофьевич не прочь поживиться чужим добром, оправдывая себя: «Люди ить берут», вызывая тем ярость Григория. Кошевой, желая принарядиться перед встречей с Дуняшкой, «из казачьего сундука (чужого разорённого дома) достал почти новые шаровары с лампасами, полдюжины бабьих шалек употребил на три смены портянок» (т. 4, с. 425).

Война уносит жизни и калечит дома. В романе мы постоянно ощущаем смысловые параллели между судьбами героев и состоянием домов. Покидают дом Аксинья и Степан: «Пустовал его забитый дом, полуразрушенный и мрачный даже в летнюю пору» (т. 3, с. 296). Разрушается дом Коршуно-

вых: «...хозяйство стремительно шло к упадку: быки били и валяли плетни на базах; кое-где упали сохи; подмытая внешней водой, обрушилась саманная стена на сарае... Всюду виднелись следы запустения и разрухи» (т. 4, с. 295). И в финале: «От просторного куреня (Коршуновых) остался лишь высокий каменный фундамент да полуразвалившаяся печь, поднявшая к небу закопчённую трубу» (т. 4, с. 432). Дом Кошевых, растеряв всех обитателей, превратился в «полуразвалившуюся хатёнку».

Особенно часто Шолохов обращается к Мелеховскому дому, на каждом сюжетном витке отмечая его состояние. Вот Наталья, оправившись после болезни, обходит дом, переживший обстрел: «За каменной огородей на помятой траве лежали золотистые груды винтовочных гильз. Стёкла и выбеленные стены дома зияли пулевыми пробоинами» (т. 5, с. 41). Пантелей Прокофьевич, вернувшись с войны, видит: «Война... сама пришла к нему во двор, оставив после себя безобразные следы разрушения»: на базу повален плетень, вырыты траншеи, разобраны стены амбара, «рябые, изуродованные осколками и пулями стены дома выглядели неприветливо и заброшенно» (т. 5, с. 227). Описание беженцев, которые, спасаясь от настигшей их войны, покидают свои курени и хутора, указывает на всеобщность беды, переживаемой казаками.

Дом для казака — это его жизненная константа, родной курень — прошлое, настоящее и будущее казака, представленное его постоянными обитателями — стариками (отец, мать, дед, бабушка), женой, детьми. Жизнь в доме была подчинена порядкам, идущим из века, которыми управлялись семья и хозяйство. Патриархальный уклад чувствовался в незыблемом авторитете родителей, распределении обязанностей между членами семьи, в домашних работах, занятиях женщин шитьём, вязанием, вышивкой, заботой о детях. По мнению Шолохова, именно таким является дом Мелеховых. В первой части романа дом полон людей: сам Пантелей Прокофьевич, «гордая и мужественная» Ильинична, два сына: Петро, похожий на мать, и Григорий — на отца, младшая дочь, всеми любимая Дуняшка; жена Петра Дарья с малым ребёнком. Подчиняясь воле отца, женится и Григорий, у Натальи появляются дети — Поленька и Мишатка. Любовь к детям меняет Григория. В один из кратких наездов домой он видит свою семью и испытывает счастье: «Она была рядом, его жена, и Мишатка, и Полюшка.

Могучая волна нежности залила сердце Григория». Но один за другим умирают и гибнут члены большого семейства Мелеховых. Драма семьи мыслится автором как трагедия казачества.

Людный дом и у Коршуновых. В доме любовь и взаимопонимание. В Коршуновском доме Шолохов выделяет героя войны под Плевной деду Гришаку, живущего под заботой семьи, у него «ясный до старости ум, неподкупная честность». Убийство Гришаки Мишкой Кошевым — это не только чудовищное проявление жестокости, предельной аморальности, попрание традиций, но и знак разрушения связи поколений.

Изначальное неблагополучие дома Астахова сказывается в отсутствии хозяина, в больной матери Степана, лишённой жалости к невестке. Надрывное отношение Степана к Аксинье неизбежно ломает и судьбу их семьи — умирает их дочь. В сущности, в доме Астаховых никто как будто и не живет постоянно: Степан то на сборах, то потом на войне, Аксинья то уходит из дома, то возвращается, то снова уходит.

Отношение к дому, к традициям, связанным с домом, становится у Шолохова средством характеристики персонажей, вызывая симпатии или, напротив, авторское осуждение. Вот как описывает Шолохов возвращение после участия в повстанческой войне Пантелея Прокофьевича: «Старик прежде всего справился, целы ли быки, имущество, хлеб... А когда, спеша и прихрамывая, вошёл на родное подворье, — побледнел, упал на колени, широко перекрестился и, поклонившись на восток, долго не поднимал от горячей выжженной земли свою седую голову» (т. 5, с. 42).

Григорий вынужден воевать, но всегда, пользуясь любой возможностью, стремится побывать дома. Дом для него — это «мир и тишина». Вот после первого ранения на войне он въезжает в родную станицу: «Кровь кинулась Григорию в голову, когда напал глазами на свой курень. Воспоминания наводнили его. С база — поднятый колодезный журавль словно кликал, вытянув вверх серую вербовую руку. — Не щипет глаза? — улыбнулся Пантелей Прокофьевич, оглядываясь, и Григорий, не лукавя и не кривя душой, сознался: — Щипет... да ишо как! — Что значит родина, — удовлетворённо вздохнул Пантелей Прокофьевич» (т. 3, с. 272). Изредка наезжая в станицу во время гражданской войны, Григорий занимается починкой хозяйственных построек, пашет и сеет хлеб. И финал романа: Гри-

горий бросает в Дон оружие и возвращается домой. Дом умиряет Григория и примиряет читателя с героем: «Что ж, вот и сбылось то небольшое, о чём бессонными ночами мечтал Григорий. Он стоял у ворот родного дома, держал на руках сына... Это было всё, что осталось у него в жизни, что пока ещё роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодом солнца миром» (т. 5, с. 495).

На войне казак ценится отвагой, храбростью, дома — работой. Одна из казачьих поговорок очень точно отражает эту двойственную жизнь казака: «Не все на Дону атаманы да сотники, есть и пахари и плотники».

Мелеховское семейство «шибко работающее». Мирону Григорьевичу Гришка нравился «за казацкую удаль, за любовь к хозяйству и работе». И у Коршунова в доме лад и порядок. Мать шьёт, Наталья вяжет. Митька работает вместе с наёмными рабочими. «Степан же работал с лендой: начесав чуб, уходил к товарищам покурить, перекинуться в картишки, побрехать о хуторских новостях, а скотину приходилось убирать Аксинье, ворочать хозяйством — ей» (т. 2, с. 42).

Женившись на Дуняшке, «после смерти Ильиничны Кошевой, оставшийся в доме единственным и полновластным хозяином, казалось бы, должен был с ещё большим усердием взяться за переустройство хозяйства... но на деле вышло не так: с каждым днём Мишка работал всё менее охотно... вдруг ни с того ни с сего бросал топор или рубанок и садился где-либо в сторонке отдыхать. То же самое было и в поле, когда сеяли озимую рожь: пройдет Мишка два гона, остановит быков и долго сидит на пашне, покуривает, морщит лоб». «Ненадолго его хватило, — думает Дуняшка. — Либо хворает, либо просто приленивается. Беды я наберусь с таким муженьком!» (т. 5, с. 332). И хотя причина такого отношения к хозяйству — его большевистская упёртость, но читателю ясно, что человек, не сумевший построить собственный дом, привыкший только разорять чужие курени, вряд ли сможет стать созидателем новой жизни. Этому сопутствует и начавшийся разлад в отношениях с Дуняшкой, а также убежденность Мишки, что не может он жить под одной крышей с Григорием.

Средством характеристики персонажей является не только их отношение к дому, но и отношение к своему хутору и его жителям. Григорий, узнав, что Иван Алексеевич, а возможно, и Мишка Кошевой, находятся в пле-

ну у белых, спешит предотвратить расправу над ними. Прослышав о том, что стариков и женщин хутора загнали в подвал, открывает своей властью тюрьму и освобождает односельчан. Совершенно иначе ведёт себя Мишка Кошевой, для которого все, кто против красных, — враги, подлежащие уничтожению. Движимый чувством ненависти, он расстреливает Степана, выжигает станицу Каргинскую, а прибыв в Татарский, намерен расправиться с Григорием, «выжечь полхутора», убивает деда Гришаку, сжигает дом Коршуновых, «зажёт подряд семь домов, в том числе дом священника — благочинного отца Панкратья и ещё трёх зажиточных казаков, и только тогда тронулся из хутора». Мишка жесток и циничен, своим поведением он попирает все моральные основы казачьей жизни. Направляясь в родной хутор, он соблюдает единственный обычай: «служивый, въезжающий в хутор, должен был быть нарядным. И Мишка, ещё не освободившийся от казачьих традиций... собирался свято соблюсти старинный обычай». Но какой ценой? «Со стены купеческого дома содрал цветастый коврик, приспособил его под попону... Из казачьего сундука достал почти новые шаровары с лампасами, полдюжины бабьих шалек употребил на три смены портянок... Конь под ним был справный... Прежнего хозяина его — казака Усть-Хоперской станицы — зарубил Кошевой в атаке»; уздечку коня он украшает шарами, свинченными с кровати выгоревшего дома. Он едет к Мелеховым свататься и при этом нарушает все обычаи: «Не слезая с седла, открыл калитку, въехал на баз». Дома одна Ильинична — мать. Он требует отдать в жёны ему Дуняшку и при этом угрожает, обещая «своротить шею» Григорию, а Пантелея Прокопьевича «отодрать плетюгами». «Гостинцу не привез, — говорит он Ильиничне, — негде взять, а если из буржуйского, купецкого имения надо... зараз приду и приволоку». — «Упаси бог! Сроду чужим не пользовалась!» (т. 4, с. 425).

Таким образом, прослеживание только одного из основных концептов традиционной казачьей культуры в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» показывает глубину проникновения автора в традиционную культуру. Дом в романе не только сохраняет свои традиционные значения, но и становится приёмом построения сюжетного действия и средством характеристики персонажей, углубляющим авторскую оценку героев и событий романа.

Литература

- Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях славян. М., 1983.
- Дом / Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1, 2. М., 1999.
- Никитина С.Е., Кукушкина Е.Ю. Дом в свадебных причитаниях и духовных стихах. М., 2000.
- Ткаченко С. Представление о жилище в запретах и приметах донских казаков (по материалам экспедиции 2002 г.) // Вешенский вестник. Сб. статей и документов. № 4. Ростов-на-Дону, 2004.
- Топорков А.Л. Дом. Окно / Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.
- Шолохов М.А. Тихий Дон // Собр. соч. в 8 т. М.: Художественная литература, 1956–1960. Т. 2. М., 1956. Т. 3–5. М., 1957.

РУКОВОДСТВО ПО ПРИМЕНЕНИЮ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЛАНДШАФТАХ (НОВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОКУМЕНТ В СФЕРЕ СОХРАНЕНИЯ НАСЛЕДИЯ)

В октябре 2010 г. во Флоренции торжественно отметили 10-летие принятия Европейской ландшафтной конвенции (Европейской конвенции о ландшафтах), подписанной здесь же, во Флоренции, в 2000 г., а в 2004 г. вступившей в силу после присоединения к ней десяти государств. Сейчас Конвенция объединяет уже 38 европейских стран, популярность её стремительно растёт. Россия к Конвенции пока не присоединяется, чему не следует удивляться, поскольку инерционность и невысокий КПД управленческих структур нашего государства не позволяют адекватно оценивать перспективы той или иной международной инициативы. Например, к Конвенции о всемирном наследии, принятой в 1972 г., Россия присоединилась 16 лет спустя, в 1988 г.

Основная задача Европейской ландшафтной конвенции — это обеспечение сохранения (protection), управления (management) и планирования (planning) ландшафтов как общеевропейского достояния, за которое несёт ответственность каждый человек и каждый должен иметь возможность участвовать в процессах принятия решений. Конвенция касается любых ландшафтов — как особо выдающихся, представляющих исключительную ценность и требующих сохранения, так и обладающих обычными достоинствами, но требующих грамотного управления, чтобы эти ценные людьми достоинства не были утрачены. Конвенция касается и деградированных, обезображенных или заброшенных ландшафтов, к которым требуется применять методы планирования, преобразования их в новое, лучшее качество.

Для разъяснения положений Конвенции к ней прилагаются Пояснительный доклад и Руководство по применению. Все эти материалы, в том числе на русском языке, можно найти на сайте Совета Европы (<http://www.coe.int/t/dg4/cultureheritage/heritage/Landscape>). Перевод на русский язык Руководства, в качестве подарка к 10-летию Конвенции, осуществляла группа сотрудников Института Наследия (М.Е. Кулешова, И.Н. Проворова, Т.Ю. Семёнова, С.В. Сокольский) при деликатном

консультировании эксперта Совета Европы К.К. Ананичева. Тем самым Институт Наследия уже выполняет положения Конвенции (Article 6-A “Awareness raising”), повышая осведомлённость российских граждан и привлекая внимание общества к задачам грамотного обращения с ландшафтным наследием.

Страсбург, 1 февраля 2009

СЕР-CDPATER (2009) 2E

ЕВРОПЕЙСКАЯ КОНВЕНЦИЯ О ЛАНДШАФТАХ

СЕР-CDPATER

5-е СОВЕЩАНИЕ СОВЕТА ЕВРОПЫ ПО ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЛАНДШАФТАХ

Совет Европы

Palais de l'Europe, Страсбург

30–31 марта 2009-08-06

РУКОВОДСТВО ПО ПРИМЕНЕНИЮ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЛАНДШАФТАХ¹

Документ Генерального Секретариата

*Отдел культурного наследия, ландшафтов и пространственного
планирования*

Директорат по культуре, культурному и природному наследию

¹ Перевод с английского языка — Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва, г. Москва.

Редакция перевода — Константин Ананичев, эксперт Совета Европы.

Рекомендация CM/Rec (2008)3
Комитета Министров государствам-членам
о Руководящих указаниях по применению
Европейской конвенции о ландшафтах

*(принята Комитетом Министров 6 февраля 2008 года
на 1017 заседании постоянных представителей министров)*

Комитет Министров,

принимая во внимание, что целью Совета Европы является объединение его членов во имя защиты и осуществления идеалов и принципов, являющихся их общим достоянием;

обращаясь к Европейской конвенции о ландшафтах (ETS No. 176), принятой Комитетом министров Совета Европы 19 июля 2000 года и открытой к подписанию государствами-членами 20 октября 2000 года во Флоренции;

для достижения устойчивого развития, основанного на сбалансированных и гармоничных отношениях между социальными потребностями, экономической деятельностью и окружающей средой;

отмечая, что ландшафт играет важную для общественных интересов роль в культурной, экологической, природоохранной и социальной областях, представляет собой благоприятный ресурс для экономической деятельности, и его охрана, управление и планирование могут способствовать созданию рабочих мест;

сознавая, что ландшафт способствует формированию местной культуры и является основополагающим компонентом европейского природного и культурного наследия, вносящим вклад в благосостояние людей и укрепление европейской самобытности;

признавая, что ландшафт является важной частью обеспечения качества жизни людей — в городах и сельской местности; на деградированных землях и на территориях с высоким качеством окружающей среды; в районах, отличающихся исключительной красотой, и в местах повседневной жизни;

отмечая, что развитие сельского и лесного хозяйства, промышленного и горнодобывающего производства, а также регионального и городского планирования, транспорта, инфраструктуры, туризма и отдыха, а также общие

изменения в мировой экономике во многих случаях являются причинами ускоренного преобразования ландшафтов;

отвечая желанию общества пользоваться ландшафтами высокого качества и играть активную роль в их преобразовании;

сознавая, что ландшафт является ключевым условием индивидуального и социального благосостояния, и что его охрана, управление и планирование предполагают права и обязанности для каждого;

признавая, что качество и разнообразие европейских ландшафтов составляют общий ресурс и необходимо сотрудничать в деле их охраны, управления и планирования;

принимая во внимание цели Европейской конвенции о ландшафтах, и способствуя её осуществлению;

учитывая решение проведенной в Страсбурге 22 и 23 марта 2007 года Конференции Совета Европы по Европейской конвенции о ландшафтах о направлении проекта Руководящих указаний по применению Европейской конвенции о ландшафтах через соответствующие Комитеты в Комитет Министров Совета Европы для утверждения в форме рекомендаций Комитета Министров государствам-членам,

Постановил:

1. Принять нижеследующее Руководство по применению Европейской конвенции о ландшафтах.

2. Рекомендовать Сторонам настоящей Конвенции учитывать его и применять в рамках своей национальной политики.

РУКОВОДСТВО ПО ПРИМЕНЕНИЮ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЛАНДШАФТАХ

Введение

Данный документ содержит ряд теоретических, методологических и практических указаний по применению Европейской Конвенции о ландшафтах (здесь и далее — Конвенции). Он предназначен для Сторон настоящей Конвенции, которые намерены разрабатывать и реализовывать национальную ландшафтную политику на основе Конвенции.

Он также содержит предложения, учитывающие развитие концепции ландшафта в Европе, и разнообразный опыт применения Конвенции на практике.

Концепция ландшафта переживает этап стремительных и глубоких изменений, сопровождаемых значительными достижениями. Вместе с документами, имеющими отношение к её выполнению, Конвенция представляет собой подлинную инновацию, сопоставимую с другими международными документами по культурному и природному наследию. Во многих европейских государствах, независимо от того, присоединились они к ней официально или нет, она уже привела к развитию — стимулировала разработку законодательства не только на национальном и региональном уровнях, но и на других административных уровнях, а также способствовала созданию методической документации и практическому применению активной ландшафтной политики с участием всех заинтересованных лиц.

Такая ситуация сложилась как в странах, которые уже давно действуют в этой области, проверили и испытали разные ландшафтные стратегии и приёмы, так и в странах, которые ещё не вступили в эту стадию. Некоторые страны используют Конвенцию как отправную точку в процессе глубоких изменений в своей ландшафтной политике, для других она создаёт возможность разработать такую политику.

Руководство содержит указания и предложения, изложенные ниже; они даны с учётом свободного выбора, предполагают творческий подход органов власти каждого государства к разработке законодательных, административных и практических инструментов, касающихся ландшафтов, и не накладывают никаких юридических обязательств. Никаких узких или огра-

ничительных толкований текста Конвенции или руководящих указаний не предусматривается. Действия, выбранные каждой страной для применения Конвенции, составляют общий ресурс, полезный для всех остальных государств.

Некоторые общие принципы и положения представлены ниже:

- общие принципы разработаны для более эффективного выполнения фундаментальных принципов Конвенции;
- общие положения предназначены для разъяснения действий, которые следует предпринять на техническом и практическом уровнях, чтобы способствовать, с одной стороны, охране, управлению и планированию в соответствии с целевыми показателями качества ландшафта (административные и институциональные вопросы), а с другой стороны — интегрированию ландшафтной составляющей во все соответствующие отраслевые стратегии (критерии и механизмы осуществления ландшафтной политики).

На совещаниях рабочих групп Совета Европы по выполнению Конвенции уже обозначена и будет продолжаться углубляться исследовательская тематика, полезная для выполнения Конвенции.

Руководство с входящими в его состав Приложениями разработано для внедрения положений, содержащихся в Конвенции, в национальные, региональные и местные нормативные акты.

Часть 1 — Общие принципы

Общие принципы предназначены для обеспечения руководства по применению основных статей Конвенции.

1.1. Общие принципы предлагают

А. Рассматривать территорию как единое целое

Конвенция применяется ко всей территории и охватывает природные, сельские, городские и пригородные районы. Она включает сушу, внутренние воды и моря. Она касается как выдающихся, так и обычных и деградированных ландшафтов.

В. Признавать фундаментальную роль знания

Идентификация, описание и оценка ландшафта составляют предварительную фазу любой ландшафтной политики. Она включает анализ морфологических, археологических, исторических, культурных и природных характеристик в их взаимосвязи, а также анализ их изменений. Восприятие ландшафта обществом также должно анализироваться как с точки зрения его исторического развития, так и современного значения.

С. Способствовать привлечению внимания к ландшафту

Активное вовлечение общества означает, что специальные знания должны быть общедоступны, то есть они должны быть структурированы и представлены таким образом, чтобы быть понятными даже неспециалистам.

Д. Определять ландшафтные стратегии

Каждому административному уровню (национальному, региональному или местному) следует разработать специальную и/или отраслевую ландшафтные стратегии в пределах своей компетенции. Связывая ресурсы и институты в пространстве и времени, стратегии позволяют создать программы реализации ландшафтной политики. Различные стратегии должны быть интегрированы через целевые показатели качества ландшафтов.

Е. Включать ландшафт в территориальную политику

Ландшафтная составляющая должна быть включена в подготовку всей политики территориального управления, как общей, так и отраслевой, для совершенствования охраны, управления и планирования ландшафтов.

Ф. Включать ландшафт в отраслевую политику

Ландшафт должен учитываться во всей его целостности посредством специальных процедур, позволяющих последовательно вводить ландшафтную составляющую во все типы политики, которые влияют на качество территории. При этом предусматривается интеграция как разных управленческих органов и департаментов одного уровня (горизонтальная интеграция), так и органов управления разного уровня (вертикальная интеграция).

Г. Использовать общественное участие

Все действия, предпринимаемые с целью определения, осуществления и мониторинга ландшафтной политики должны предваряться и дополняться процедурами общественного обсуждения. Участие в нём всех субъектов деятельности предоставляет им возможность играть активную роль в определе-

нии, применении и мониторинге целевых показателей качества ландшафта.

Н. Обеспечивать достижение целевых показателей качества ландшафта

Каждое действие по планированию или охране должно обеспечить достижение целевых показателей качества ландшафта. Таким образом, оно должно улучшать качество ландшафта или, по крайней мере, не снижать его. Воздействие на ландшафт, независимо от масштаба планируемых проектов, должно быть оценено, должны быть также определены правила и механизмы, регулирующие такое влияние. Каждое планируемое действие и проект должны быть не только соразмерны месту, но и обязаны соответствовать его особенностям.

И. Развивать взаимное сотрудничество и обмен информацией

Информационный обмен, распространение теоретических, методических и практических идей среди ландшафтных специалистов и образование на основе этого опыта имеют существенное значение для обеспечения социального и территориального значения Конвенции и для достижения её целей.

1.2 Определение ландшафта

По Конвенции *ландшафт* означает часть территории, в том виде как она воспринимается населением в результате взаимодействия природных и/или человеческих факторов (*Статья 1 Европейской конвенции о ландшафтах — Определения*).

С учётом положений Статьи 15, Конвенция применяется ко всей территории Сторон и охватывает природные, сельские, городские и пригородные территории. Её действие распространяется на сушу, внутренние воды и моря и касается как выдающихся, так и обычных ландшафтов и деградированных земель (*Статья 2 Европейской конвенции о ландшафтах — Сфера применения*).

Согласно Конвенции, концепция ландшафта отличается от той, которая содержится в документах, рассматривающих ландшафт как общественное (имущественное) благо (концепция ландшафта как наследия) и оценивающих его как часть физического пространства («культурный», «природный»

и т.п. ландшафт). Данная концепция, напротив, выражает стремление к непосредственному и, по возможности, наиболее полному отражению качества среды проживания людей как предпосылки индивидуального и общественного благополучия (понимаемого в физическом, физиологическом, психологическом и интеллектуальном смысле) и устойчивого развития.

Территория воспринимается как единое целое, без проведения различий между городскими, пригородными, сельскими и природными частями или её выдающимися, обычными или деградированными участками. Обращается внимание не только на культурные, рукотворные или природные элементы: ландшафт составляет единое целое, компоненты которого рассматриваются совместно в их взаимосвязи.

При таком понимании концепция устойчивого развития должна включать экологическую, культурную, социальную и экономическую составляющие в полном объёме, то есть применительно ко всей территории.

Физическое (визуальное, звуковое, обонятельное, тактильное, вкусовое) и эмоциональное восприятие мест своего проживания, которое испытывают люди, и представление об их особых исторических и культурных чертах необходимы для признания и сохранения идентичности самого населения, а также индивидуального и общественного благосостояния. Предполагается, что население приходит к осознанию своих права и ответственности в отношении совершенствования знаний, принятия решений и управления качеством мест своего проживания. Вовлечение населения в принятие решений о предполагаемых действиях в ландшафте, а со временем — в осуществление и управление такими решениями рассматривается не как формальный акт, а как неотъемлемая часть процедур управления, охраны и планирования.

1.3. Признание ландшафта в законодательстве

“Каждая Сторона обязуется: а. Признать ландшафты юридически как важнейший компонент среды жизни населения, как выражение разнообразия общего культурного и природного наследия человека и как основу самобытности населения” (Статья 5 Европейской конвенции о ландшафтах — Общие положения).

Юридическое признание ландшафта предполагает права и обязанности со стороны всех институтов и граждан Европы по отношению к их есте-

ственному природному окружению. Ландшафт, в котором они проживают, является результатом многих территориальных преобразований в самых разнообразных формах и в разных временных и пространственных масштабах, произошедших в результате деятельности многих участников. Территориальное развитие может быть результатом действий органов власти по созданию крупномасштабной инфраструктуры или действий индивидуальных лиц на ограниченном пространстве.

1.4. Ландшафтная политика

“В целях Конвенции:...в. “Ландшафтная политика” означает определение компетентными публичными органами общих принципов, стратегии и ориентиров, позволяющих принимать особые меры по охране, управлению и планированию ландшафтов” (Статья 1 Европейской конвенции о ландшафтах — Определения).

Применение Конвенции предполагает:

- разработку специальной ландшафтной политики и одновременно систематическое включение ландшафтной составляющей во все виды отраслевой политики, которые оказывают прямое или косвенное воздействие на территории. Отсюда следует, что ландшафт не есть одна из отраслевых тем в ряду прочих, а неотъемлемая часть каждой из них;
- переход от политики, основанной на охране территорий, признанных выдающимися, к политике, направленной на обеспечение качества мест проживания, независимо от того, являются ли они исключительными, обыденными или деградированными;
- установление новых форм сотрудничества между различными структурами и разными уровнями управления и обмен опытом;
- применение нового подхода к определению и интерпретации ландшафта, в котором:
- территория рассматривается как единое целое (не ограничиваясь выделением только охраняемых мест);
- одновременно соединяются нескольких подходов: экологический, археологический, исторический, культурологический, перцептивный и экономический;
- сочетаются социальный и экономический аспекты.

1.5. Действия в отношении ландшафта

В Конвенции даны определения действий в отношении ландшафта: охрана, управление и планирование.

“В целях Конвенции: ...d. “Охрана ландшафтов” означает действия по сохранению и поддержанию важных или характерных черт данного ландшафта, составляющих его ценность как наследия, которая есть результат его природного формирования и/или является результатом человеческой деятельности” (Статья 1 Европейской конвенции о ландшафтах — Определения).

Концепция охраны включает представление, что ландшафт подвергается изменениям, которые допустимы только в определённых пределах. Охранные меры, которые в настоящее время широко применяются, не должны ставить целью «остановить мгновение» или восстановить природные или антропогенные черты, которые более не существуют. Однако они могут направлять ландшафтные изменения таким образом, чтобы их характерные материальные и нематериальные особенности сохранились для будущих поколений. Ландшафтные характеристики часто зависят от действующих извне экономических, социальных, экологических, культурных и исторических факторов. При охране ландшафта нужно находить пути и способы воздействия не только на присущие местности характеристики, но и на внешние факторы, насколько это возможно.

“В целях Конвенции: ...e. “Управление ландшафтами» означает действия, с точки зрения устойчивого развития, по уходу за ландшафтом с тем, чтобы направлять и гармонизировать изменения, вызванные социальными, экономическими и экологическими процессами” (Статья 1 Европейской конвенции о ландшафтах — Определения).

Управление ландшафтами — это последовательные действия в рамках устойчивого развития, чтобы повлиять на те виды деятельности, которые могут изменить ландшафт. Управление можно рассматривать как форму адаптивного планирования, которое развивается по мере того, как сообщества меняют свой образ жизни и окружающую среду. Его также можно рассматривать как территориальный проект, учитывающий новые социальные устремления, ожидаемые изменения биофизических и культурных характеристик, а также доступ к природным ресурсам.

“В целях Конвенции: ...f. “Планирование ландшафтов” означает активные, нацеленные на перспективу действия по поддержанию, восстановлению или формированию ландшафтов” (Статья 1 Европейской конвенции о ландшафтах — Определения).

Планирование ландшафтов также может рассматриваться как территориальный проект — оно касается формы изменений, учитывающих новые социальные нужды на основе наблюдаемого роста и развития. Планирование должно опираться на принципы устойчивого развития, учитывая экологические и экономические изменения, которые могут произойти в средне- и долгосрочной перспективе. Планирование также включает рекультивацию деградированных земель (шахт, рудников, свалок, пустошей и т.д.) таким образом, чтобы результаты на местности удовлетворяли целевым показателям качества ландшафта.

Ландшафтная деятельность — это сочетание охраны, управления и планирования территории: некоторые её части и черты могут охраняться, другие (особенно процессы) требуют управления, а иные должны быть намеренно изменены.

Часть II — Общие положения

Общие положения, по Статье 5 Конвенции, предназначены для разъяснения технических и практических действий, которые следует предпринимать, чтобы, с одной стороны, способствовать охране, управлению и планированию в соответствии с целевыми показателями качества ландшафта (административные и институциональные вопросы), а с другой стороны — содействовать включению ландшафтной составляющей во все виды соответствующей отраслевой политики (критерии и инструменты для осуществления ландшафтной политики).

II.1. Разделение полномочий и административная структура

“Каждая Сторона применяет настоящую Конвенцию, в особенности статьи 5 и 6, в соответствии с собственным распределением полномочий, соблюдая свои конституционные принципы и согласно своему

административному устройству, а также уважая принцип субсидиарности и учитывая Европейскую хартию о местном самоуправлении. Не нарушая положений настоящей Конвенции, каждая Сторона будет выполнять её в соответствии со своей собственной политикой” (Статья 4 Европейской конвенции о ландшафтах — Разделение полномочий).

Страны Европы имеют длительную историю осуществления ландшафтной политики, как комплексной, так и отраслевой, основанной на законодательстве в области исторического или природного наследия, которое стало развиваться в первой половине XX века. В основе этой политики лежат, как правило, нормы, относящиеся к определённым территориям или их компонентам, которые по разным причинам представляют особый общественный интерес (основная идея политики сводилась к сохранению природной красоты или живописности, панорамных видов и т.д., которые ассоциировались с культурными моделями XVI и XVIII веков, наглядно представленными в изобразительном искусстве). В некоторых странах на административные органы разного уровня была возложена ответственность за сохранение исторического и культурного наследия.

Другие страны, особенно в последние несколько десятилетий, разрабатывают политику, которая касается вопросов регулирования окружающей среды (воздух, вода, земля, флора и фауна), и тема ландшафта часто ставится на тот же уровень, что и тема окружающей среды. В этих странах ландшафтная ответственность возложена на административные структуры, в ведении которых находится управление охраной природы, окружающей среды или вопросами экологии.

В то же время есть страны, где эти специфические виды ответственности возложены на органы территориального планирования.

В последние несколько лет ввиду сложности ландшафтных вопросов на национальном и, в особенности, на региональном и местном уровнях применялись и другие меры, например, связанные с ландшафтом обязанности делегировались секторам, занимающимся землепользованием и строительством, или общественными работами, или сельским хозяйством и т.д.

Каждое государство само определяет институциональную структуру в ландшафтных вопросах в соответствии со своим административным устрой-

ством (централизованным, децентрализованным, федеральным) на всех уровнях управления (от национального до местного) и в соответствии со своими культурными традициями и политическим устройством.

В любом случае, однако, ландшафтной проблематике необходимо уделять специальное внимание, как при распределении административных обязанностей, так и при осуществлении практической деятельности. Такая деятельность может иметь самостоятельное значение независимо от того, включена ли она в сферу внимания более крупных административных структур.

Сферы компетенции должны быть распределены между разными административными уровнями в соответствии с принципом субсидиарности, для чего необходимо как можно активнее вовлекать местное население в решение конкретных задач управления ландшафтом. Тем не менее, высшие административные уровни могут брать на себя задачи управления и координации там, где это не связано с решением задач местного уровня (управление, координация, специальные базы данных, национальная и региональная политика планирования, инструменты этой политики и т.д.), или в тех случаях, когда это обеспечивает большую эффективность. В вопросе выбора соответствующего направления действий может использоваться опыт различных стран и регионов.

Для того чтобы обеспечить включение ландшафтной составляющей в территориальную политику, необходимо организовать процесс согласования, особенно предварительного, — как между разными уровнями, ответственными за управление территорией (правительство, региональные власти и органы местного самоуправления), так и между различными структурами и институтами одного уровня («вертикальное» и «горизонтальное» согласование).

Процесс согласования следует распространять как на формулировку основной стратегии, так и на выбор практических решений. Таким образом можно преодолеть разобщённые частные интересы, присущие оценочному подходу, нацеленному на сохранение только выдающихся территорий, и избежать риска возникновения непоследовательной или противоречивой политики в общественном секторе.

На национальном уровне для определения и согласования стратегий и подготовки совещательных органов (постоянно действующая межведом-

ственная конференция) будет полезным установить процедуры согласования, а также регулярные встречи между различными административными органами (министерствами). То же самое может быть организовано и по вертикали — между министерствами и нижними административными уровнями (государственно-региональные конференции), а также в рамках отдельных административных уровней. В дополнение к этим постоянно действующим органам можно разработать процедуры по организации сотрудничества между разными структурами и институтами (общественными и/или частными), которые специализируются на решении сходных проблем; необходимо также способствовать сотрудничеству между департаментами, ответственными за различные отрасли деятельности в регионах, межмуниципальных образованиях и самих муниципалитетах.

Для национальных, региональных и местных органов, которые проводят согласительные процедуры и осуществляют руководство, будет полезным оказывать содействие предусмотренным техническим и административным службам (таким как ландшафтные обсерватории, советы, центры, институты и т.д.). Последние могут включать представителей администрации, научных и профессиональных сообществ, а также членов общественных ассоциаций, занимающихся ландшафтными вопросами.

Каждое государство в рамках своих структур и процедур по ландшафтному управлению должно определить критерии общественного участия и способы его организации.

Органам власти следует выделять на реализацию ландшафтной политики как человеческие, так и финансовые ресурсы — они могут быть специально предназначенными или поступать из смежных отраслей (окружающая среда, туризм, общественная деятельность, культура и т.д.), с последующим включением ландшафтной тематики в соответствующую отраслевую политику.

II.2. Критерии и инструменты ландшафтной политики

Основные этапы работ по ландшафту:

- изучение ландшафтов: идентификация, описание и оценка;
- определение целевых показателей качества ландшафта;

- достижение этих показателей средствами охраны, управления и планирования в установленные сроки (исключительные и обычные действия и меры);
- мониторинг состояния, оценка последствий реализуемой политики, возможное изменение мер.

На всех стадиях процесса должны быть организованы партнерство, согласование действий, обмен мнениями и обсуждение (между организациями и населением, горизонтальное и вертикальное).

Система правового регулирования должна быть сосредоточена скорее на принципах, чем на специфических методах оперативных действий, последние следует отнести к техническим инструментам, которые могут подвергнуться модификации с течением времени (регламенты, сопроводительные документы и т.д.). Формулирование принципов должно основываться на творческом подходе в исследованиях и экспериментах, такой подход внедряется в разных странах и является частью международного сотрудничества.

II. 2.1. Знания о ландшафтах: идентификация, анализ, оценка

Изучение ландшафтов является первой и главной стадией в процессе выбора решений в ландшафтной политике или в определении тех лиц, чья деятельность влияет на ландшафт. Изучение предваряет определение целевых показателей качества ландшафта и ландшафтного планирования.

“С. Идентификация и оценка

1. Привлекая к активному участию все заинтересованные стороны, в соответствии с пунктом «с» Статьи 5, и в целях улучшения знаний о своих ландшафтах, каждая Сторона обязуется:

- a.
 - i) идентифицировать собственные ландшафты на всей своей территории;
 - ii) проанализировать их характерные черты, динамику развития и те виды воздействия, которые их изменяют;
 - iii) следить за изменениями ландшафтов;
- b. провести оценку идентифицированных таким образом ландшафтов, принимая во внимание особую значимость, придаваемую им заинтересованными сторонами и населением.

2. Данные процедуры идентификации и оценки осуществляются на основе обмена опытом и методологией, организуемого между Сторонами на европейском уровне согласно Статье 8" (Статья 6 Европейской конвенции о ландшафтах — Особые меры).

Различные тексты, имеющие отношение к Конвенции, и различный опыт её применения, существующий в разных европейских государствах, свидетельствуют о разнообразии подходов к получению знаний о ландшафтах, что к тому же отражают и разнообразие культурных концепций. Тем не менее, достоверно известно, что наиболее часто используемые теоретические и методологические инструменты не соответствуют практическим нуждам. Слишком часто они принадлежат к отдельным дисциплинарным сферам, в то время как ландшафт требует адекватного реагирования в междисциплинарном пространстве при ограниченном времени, для чего необходим учёт текущих изменений на локальном уровне. Подходы к получению ландшафтных знаний включают:

- определяемые как «описание-интерпретация», когда к информации предъявляются определённые требования, устанавливаемые с помощью инструментов управления изменением территорий (такие как генеральный план, отраслевой план, ландшафтные проекты и т.д.);
- аналитические и описательные подходы, относительно более независимые, имеющие оперативное предназначение.

Таким образом, понятие «идентификация» нужно понимать в широком смысле: оно включает фазу сопоставления и анализа особых характеристик (описание) и фазу определения качества (оценку), которые могут варьировать в зависимости от сложности ситуации и целей. Понятие «идентификация» не следует понимать упрощенно, не стоит ограничивать его и инвентаризацией ландшафтов. Данное понятие должно быть связано с установлением целевых показателей качества ландшафта.

Ландшафтные знания следует развивать в соответствии с процессами идентификации, описания и оценки, которые включают в себя:

- осмысление и описание особых физических характеристик объектов в их нынешнем состоянии, обнаружение следов природного и человеческого воздействия, распознавание тех характеристик ландшафта, которые явились результатом этих воздействий, а также их взаимосвязи;

- изучение процессов ландшафтного развития, выявление воздействий на ландшафт в прошлом, настоящем, либо предсказуемом будущем, обусловленных природными и человеческими факторами, а также возможных воздействий и рисков;
- основанное на экспертной оценке или на определении социального восприятия ландшафта выявление характерных ландшафтных особенностей и систем ценностей. Это знание может быть получено через разные формы общественного участия в определении ландшафтной политики и при анализе географического распределения населения.

Предлагаемые мероприятия не должны нарушать независимость методов, этапов исследований и вовлечённых в изучение лиц: в ряде случаев органы власти могут выпускать ландшафтные каталоги или атласы в качестве самостоятельных научных документов, с привлечением тех организаций, которые будут отвечать за их опубликование. В зависимости от выбора, эти документы могут называться по-разному: ландшафтный атлас, ландшафтный каталог, ландшафтная карта, карта оценки характерных черт ландшафта и т.д. При этом создаётся некая общая структурная основа, общий язык, который облегчает взаимодействие заинтересованных сторон. Одновременно предоставляется возможность самим экспертам решать, какую форму выбрать на первом этапе исследования: описательный анализ или описание-интерпретация. Эти знания и документы требуются для определения и применения инструментов ландшафтной политики, которые зависят от административного уровня, масштаба, целей и средств (программ, планов, хартий и т.д.).

Необходимо:

- обеспечить интеграцию различных исследовательских подходов (экономического, социального, экологического, исторического/культурного, чувственного/визуального и т.д.) для наблюдений за территорией;
- удостовериться, что анализ распространяется на всю территорию, а не только на те части, которые признаны значимыми или выдающимися;
- обеспечить доступность, эффективность и прозрачность предоставления информации, уделяя особое внимание общественному участию в осуществлении ландшафтной политики;

— поощрять создание и доступность баз данных по ландшафтам; они должны касаться их состояния, прошлой и современной динамики, воздействий и рисков с учётом природных и антропогенных факторов. Информация должна обновляться периодически, более часто в случае стремительных изменений. Базы данных должны отвечать национальным и, там где возможно, международно-признанным критериям — для поддержки обмена опытом между государствами, регионами и территориальными сообществами других уровней.

II.2.2. Определение целевых показателей качества ландшафта

“D. Целевые показатели качества ландшафта

Каждая сторона после общественных консультаций в соответствии со статьёй 5 берёт на себя обязательства по определению целевых показателей качества ландшафтов, прошедших процедуры идентификации и оценки” (Параграф 6 Европейской конвенции о ландшафтах — Особые меры).

Особое внимание следует уделять определённым природным и/или историческим элементам местности с тем, чтобы сохранить их характерную роль, особое историческое значение, экологический потенциал и другие признаки — например, живые изгороди, каменные или земляные стены, террасы, отдельные деревья-исполины, источники или каналные системы на сельскохозяйственных участках. Можно задействовать различные инструменты их защиты — от форм юридической охраны до выделения средств (грантов) фермерам и землевладельцам на их содержание, восстановление и другие меры поддержки, параллельно могут быть предоставлены обучающие материалы, содержащие указания в области традиционных методов ухода за ландшафтом.

В отношении некоторых видов деятельности и изменений, сильно влияющих на качества местности, могут применяться особые правила и нормы. К таким видам деятельности относятся: прокладка линий электропередач, телефонных сетей и мачт, возведение ветровых установок, разработка шахт и рудников, коммерческая или социальная реклама, оказание рекреационных услуг (палаточные лагеря, стоянки и т.д.).

Проблемы городского развития, которые следует рассматривать с учётом особенностей каждой конкретной территории, также могут быть объектом особого регулирования и темой специальных ландшафтных исследований. К ним относятся подъезды к городу, городские окраины, территории пригородов, линейные связи между историческими центрами (линейная конурбация) и т.д.

Условия общественной доступности ландшафта должны быть гарантированы наряду с уважением прав на частную собственность: подъездные пути, дороги, аллен и тропинки должны быть проложены таким образом, чтобы ландшафт был доступен для всех. Соглашения между органами власти и собственниками могут предусматривать удаление визуальных препятствий или создание видовых коридоров для привлекающих внимание ландшафтов. Доступные дороги должны быть оснащены всем необходимым для их пользователей, в частности, должны соответствовать требованиям как комфорта и безопасности, так и устойчивого развития.

Определение целевых показателей качества должно основываться на знании характерных особенностей и качеств местности, выявлении её динамики и потенциала, понимании того, как ландшафт воспринимается людьми. Некоторые ландшафтные аспекты заслуживают особого внимания. Целевые показатели качества ландшафта представляют собой результат последовательных ландшафтных преобразований, включающих получение знаний о ландшафте, общественные консультации, обсуждение и формирование ландшафтной политики, выработку стратегии действий и проведение мониторинга.

Целевые показатели качества должны способствовать разработке мер охраны, управления и планирования ландшафтов на определённый период времени. Они должны быть определены таким образом, чтобы связать социальные требования и ценности, которыми общество наделяет ландшафт, с выбором политики, касающейся состояния ландшафтных компонентов. При этом особое значение имеет многообразие социальных перцепций, отражающее разнообразие состава населения.

Применение конкретных вариантов охраны, управления и планирования должно распространяться на весь ландшафт, при этом надо избегать разделения его на составные элементы — в ландшафте все компоненты вза-

имосвязаны (наблюдается взаимодействие физической, функциональной, символической, историко-культурной, и других сфер) и служат составляющими исторических и современных ландшафтных систем. Ландшафт — это не просто сумма составляющих его частей, это сложная территориальная система.

Целевые показатели качества ландшафта определяются в рамках ландшафтной политики для всех уровней (национального, регионального, местного) и в установленном порядке включаются в документы как городского и регионального, так и отраслевого планирования. В свою очередь, эти документы могут повлиять на определение целевых показателей качества ландшафта.

В процессе ландшафтного планирования с самого начала необходимо внедрять согласительные процедуры по всем вопросам, обеспечить их неукоснительное соблюдение и вовлечение всех заинтересованных сторон.

II.2.3. Участие, распространение информации, обучение, образование

А. Участие

“Каждая сторона обязуется:

с. Установить процедуры участия широкой общественности, местных и региональных органов власти и других сторон, заинтересованных в установлении и осуществлении ландшафтной политики, обозначенной выше в параграфе b” (Статья 5 Европейской конвенции о ландшафтах — Общие меры).

Понимание того, что укрепление взаимосвязи между людьми и средой их обитания поддерживает устойчивое развитие, влияет на весь процесс определения ландшафтной политики. Более того, участие общественности рассматривается как инструмент усиления самосознания населения, которое «узнаёт себя» в своём ландшафтном окружении.

Участие общественности может вызвать противоречия, вытекающие из различий в системе ценностей разных социальных групп, однако его следует рассматривать как обогащающий фактор и возможность уточнить полученные знания, цели и действия.

Участие предполагает взаимное общение между экспертами и учёными с одной стороны и населением — с другой. Население обладает эмпирическим (местным и практическим) знанием, которое может быть полезным для дополнения и уточнения знаний специалистов.

Этот процесс влияет и на оценочную деятельность, понимаемую как диалектическое сравнение экспертного анализа и ценностей, присвоенных ландшафту населением, с учётом того, что существуют разные системы «ценностей» и отрицательных представлений, которые могут быть как сильно укоренёнными, так и находящимися в процессе утверждения. Данные системы ценностей (универсальные, свойственные общей культуре нации, местного сообщества, каждого конкретного индивидуума) принадлежат как культуре научного сообщества, так и массовой культуре: они качественные, обычно не поддаются количественному описанию, а некоторые из них иногда противоположны друг другу. Концепция участия требует принимать в расчёт социальное восприятие ландшафта и широко распространённые общественные ожидания при выборе методов охраны, управления и планирования ландшафта. В этом смысле концепция ландшафта, предложенная Конвенцией, являет собой пример демократии, когда признаются различия, чтобы обнаружить черты сходства и достичь практических компромиссов; при этом возникает альтернатива иерархической классификации качеств ландшафта, выстраиваемой экспертами.

Каждое государство должно само выбрать способы участия из числа методов, применяемых для решения выявленных проблем, основываясь на существующих традициях согласований, разрешения споров, различий в административном устройстве, территориальных особенностях, масштабах деятельности, прошлом и современном международном опыте. В любом случае участие должно охватывать все заинтересованные стороны — национальные, региональные и местные органы власти, непосредственно население, широкую общественность, неправительственные организации, хозяйствующие объекты и предприятия, научные и специальные учреждения.

Участие должно быть обеспечено на всех этапах процесса разработки и осуществления ландшафтной политики, особенно в процессе ландшафтной оценки, определения целевых показателей качества ландшафтов, принятия решений и их реализации. Участие также рассматривается как система вза-

имного информирования заинтересованных сторон. Особенно важно, чтобы сотрудничество имело место на всех стадиях реализации ландшафтной политики — от этапа первоначального ознакомления через осуществление согласованных действий в ландшафте, то есть через выполнение проектов, в которых все заинтересованные стороны принимают участие.

При определении общественного выбора можно применять такие надёжные и испытанные средства как консультирование, изучение общественного мнения, информационные и образовательные встречи, выставки. Все эти мероприятия можно проводить одновременно.

В. Повышение осведомлённости¹

“А. Повышение осведомлённости

Каждая сторона берёт на себя задачу повышать осведомлённость гражданского общества, частных организаций и органов власти о ценности ландшафтов, происходящих с ними изменениях и их роли” (Статья 6 Европейской конвенции о ландшафтах — Особые меры).

Необходимость привлекать внимание гражданского общества, частных организаций и органов власти к вопросам ценности ландшафтов, их роли и происходящих с ними изменений вовсе не означает, что эти стороны нечувствительны к качеству окружающей среды. В действительности распространённые представления могут быть неверными, или стороны не всегда хорошо осознают непосредственную связь между ландшафтом и своей повседневной жизнью. Повышение осведомлённости даёт возможность установить существующие связи между местом проживания, повседневной деятельностью, и особенностями природной среды, расселения и инфраструктуры. Привлечение внимания к ландшафту на уровне личных контактов складывается из опыта общения между местными жителями, к которым относятся принимаемые решения, и учёными и экспертами, которые обладают научными и техническими знаниями в области ландшафта.

Постоянно, периодически или эпизодически можно использовать следующие формы распространения информации:

— публикации, выставки, аудиовизуальные средства, моделирование, выступления артистов и фотографов на национальном, региональном и

¹ Также — повышение восприимчивости, привлечение внимания.

местном уровне; широко используемые текстовые и аудиовизуальные презентации в форме иллюстрированных брошюр, озвученных слайд-шоу или выставок разного масштаба. Эти методы часто используются на местном уровне для того, чтобы информировать о ландшафтах в границах муниципалитета или территорий, имеющих самоуправление. Презентации, сопровождаемые дебатами или обсуждением с участием местного населения, дают возможность выяснить точку зрения жителей. Ландшафтное моделирование или презентации с использованием трёхмерных композиций или блок-схем способствуют лучшему пониманию проблем и их обсуждению всеми участниками;

- телевизионные передачи с широкой зрительской аудиторией;
- общи́е и местные информационные выпуски, рассказывающие о локальных событиях;
- местный опыт привлечения внимания к ландшафту, в частности совместные посещения территории местными жителями, представителями власти, учёными и экспертами с последующими комментариями. Подобный опыт может положить начало переговорам и привести к коллективным решениям о будущем ландшафта. Некоторые из этих действий могут стать частью других важных событий.

Повышение осведомлённости должно касаться не только жителей, избираемых представителей власти и административных органов, но также компаний, неправительственных организаций, научных и технических обществ и деятелей искусств. Это процесс распространения знания, действующий не только сверху вниз — от специалистов, которые реализуют ландшафтную политику, к местным жителям, но и снизу вверх — от местных жителей, заявляющих о своих предпочтениях, через экспертов к политикам, принимающим решения о необходимых преобразованиях.

С. Обучение

“В. Обучение

Каждая сторона обязуется поддерживать:

- а. Обучение специалистов в области оценки и практической работы с ландшафтами;
- б. Междисциплинарные обучающие программы в области ландшафтной политики, охраны, управления и планирования для профессионалов в част-

ном и общественном секторах, а также для заинтересованных ассоциаций” (Параграф 6 Европейской конвенции о ландшафтах — Особые меры).

В настоящее время многие государства проводят обучение специалистов в области оценки и практической работы с ландшафтами. Такое образование следует всячески поощрять и развивать. Программы должны быть основаны на понимании ландшафта как устойчиво развивающейся системы, на учёте взаимосвязей ландшафта и экономического развития, процессов восстановления природных ресурсов и требований социальной справедливости.

Подобные учебные программы включают как осуществление, так и менеджмент проектов и предназначены для дизайнеров, менеджеров, инженеров и технических специалистов по охране, управлению и планированию ландшафтов. Курсы должны заканчиваться получением диплома государственного образца; в настоящее время они являются частью Европейской образовательной программы, в рамках которой возможен обмен между государствами на уровне университетов.

Обучение ориентировано на нужды участвующих в специальном образовании или профессиональной подготовке:

- национальные и местные институты и органы, на которых лежит ответственность за ландшафт и обучение, должны содействовать учреждению специальных курсов на междисциплинарной основе для обучения специалистов в области оценки и практической работы с ландшафтами и ландшафтных исследований;
- в другие университетские курсы следует для общего ознакомления включать знания о ландшафте с целью подготовки технических работников, чья деятельность влияет на ландшафтные характеристики территории;
- специальная информация и программы обучения без отрыва от производства должны быть предоставлены избираемым представителям власти, техническому персоналу органов власти всех уровней и секторов, специалистам частных и государственных секторов, а также соответствующим организациям, чья деятельность влияет на ландшафт (сельское, лесное хозяйство и т.д.), чтобы ландшафтная тематика была наиболее полно представлена в отраслевой политике;
- теоретические и прикладные исследовательские программы по ландшафтам следует развивать на междисциплинарной основе и продвигать

на государственном и других административных уровнях в контексте международного сотрудничества. Ожидаемый вклад в ландшафтные исследования послужит совершенствованию: теоретических знаний; процесса устойчивого развития; государственной политики и её оценок; взаимосвязи между ландшафтными исследованиями и образованием; ландшафтной экономики; представлений о ландшафте и его истории, подходов к определению ценности ландшафта и общественных действий; интеграции секторальных дисциплин с целью оценки ландшафтных качеств местности; участия заинтересованных сторон в разработке и осуществлении ландшафтной политики и определения инструментов её осуществления. Исследования должны быть также направлены на изучение взаимодействий при условии тесной взаимосвязи между фундаментальными исследованиями и деятельностью общества. Такие исследования могут дать ценные результаты для охраны ландшафта, управления и планирования на теоретическом, методологическом и практическом уровнях.

D. Образование

“B. ...и образование

Каждая сторона обязуется поддерживать:

с. Школьные и университетские курсы, которые в значимых предметных областях обращаются к ценностям, связанным с ландшафтами, и проблемам, которые возникают в связи с их охраной, управлением и планированием” (Параграф 6 Европейской конвенции о ландшафтах — Особые меры).

Хотя в некоторых странах школа уже предполагает начальное ландшафтное образование, последнее может развиваться для повышения внимания к вопросам, возникающим при оценке качества мест проживания и окружающей среды. Кроме того, это способ установить контакт с населением через семьи учеников.

Развитие образовательного процесса может происходить в рамках нескольких дисциплин, таких как география, история, естественные науки, экономика, литература, искусство, архитектура, инженерное дело, гражданское право.

В школьные учебные планы на разных уровнях следует включать знакомство с ландшафтом через обучение «чтению» ландшафта и определению взаимосвязи между жизнедеятельностью населения и ландшафтом, между экологическими и ландшафтными проблемами с одной стороны, и социальными и экономическими вопросами — с другой.

Ландшафт — это образовательный ресурс, когда ученики наблюдают и изучают индикаторы окружающей среды и места своего проживания, они постигают содержание территориального планирования. «Чтение» ландшафта делает возможным также понимание современных и исторических закономерностей формирования ландшафта как проявления самобытности местного сообщества.

II.3. Методы осуществления ландшафтной политики

“Е. Осуществление ландшафтной политики

Для осуществления ландшафтной политики каждая сторона берётся ввести механизмы охраны, управления и/или планирования ландшафта” (Параграф 6 Европейской конвенции о ландшафтах — Особые меры).

Методы осуществления ландшафтной политики или средства включения ландшафтной составляющей в отраслевую политику могут носить как регулятивный, так и договорной характер. Новые методы также могут быть использованы, и их выбор зависит от конкретной ситуации, которая может меняться даже внутри одной страны.

При осуществлении ландшафтной политики или внедрении ландшафтной составляющей в отраслевую политику эти методы могут комбинироваться в соответствии с конечными целями, особенностями территории, населения, административной организацией и т.д. Это относится ко всем ландшафтам и определяющим их видам деятельности. Ландшафтная политика может быть включена в общие и отраслевые структуры административного регулирования, разработку программ и пространственное планирование; может предусматриваться приобретение земли уполномоченными органами.

II.3.1. Регулятивное осуществление ландшафтной политики

Регулятивное осуществление ландшафтной политики зависит от существующего законодательства и от желаемого результата применительно к охране, управлению и планированию ландшафтов. Необходимые меры могут быть предусмотрены в документах территориального планирования или при разработке специальных механизмов реализации ландшафтной политики.

- Включение целей ландшафтной политики в деятельность по охране: предполагаемые меры должны предусматривать сохранение и поддержание существенных компонентов или типичных аспектов ландшафта; охрана должна осуществляться согласно этапам менеджмент-плана. Можно использовать существующее профильное законодательство или разработать новое.
- Включение целей ландшафтной политики в процесс управления: соответствующие меры могут предусматривать уход за ландшафтными объектами (некоторые из них могут быть приобретены компетентными органами).
- Включение целей ландшафтной политики в процесс планирования: необходимые меры могут предусматривать разработку планировочных схем или соответствующие новые возможности. Может быть предусмотрено финансовое обеспечение предложенных действий и/или техническое и оперативное содействие.

II.3.2. Исполнение ландшафтной политики на основе договорённостей

Исполнение ландшафтной политики по договорённости основано на соглашениях, хартиях, стандартах качества и контрактах между органами власти и заинтересованными сторонами. Оно может включать предоставление финансовой поддержки предложенных действий и/или технической и оперативной поддержки:

- в отношении охраны: соглашения, предусматривающие уход за ландшафтом. Уместным может быть вынесение решений о компенсации тем,

кто пострадает от мероприятий, благоприятных для сохранения ландшафта;

- в отношении процесса управления: соглашения или контракты, предусматривающие уход за существующими элементами ландшафта. При необходимости может быть предоставлена финансовая поддержка (грант), равноценная стоимости этого содержания (например, содержание оград, каналов, дорожек и т.д.);
- в отношении процесса планирования: соглашения и контракты, предусматривающие создание новых ландшафтных объектов и услуг с соответствующим финансированием. Данные новые структуры должны вписываться в существующий ландшафт, то есть они должны соответствовать целевым показателям качества ландшафта.

II.3.3. Механизмы ландшафтной политики

Реализация ландшафтной политики должна быть предусмотрена в процессе генерального планирования и устойчивого развития, с определением специальных механизмов её осуществления и предполагаемого внедрения ландшафтной составляющей в отраслевые механизмы. Даже если ожидается децентрализация, в основу этого процесса должны быть положены основные принципы национального уровня, а также взаимосвязь компетенций разных уровней и механизмов реализации ландшафтной политики.

Такие механизмы реализации уже внедряются в некоторых странах, их опыт может послужить примером для создания новых и для улучшения уже существующих.

Основные категории инструментов:

- ландшафтное планирование и научные исследования, включённые в территориальное планирование;
- включение ландшафтной составляющей в отраслевую деятельность;
- совместные хартии, контракты, стратегические планы;
- изучение воздействий на ландшафт;
- оценка воздействия на ландшафт неучтённых факторов и видов деятельности;
- охраняемые местности и ландшафты;

- исследование взаимосвязи между ландшафтом и нормами регулирования, относящимися к культурному и историческому наследию;
- ресурсы и финансирование;
- ландшафтные премии;
- ландшафтные обсерватории, центры и институты;
- отчёты о состоянии ландшафтов и ландшафтной политики;
- трансграничные ландшафты.

ПРИМЕРЫ МЕХАНИЗМОВ ЛАНДШАФТНОЙ ПОЛИТИКИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЛАНДШАФТАХ

Цель данного Приложения — привести некоторые примеры механизмов ландшафтной политики, используемых для осуществления Европейской конвенции о ландшафтах. Этот опыт может быть дополнен собственным опытом государств-участников конвенции, что будет способствовать улучшению работы с ландшафтами.

Предполагается, что каждая сторона вносит свой вклад в создание базы данных, которая будет представлена на сайте Европейской конвенции о ландшафтах Совета Европы. База данных станет инструментальным средством обеспечения взаимной технической и научной поддержки через накопление данных и обмен опытом изучения ландшафтов, в соответствии со Статьей 8 Европейской конвенции о ландшафтах (по взаимопомощи и обмену информацией).

1. Ландшафтное планирование: ландшафтные планы и ландшафтные исследования как часть территориального планирования

Для решения ландшафтных проблем следует использовать процесс систематического ландшафтного планирования, адаптированного к разным административным уровням, от государственного до местного, применительно ко всей территории, включая городские и пригородные земли.

Этот процесс может принимать следующие формы:

а. собственно система ландшафтного планирования и ухода за ландшафтом, обеспеченная взаимосвязанными на разных административных уровнях механизмами и характеризующаяся оперативной самостоятельностью (ландшафтный план);

б. систематическое введение ландшафтной составляющей в процесс планирования на разных уровнях (государственном, региональном, местном), дополненное ландшафтными исследованиями с рекомендациями.

Общее пространственное планирование должно обязательно иметь ландшафтную составляющую.

Эти варианты иногда могут иметь место одновременно, даже внутри одного и того же государства.

В отношении планирования, интегрирующего ландшафтную составляющую, важно, чтобы постоянно проводились специальные исследования по изучению ландшафтов и предполагаемых воздействий на них.

По Конвенции, подобные исследования и направления должны предусматривать сохранение характерных особенностей территорий, качество которых уже признано высоким; обычное управление ландшафтами; и проекты оценки и реабилитации территорий.

Проекты должны включать:

- оперативные меры охраны, управления, планирования, оценки и реабилитации;
- образовательные и информационные меры по повышению осведомлённости населения и хозяйствующих субъектов;
- прямое участие местного населения и заинтересованных субъектов деятельности;
- механизмы слежения за изменениями и эффективностью применяемой на местах политики.

Ландшафтные планы и исследования оформляются в форме картографических документов и отчётов, с указанием задач и предложенных мероприятий.

В процессе планирования важно активно использовать такой механизм как предварительные «вертикальные» и «горизонтальные» согласительные процедуры между различными уровнями и отраслевыми органами территориального управления. Было бы полезно поддержать такую совместную работу мерами юридического и административного характера.

Эта совместная работа затрагивает разные стадии процесса разработки и осуществления ландшафтной политики, в особенности те, которые касаются знаний о ландшафтах, определения целевых показателей качества ландшафтов и решений в отношении ландшафтов, а также выполнения плана действий. Совместная работа предполагает согласованные права и обязанности для всех участников.

Желательно также установить сроки действия, проводить корректировку и обновление ландшафтных планов, а также учитывать такие факторы, как:

- скорость изменений на рассматриваемых территориях;
- реальные возможности вовлечения административных органов в разработку соответствующих механизмов;
- внимание общества к ландшафтным проблемам;
- возможности устойчивого развития, открывающиеся при определении целевых показателей качества ландшафта рассматриваемых территорий.

2. Включение ландшафтной составляющей в отраслевую политику

Особенно важно обратить внимание на следующее:

- все механизмы территориального планирования и ухода за ландшафтом, будь то отраслевые или связанные с частной собственностью, должны соответствовать положениям, которые содержатся в ландшафтных планах и исследованиях;
- все программы и инструменты территориального планирования, развития и управления должны постоянно включать ландшафтную составляющую;
- должны быть предусмотрены и выполнены многочисленные формы «вертикальных» и «горизонтальных» согласительных процедур между компетентными органами;
- интегрированный ландшафтный подход должен быть включён в используемые механизмы отраслевой деятельности на рассматриваемой территории.

В частности, ландшафтные планы и исследования должны быть включены в: программы по энергетике; инфраструктурные и транспортные проекты; планирование бассейнов речного стока; программы и проекты в области наследия и туризма; планы и финансовые инструменты в сельском хозяйстве и фермерстве; существующие формы охраны природы (например, парки, резерваты и т.д.).

Основные характеристики ландшафтного анализа и ландшафтного плана действий для включения в общее ландшафтное планирование и в отраслевые механизмы

Ниже представлено краткое содержание этапов ландшафтного планирования (ландшафтные планы, интеграция ландшафтной составляющей в процесс общего планирования). Также приведены детали процесса планирования отраслевых территориальных преобразований (отраслевые планы и проекты) и методы проведения согласительных процедур и переговоров (хартии, контракты, совместные стратегии).

1. В общем процессе изучения ландшафтов как целостной единой территории (идентификация, характеристика, оценка) осуществляется чёткое определение и разграничение ландшафтных комплексов.

Выражение «ландшафтный комплекс» используется для того, чтобы подчеркнуть значение комплексного изучения ландшафта. Было бы неправильно уделять внимание только одному виду анализа (например, экологическому, географическому, историческому, визуальному и т.д.). Поэтому может быть использовано несколько терминов, основанных на различных формах описания ландшафта и интерпретации мест, как это уже происходит в разных странах, например, территория, система, структура, элемент (не только территориальный, но также линейный, сетевой и т.д.).

2. Ландшафтный план или исследование должны устанавливать «целевые показатели качества ландшафта» для каждого ландшафтного комплекса. Это подразумевает:

- сохранение и поддержание характерных особенностей ландшафта (морфология, составляющие элементы, формы, цвета и т.д., принимая во внимание строительные материалы и технологии, символические особенности и т.д.);
- прогноз изменений ландшафта в сочетании с целевыми показателями качества ландшафта; эти изменения не должны влиять на качество ландшафта;
- оценку и реабилитацию деградированных или проблемных территорий в целях восстановления их прежних качеств или создания новых ландшафтов.

3. Ландшафтные планы и исследования должны содержать основные принципы, стратегии и задачи обеспечения качества ландшафта (охрана, управление, планирование, оценка), с особым вниманием к мерам поддержания значимости ландшафта, его общественного использования и доступности.

4. Ландшафтные планы и исследования должны также обеспечивать привлечение внимания к ландшафту, обучение и информирование населения и других участников, чья деятельность воздействует на ландшафт (экономисты, технологи, административные и властные структуры и т.д.).

5. Ландшафтные планы и исследования должны также предусматривать соглашения и способы финансирования, направленные на поддержание элементов ландшафта, на создание соответствующих структур, рекреационную и образовательную деятельность и т.д. — как за счет использования специально предназначенных фондов, так и с указанием возможности использования фондов других отраслей (таких как сельское хозяйство, туризм, культура, общественные работы и т.д.), а также через поощрение активного участия населения и неправительственных организаций.

6. В ландшафтных планах и исследованиях должны быть определены кратко- и среднесрочные программы осуществления планируемой деятельности с указанием исполнителей и средств исполнения.

7. Важнейшее значение имеет наличие средств мониторинга ландшафтных изменений и эффективности предпринимаемых действий. Мониторинг способствует ревизии и периодическому переопределению целевых показателей качества ландшафта, этапов ландшафтной политики и средств её реализации.

3. Хартии, контракты и общие стратегические планы

Механизмы согласования и ведения переговоров получили широкое распространение и стали обычными за несколько последних десятилетий — они могут быть использованы для решения ландшафтных вопросов и в этом уже накоплен некоторый позитивный опыт. В частности, в их состав включают узаконение процедур выявления и описания ландшафта, разработку и апробацию показателей качества, средне- и долгосрочные стратегии

контроля различных субъектов деятельности; взаимные обязательства по осуществлению ландшафтной политики на основе программы конкретных действий.

Различные административные органы отвечают за внедрение механизмов согласования в соответствии с их собственной спецификой. К их ответственности относятся установление инициативных групп, формы их привлечения, ведение переговоров и заключение контрактов, осуществление выбора стратегии, координация, соблюдение процессуальных норм по определению и осуществлению необходимых действий.

На основании имеющегося опыта можно утверждать, что следует придавать важное значение как можно более широкому вовлечению всех субъектов деятельности (общественных и частных, индивидуальных и коллективных, федерального, регионального и местного уровней, общих или отраслевых и т.д.), участием ландшафтных экспертов на разных этапах согласования, предоставлению общественности предварительных данных и обоснованию четкой системы взаимодействия. Предварительные согласительные процедуры между всеми субъектами деятельности необходимы для гарантии успеха, и они могут принимать разные формы.

4. Изучение воздействий на ландшафт

Европейский Союз установил процедуры изучения воздействий разрабатываемых проектов на окружающую среду. Это «Изучение воздействий на окружающую среду (EIS)» и «Стратегическая оценка окружающей среды (SEA)». Они являются очень полезными механизмами изучения прямого и косвенного влияния проектов на территорию и определяют меры, необходимые для снижения эффектов предполагаемого воздействия. Данные процедуры могут также использоваться в странах, которые не являются членами Европейского Союза. Однако имеющийся опыт указывает на часто встречающееся несоответствие применяемых методов анализа и оценки ландшафтной составляющей, которая часто рассматривается как отраслевой объект, относящийся к компонентам окружающей среды (то есть воздух, вода или почва), где для оценки во многих случаях привлекаются количественные показатели. Следовательно, необходимо разработать над-

лежащую качественную оценку последствий реализации различных проектов развития на ландшафт.

Необходимо внести изменения в эти процедуры для единой комплексной трактовки территориальных объектов.

Необходимо также вводить целевые показатели качества ландшафта (ландшафтные планы, планы развития и преобразования ландшафта и т.д.) в исследования по изучению воздействий на окружающую среду, чтобы разрабатываемые проекты стали, по возможности, совместимы с этими показателями.

В любом случае необходимо предпринять действия по устранению или компенсации любых негативных воздействий, оказываемых разрабатываемыми проектами на территорию или местность с точки зрения ландшафта и окружающей среды (по возможности, с интеграцией двух точек зрения).

Было бы полезным использовать руководящие принципы стратегической оценки (SEA) с целью тестирования и верификации планов и программ территориального планирования, так как такая оценка включает в себя комплексное рассмотрение ландшафта, и особенно его устойчивости к планируемым преобразованиям.

5. Оценка воздействия на ландшафт видов деятельности, не подлежащих изучению в рамках EIS и SEA

Все проекты развития, независимо от их типа, в том числе проекты местного уровня должны обращать внимание на качества ландшафта. Некоторые государства пользуются особыми механизмами в этой области. Оценка воздействия на ландшафт должна способствовать принятию соответствующих решений органами власти, обучению и повышению осведомлённости технического персонала, руководителей и частных лиц в процессе разработки проекта.

Поэтому необходимо установить специальные процедуры оценки для всех проектов, реализация которых требует официального разрешения, однако не подлежит процедуре оценок в рамках EIS или SEA.

Следует, однако, подчеркнуть, что необходимая документация и процедура оценки не могут быть слишком дорогими или технически сложными.

Ведь оценка воздействия на ландшафт должна проводиться для всех проектов по созданию инфраструктуры и строительства, должны быть разработаны специальная документация и процедуры, чтобы провести полный комплексный анализ взаимосвязей между рассматриваемой местностью и проектом развития.

Документация должна:

- содержать несколько вариантов проектных предложений (в условиях полного, частичного и/или альтернативного исполнения проекта), показывать, где возникают проблемы обзора и визуальной связи между отдельными местами или компонентами в границах обширных территорий; устанавливать связь с применяемыми материалами, окраской и строительными приёмами; характеризовать влияние на биотические и абиотические объекты;
- давать представление о состоянии участков и условиях проектирования до того, как проект выполнен; демонстрировать соответствие проектных характеристик условиям проектирования; моделировать вид местности на проектную перспективу;
- демонстрировать соответствие проекта целевым показателям качества ландшафта в составе механизмов ландшафтного планирования и преобразования (планы, хартии и т.д.) там, где они определены;
- оценивать влияние предполагаемого преобразования территории и окружающей среды, предусматривать, где это необходимо, меры по смягчению воздействий, которые обеспечат сохранение качества ландшафта, а также предусмотреть компенсационные меры поддержания качества окружающей среды.

6. Охраняемые местности и ландшафты

Важно поддержать политику, направленную на обеспечение качества территории в целом через исследования, планирование и управление обычными и даже деградированными участками местности, а не ограничиваться только выявлением и охраной выдающихся ландшафтов. Длительное время во многих странах создаются охраняемые территории, включая сохранение памятников культуры и природных территорий, однако этот подход уже не-

которое время проявляет признаки кризиса, особенно когда он превалирует над другими формами охраны ландшафтов. Пассивная охрана изолированных мест предоставляет в результате возможность управления и преобразования территории только специалистам и профессионалам.

При введении особых регламентов для охраняемых участков (или внесении поправок в действующие законы), необходимо достигать полного согласия в мотивации этих территориальных регламентов на основе:

- преэминентности общественных представлений, засвидетельствованных иконографией, рассказами путешественников, историческими документами и т.д.;
- новейших исследований;
- изучения современных культурных ценностей, уже замеченных специалистами, но пока ещё не воспринятых населением (современная архитектура, промышленная археология и пр.);
- изучения систем ценностей, особенно символических, которые приняты местными сообществами («малое» наследие; места, связанные с историей или местными легендами и т.д.).

Следует учитывать особенности каждого государства. Предпочтительно избегать мотиваций типа «живописный», «естественная красота» или «выдающийся», поскольку они относятся к культурным концепциям, характерным для законодательства по охране памятников и достопримечательных мест начала XX века. Аргументация, основанная на характерных особенностях местности, может быть дополнена или заменена обоснованием особой уязвимости (чувствительности) или рисках развития территории.

Для таких участков каждое государство в соответствии с поставленными задачами должно наиболее точно определить:

- общие и специальные меры и механизмы охраны, например: классификация или инвентаризация, использование существующих институциональных форм, таких как парки и резерваты (региональные парки, культурные и археологические резерваты и т.д.), создание новых механизмов охраны; другие охранные меры;
- характерные особенности механизмов постановки на учёт и охраны, например: описание участка и основные причины его охраны с официальным оповещением общественности.

Полезно установить специальные регламенты для каждого охраняемого участка в соответствии с его размерами, особенностями и т.д.; или же разработать специальные ландшафтные планы для всего участка или определенных особенных типов ландшафтов. Касающиеся их регламенты должны быть включены в документы ландшафтного планирования и устройства.

7. Взаимосвязь между ландшафтом и регламентацией в отношении историко-культурного наследия

Каждое государство обладает собственным законодательством, административной структурой и специальными механизмами для гарантии безопасности своего историко-культурного наследия, которое в настоящее время получает всё большее общественное внимание в соответствии с политикой в этой области, распространённой в Европе с конца XIX века. Ландшафтная составляющая также должна быть включена в эту сферу деятельности. Уместно обратить внимание, что охрана и содержание точечных, линейных и площадных объектов, которые составляют историко-культурное наследие (например, исторические центры, виллы, промышленная археология, сады и парки и т.д.), способствуют обогащению ландшафта.

Сохранение исторических памятников может быть предметом специальных планов или регламентов, предназначенных для поддержания физических, исторических, символических, визуальных и композиционных взаимосвязей с близким и отдалённым окружением объектов наследия. Иными словами, необходимо переключить фокус внимания (и, следовательно, меры охраны) с отдельных частных изолированных элементов на всю систему, в которой эти элементы — лишь составные части ландшафта.

Предполагается проводить совокупное выявление исторического наследия, обозначив его роль в системе исторических, материальных и нематериальных отношений; определить механизмы, способствующие его сохранению и приданию ему новой ценности (*валоризация*). Любые сооружения и земельные участки должны подпадать под действие механизмов, регулирующих предлагаемые преобразования (регламенты, специальные программы, включение в общее планирование и т.д.).

8. Ресурсы и финансирование

Для разработки и осуществления ландшафтной политики необходимы как финансовые, так и человеческие ресурсы.

Специальные ресурсы могут быть выделены с учреждением ландшафтных фондов на разных административных уровнях через государственное и частное финансирование (физические лица, ассоциации, фонды и т.д.). Включение ландшафтной составляющей в отраслевую политику (окружающая среда, туризм, сельское хозяйство, обслуживание населения, культура и т.д.) позволит одновременно использовать ресурсы этих отраслей для целей охраны, управления и планирования ландшафта.

Для повышения осведомлённости о ландшафтах при принятии решений на государственном и других уровнях могут быть применены специальные меры, включая налоговые вычеты и предоставление субвенций. Эти меры должны соответствовать разным типам ландшафтов, составляющим их элементам и механизмам реализации, а также потребностям заинтересованных местных сообществ (прямые стимулы).

Могут быть эффективными и другие виды стимулирования, например, техническая помощь в разработке планов и проектов, оценка (валоризация) территории в сфере туризма, поддержка производства высококачественной сельскохозяйственной продукции (непрямые стимулы).

Могут быть приняты специальные инициативы по поддержке сотрудничества с неправительственными организациями по разработке и осуществлению ландшафтной политики на разных административных уровнях и в связи с разными механизмами её реализации (планы, хартии и т.д.), а также разными фазами применения политики (охрана, управление и планирование).

В составе крупных государственных работ по строительству и техническому оснащению в бюджете может выделяться определённый процент финансирования на решение ландшафтных проблем. Такой подход уже реализуется в некоторых странах.

9. Ландшафтная премия Совета Европы

В отличие от других форм признания, которые большей частью обращают внимание на исключительную природу или ценность объектов (вне зависимости, унаследованы ли они или созданы недавно), Ландшафтная премия, предусмотренная Конвенцией, предназначена, главным образом, для привлечения внимания к значимости ландшафта, поскольку её цель состоит в признании выдающейся деятельности, осуществляемой государственными и неправительственными организациями.

Премия может быть присуждена на государственном, региональном и местном уровнях за выдающиеся достижения по восстановлению или сохранению находящихся под угрозой или деградированных ландшафтов; за деятельность, связанную с умелым современным управлением; разработку и реализацию ландшафтных и менеджмент-планов; успешный опыт привлечения к участию населения; повышение квалификации и профессиональное обучение; опыт проведения «горизонтальных» и «вертикальных» согласительных процедур в ландшафтном планировании и управлении; трансграничное сотрудничество; исследования, вовлекающие возможно большее количество руководящих экспертов, как на национальном, так и международном уровнях и т.д. Каждое государство могло бы учредить собственную ландшафтную премию, которая послужит средством предварительного отбора на участие в присуждении ландшафтной премии Совета Европы.

Государство может учредить национальную ландшафтную премию в соответствии с собственными представлениями, нуждами и возможностями. Таким образом, может быть определено как содержание премии (признание, финансовая, техническая и практическая поддержка деятельности и т.д.), так и форма представления результатов (выставки, презентации, публикации, другие события). Условия присуждения премии могут содержать указания на её периодичность, уровни и результаты деятельности; тематические категории; состав жюри и другие особенности.

Вместе с тем, рекомендуется присуждать государственные премии и премии иного административного уровня, ориентируясь на правила присуждения Ландшафтной премии Совета Европы в процессе согласованной совместной работы.

10. Ландшафтные обсерватории, центры и институты

Активные преобразования современных ландшафтов, а также многочисленные проблемы их охраны, управления и планирования, создают необходимость постоянного наблюдения и развития возможностей для обмена информацией — для достижения этих целей полезно создание ландшафтных обсерваторий, центров и институтов. Такие обсерватории, центры и институты позволяют вести наблюдение на основе единого протокола исследований с использованием различных индикаторов; они позволяют собирать данные и обмениваться информацией и опытом. Они могут быть независимыми или составлять часть более обширной системы наблюдений.

Такие обсерватории, центры и институты могут учреждаться на разных уровнях — местном, региональном, национальном, международном — и могут использовать взаимосвязанные системы наблюдений, обеспечивающие возможность постоянного информационного обмена. Благодаря этим учреждениям возможно:

- описывать состояние ландшафта в заданное время;
- обмениваться информацией о применяемой политике и опыте охраны, управления и планирования, общественного участия и их реализации на разных уровнях;
- использовать и, при необходимости, собирать исторические документы по ландшафтам, которые могли бы быть полезны для изучения процессов эволюции ландшафта (архивы, тексты, документы, иконография и т.д.);
- разрабатывать количественные и качественные индикаторы оценки эффективности ландшафтной политики;
- предоставлять данные для анализа наблюдаемых тенденций и моделирования перспективных сценариев и прогнозов.

Обмен информацией и опытом между государствами, регионами и территориальными сообществами, который уже имеет место, должен исходить из их самобытности и своеобразия, отражающего политический, социальный, экологический и культурный контекст исходного ландшафта.

Определение состава наблюдательных структур — дело административных органов, но они должны предоставлять возможность сотрудниче-

ства учёным, профессионалам и техническим специалистам, а также представителям общественности.

11. Отчёт о состоянии ландшафта и ландшафтной политике

На основе работы ландшафтных обсерваторий, центров и институтов государства и регионы должны с установленной периодичностью составлять отчёт о состоянии ландшафтов на своих территориях. Отчет должен содержать обзор проводимой политики с целью проверки эффективности законодательства и предпринимаемых действий по отношению к ландшафту.

В этом документе, составленном административными органами, ландшафтными обсерваториями, центрами и институтами и/или в сотрудничестве с другими организациями, нужно отразить, как актуальные изменения рассматриваемой территории согласуются с ландшафтными планами и применяемыми мерами; прояснить результаты, решения и проблемы, с которыми пришлось столкнуться, и наметить новые направления действий. Документ может быть самостоятельным или стать частью более общего отчёта, в котором особый раздел посвящён ландшафту. Однако он не должен заменять регулярных встреч, которые государствам следует проводить с целью осуществления Конвенции.

12. Трансграничные ландшафты

Трансграничное сотрудничество предполагает разработку и выполнение совместных программ по охране, управлению и планированию ландшафта и может принимать форму механизмов и мер, согласованных между властями (различных административных уровней общей или отраслевой компетенции) и заинтересованными сторонами в приграничных районах.

Трансграничное сотрудничество можно развивать как на основе территориальной близости, так и общих черт не только между соседними государствами, но также между соседними регионами и сообществами в одном государстве, где проводится различная ландшафтная политика.

13. Интернет-сайт и библиографические ссылки

На сайте Совета Европы www.coe.int/EuropeanLandscapeConvention размещены различные тематические отчёты, созданные с момента подписания Европейской ландшафтной конвенции 20 октября 2000 г., и материалы заседаний рабочих групп Совета Европы по осуществлению Европейской конвенции о ландшафтах.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ПРИМЕНЕНИЮ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЛАНДШАФТАХ НА НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Для использования в качестве руководства для органов государственной власти при осуществлении Европейской конвенции о ландшафтах

Введение

В соответствии с Европейской конвенцией о ландшафтах, данный руководящий документ предлагает нормативные и институциональные меры, которые могут быть предприняты на национальном уровне в целях содействия разработке, мониторингу и оценке ландшафтной политики. Каждый параграф непосредственно соотносится с соответствующими положениями конвенции.

Параграф 1 — Определения

В контексте данного руководящего документа:

а. «Ландшафт» означает часть территории, как она воспринимается населением в результате взаимодействия природных и/или человеческих факторов;

б. «Ландшафтная политика» означает определение уполномоченными органами общих принципов, стратегий и указаний, которые позволяют принимать специальные меры по охране, управлению и планированию ландшафта;

с. «Целевые показатели качества ландшафта» означает сформулированные уполномоченными органами пожелания населения в отношении ландшафтных характеристик конкретного ландшафта;

д. «Охрана ландшафта» означает целенаправленную деятельность по сохранению и поддержанию характеристик данного ландшафта, составляющих его ценность как наследия, которая есть результат его природного формирования и/или человеческой деятельности;

е. «Управление ландшафтом» означает действия, которые обеспечивают уход за ландшафтом, чтобы направлять и гармонизировать изменения, вызванные социальными, экономическими и экологическими процессами, с точки зрения устойчивого развития;

ф. «Планирование ландшафтов» означает активные целенаправленные действия по поддержанию, восстановлению или преобразованию ландшафтов.

Параграф 2 — Сфера применения Данного руководства относится ко всей территории государства и ко всем типам ландшафтов:

а. Оно распространяется на природные, сельские, городские и пригородные территории, а также на сушу, территориальные воды и прибрежные зоны, внутренние воды, заболоченные территории, реки и их притоки, озёра и пруды;

б. Оно касается как выдающихся и примечательных, так и обычных и деградированных, или нарушенных, ландшафтов.

Параграф 3 — Общие принципы

Общие принципы касаются всех органов государственной власти, ответственных за разработку и осуществление ландшафтной политики.

1. Юридическое признание ландшафтов

Ландшафты являются существенными компонентами среды жизни населения, а также проявлением разнообразия общего культурного и природного наследия и основой самобытности народов.

2. Права и обязанности

Охрана, управление и планирование ландшафтов влекут за собой права и обязанности для всех.

3. Включение ландшафтной составляющей

Органы власти на национальном, региональном и местном уровнях должны включать ландшафтную составляющую в отраслевую деятельность, которая прямо или косвенно влияет на ландшафт. Они также должны интегрировать ландшафтную составляющую в соответствующие правовые механизмы.

4. Общественное участие

Действия, связанные с подготовкой, осуществлением и контролем исполнения ландшафтной политики, должны предваряться и дополняться соответствующими процедурами по участию общественности и других заинтересованных сторон, предоставляющими возможность играть активную роль в определении целевых показателей качества ландшафта и осуществлении его охраны, управления и планирования. Для эффективного участия должны быть подготовлены общедоступные информационные материалы.

5. Знания, повышение осведомлённости, образование и профессиональная подготовка

- a. Ландшафты на всей территории должны быть детально исследованы.
- b. Действия по информированию и повышению осведомлённости о ландшафте должны быть организованы на всех территориальных уровнях.
- c. Программы начального и среднего образования должны включать доступные ландшафтные знания в рамках соответствующих дисциплин.
- d. Следует поощрять высшее специальное образование, направленное на охрану, управление и планирование ландшафта.
- e. Ландшафтная составляющая должна быть включена в курсы обучения специалистов в области пространственного планирования, градостроительства, культурной политики, охраны окружающей среды, сельскохозяйственной, социальной и экономической политики, а также в другие области, прямо или косвенно влияющие на ландшафт.

6. Ландшафтная политика

а. Ландшафтная политика предполагает активные действия по соблюдению требований к качеству ландшафта. Эти действия могут относиться к охране, управлению и планированию ландшафта и включают конкретные меры и процедуры, которые могут осуществляться раздельно или одновременно.

б. Каждый национальный, региональный и местный орган управления на своём уровне ответственности и в пределах своей компетенции определяет ландшафтную политику, заключающуюся в действиях по охране, управлению и планированию ландшафта. Эта политика должна сопровождаться идентификацией и оценкой ландшафта, основанной на достоверном знании характерных особенностей местности, чтобы определить общественную роль и значение ландшафта.

с. Различные уполномоченные органы на своих уровнях ответственности устанавливают целевые показатели качества ландшафта, выделяя отдельные характеристики и свойства рассматриваемых ландшафтов и определяя, какие шаги должны быть предприняты для их охраны, управления и планирования. Эти показатели включаются в документы пространственного и городского планирования и программные документы других отраслей.

д. Практические и юридические меры охраны, управления и планирования ландшафта должны вносить вклад в устойчивое развитие и, в особенности, быть совместимыми с защитой окружающей среды и приданием новой ценности (валоризацией) природному и культурному наследию.

Параграф 4 — Разделение ответственности и компетенции

а. Ландшафтная политика есть ответственность, которую разделяют между собой органы государственной, региональной и местной власти в соответствии с принципом субсидиарности.

б. Соответствующее профильное министерство

i. отвечает за осуществление ландшафтной политики и за межведомственную координацию в этой области;

ii. организует опрос общественного мнения и оценку ландшафтной политики при помощи специального органа;

iii. в сотрудничестве с другими министерствами и при участии общественности вырабатывает государственную ландшафтную стратегию, в которой сформулированы основные принципы ландшафтной политики и определены пути достижения поставленных задач по охране, управлению и планированию ландшафтов. Ландшафтная стратегия должна быть открытой и общественно значимой.

с. Министерства, чья деятельность влияет на ландшафт, должны поддерживать связь с департаментами, ответственными за осуществление ландшафтной политики в соответствии с принципами, воплощёнными в Параграфе 3, и регулярно отчитываться о своей ландшафтной деятельности.

d. В органах региональной и местной власти должен быть предусмотрен штат компетентных сотрудников, которые способны осуществлять ландшафтную политику в рамках своей ответственности, уделяя ей необходимое внимание на соответствующих территориальных уровнях.

РЕКОМЕНДАЦИИ
СОВЕТА ПО ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ
ПОЛИТИКЕ ПРИ ПРЕДСЕДАТЕЛЕ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИРОНОВЕ С.М.

НА ТЕМУ
«ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕРРИТОРИИ
КАК ОБЪЕКТ НАСЛЕДИЯ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ
И УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ»

(Москва, 7 июня 2010 года)

Участники заседания, всесторонне обсудив проблемы современного состояния нормативно-правовой базы в сфере сохранения и использования исторических территорий как особого типа территориальных комплексов культурного наследия и рассмотрев широкий круг вопросов, связанных с развитием, функционированием и управлением системы музеев-заповедников и других типов охраняемых исторических и природных территорий в Российской Федерации, отмечают чрезвычайную важность и актуальность этой темы для сохранения культурного наследия и социально-культурного развития страны.

Исторические территории формируют единый каркас культурного пространства страны во всём его богатстве и разнообразии. Законодательное обеспечение этой структуры — системы исторических территорий разных типов (исторические города, сельские поселения, старинные усадьбы, поля исторических сражений, исторические пути и дороги, исторические производственные территории, этно-экологические территории и пр.) позволит перейти к должной охране и адекватному использованию историко-культурных и природных ресурсов.

Вместе с тем в деле создания развёрнутой системы исторических территорий и развития на их основе особого типа учреждений (музеев-заповедников, музеев-усадьб и т.д.) существуют серьезные недостатки, связанные со слабым использованием территориального принципа в сохранении культурного наследия, недооценкой роли музеев-заповедников и

музеев-усадб в социально-экономическом и культурном развитии нашей страны, и — с нерешенностью ключевых законодательных вопросов, обеспечивающих создание и деятельность данных учреждений.

В законодательном обеспечении и реализации практических мероприятий формирование системы исторических территорий значительно уступает российским достижениям в сфере охраны природного наследия. В деле охраны природы уже давно принят и успешно реализуется Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях», сформирована развитая сеть государственных заповедников, заказников, национальных парков и других типов охраняемых природных территорий.

В деле охраны культурного наследия подобного закона нет. В законе 73-ФЗ чрезвычайно слабо прописаны правила выделения и охраны достопримечательных мест как одного из важнейших пространственных объектов культурного наследия. При этом вводится специальная глава об историко-культурных заповедниках, которая, как показал почти восьмилетний опыт, оказалась практически недееспособной.

В реальной практике сохранения исторических территорий существует только один тип учреждения культуры — музей-заповедник (музей-усадьба). Большая часть музеев-заповедников (музеев-усадб) была создана в 1970-е — 1980-е годы. Музеи-заповедники являются уникальными российскими учреждениями культуры. Они обеспечивают сохранность, восстановление, изучение и публичное представление целостных территориальных комплексов культурного и природного наследия, материальных и духовных ценностей в их традиционной исторической (культурной и природной) среде.

Однако этих учреждений крайне недостаточно — всего около 140 по всей России. Начиная со второй половины 1990-х годов, число музеев-заповедников фактически не изменилось. Существует также большая неравномерность в размещении и интенсивности использования потенциала музеев-заповедников. На музеи-заповедники и музеи-усадьбы Москвы и Санкт-Петербурга, а также Московской и Ленинградской областей приходится 24% данных учреждений и 53,5% их посещаемости. Музеи-заповедники практически отсутствуют в большинстве регионов Сибири и Дальнего Востока, хотя здесь существуют значительные ресурсы для их

организации (всего на территории Сибири и Дальнего Востока находятся 13 музеев-заповедников и музеев-усадоб или 9% от общего их числа по стране).

Даже в Европейской части России и на Урале, в некоторых областях, обладающих уникальными историко-культурными ресурсами, также нет ни одного музея-заповедника. Среди них, например, Тверская область (на территории которой находятся 14 исторических городов, большое количество старинных усадеб, другие интересные памятники истории и культуры), Пермская, Челябинская и другие области, богатые объектами историко-культурного наследия. **География музеев-заповедников в России может и должна быть гораздо обширнее, чем в настоящее время.** Совершенно неудовлетворительной является ситуация, при которой почти половина субъектов Российской Федерации не имеет подобного рода учреждений.

Помимо отсутствия разветвлённой сети музеев-заповедников следует отметить их **недостаточное типовое разнообразие.**

В Российской Федерации преобладают историко-архитектурные музеи-заповедники (созданные на базе исторических городов, монастырских комплексов или крупных архитектурных ансамблей) и мемориальные музеи-заповедники (созданные, как правило, на базе усадеб, связанных с жизнью и деятельностью выдающихся людей). Вместе с тем практически отсутствуют этнографические музеи-заповедники, которые ставили бы своей целью сохранение и представление традиционной культуры малочисленных народов или этнографических групп непосредственно в местах их проживания, хотя в последние годы мировое сообщество придаёт особое значение охране традиционной культуры в их исторической среде. Совершенно не развита сеть музеев-заповедников, сохраняющих промышленное наследие; в настоящее время действует только один музей-заповедник соответствующего профиля на базе прекратившего свою деятельность металлургического завода — «Нижнетагильский государственный музей-заповедник горно-заводского дела Среднего Урала». В Российской Федерации отсутствуют музеи-заповедники, имеющие в своей основе сохранившиеся фрагменты исторических дорог и каналов.

Только на нескольких ратных полях сражений созданы музеи-заповедники. Значительное же число полей воинской славы в России не

охраняется должным образом. Среди них, например, такие знаменитые места ратной славы Отечества, как место Невской битвы (в Ленинградской области) и Ледового побоища (в Псковской области). Слабо используется туристский потенциал памятников археологии, несмотря на огромный интерес российских граждан и зарубежных туристов к древнейшему и средневековому прошлому народов России.

Целесообразно расширить сеть музеев-усадьб. Российские усадьбы в своё время сформировали удивительный пласт культуры, который получил яркое отражение в национальном наследии. Сохранить оставшиеся крупницы усадебной культуры от полного уничтожения — обязанность современного поколения.

Сохранение комплекса архитектурных памятников, рядовой застройки, планировочной структуры, ландшафтного своеобразия необходимо во многих исторических поселениях России. В них должны сохраняться не только отдельные памятники архитектуры и градостроительства, но и образцы исторической застройки, и исторические ландшафты. Только в одном из городов — Ульяновске на базе музея-заповедника «Ульяновск — родина Ленина» сохраняется историческая застройка. К настоящему времени музеев-заповедников сформированы менее чем в 10% от общего числа исторических поселений.

Важную роль в сохранении исторических территорий играют национальные парки. На территории многих из них находятся уникальные памятники архитектуры, археологии, традиционные сельские ландшафты.

В последнее время возникли новые формы управления историко-культурными территориями, в том числе — и негосударственные, например, усадьбы Середниково в Московской области и Знаменское-Раёк в Тверской.

Для исторических территорий и, прежде всего, для действующих музеев-заповедников в силу характера комплексных проблем их формирования и развития оказалась совершенно не разработанной **законодательная база**. Законы «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» не фиксируют тако-

го феномена, хотя де-факто музеи-заповедники существуют уже несколько десятков лет.

Основными проблемами нормативно-правового обеспечения сохранения и использования исторических территорий и деятельности музеев-заповедников являются:

- отсутствие в правовом поле самого понятия «историческая территория»;
- отсутствие в правовом поле уже существующих де-факто музеев-заповедников;
- неотрегулированность отношений между органами исполнительной власти (федеральной, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований) в управлении историческими территориями, в том числе, музеями-заповедниками;
- отсутствие у дирекции музеев-заповедников реальных прав контроля за деятельностью хозяйствующих субъектов, юридических и физических лиц на территориях музеев-заповедников;
- отсутствие правовой базы развития творческо-производственной и предпринимательской деятельности как основы самофинансирования деятельности музеев-заповедников;
- отсутствие должного правового регулирования вопросов, связанных с привлечением спонсорской помощи и внебюджетных средств;
- неупорядоченность пользования объектами природного и культурного наследия, сосредоточенными в музеях-заповедниках, туристскими фирмами, паломническими центрами и другими пользователями;
- неразработанность системы государственного поощрения создания и поддержки деятельности музеев-заповедников, налогообложения, установки таможенных пошлин и сборов, связанных с развитием различных видов деятельности, необходимых для сохранения и использования культурного наследия на территории музеев-заповедников.

Музеи-заповедники, как территориальная форма охраны культурного наследия, фактически не имеют чётко прописанных оснований для развития на своей территории деятельности по сохранению культурных и природных ландшафтов, объектов культурного и природного наследия, возрождению традиционных производств, промыслов, ведения природоохранных, сельскохозяйственных работ и пр. Для улучшения обслуживания посетителей в

составе многих музеев-заповедников целесообразно создание собственных туристских гостиниц, экскурсионных и туристских служб. Все эти виды деятельности, осуществляемые музеем-заповедником как учреждением культуры, должны рассматриваться в качестве основных. Отсутствие чётких правовых оснований в этом отношении является препятствием в нормальном функционировании музеев-заповедников и источником многих проблем.

Несовершенство законодательства становится препятствием к развитию сети музеев-заповедников и других исторических территорий. Даже в тех местах, где разработаны предложения по организации новых музеев-заповедников, подготовлены грамотные перспективные программы их деятельности, органы культуры и местные администрации не решают эти вопросы. Чрезвычайно слабо ведутся работы по формированию системы достопримечательных мест.

Сложившаяся ситуация, препятствующая развитию сети российских музеев-заповедников, требует неотложного решения.

Руководствуясь чувством гражданского долга и высокой ответственности за судьбу отечественной культуры, признавая важнейшую роль исторических территорий и, прежде всего, музеев-заповедников в формировании нравственного, духовного и культурного потенциала общества и в целях обеспечения конституционного права граждан на участие в культурной жизни страны и доступа к культурным и природным ценностям участники заседания

РЕКОМЕНДУЮТ:

1. Федеральному собранию Российской Федерации

Поручить провести разработку и рассмотреть проект закона «Об особо охраняемых исторических территориях и музеях-заповедниках» как аналог существующего закона «Об особо охраняемых природных территориях» в практике охраны природного наследия.

2. Министерству иностранных дел Российской Федерации

Подписать Европейскую Конвенцию о ландшафтах и ратифицировать Мальтийскую конвенцию по археологии.

3. Министерству культуры Российской Федерации и Министерству природных ресурсов и экологии Российской Федерации

Организовать межведомственный совет по культурному и природному наследию.

4. Министерству культуры Российской Федерации:

1) В течение 2011 года утвердить в установленном порядке нормативно-правовые акты в сфере создания и обеспечения деятельности музеев-заповедников, предусмотренные действующим законодательством и об отнесении территории существующих музеев-заповедников к достопримечательным местам и (или) ансамблям, об установлении их границ, режимов содержания, охраны и использования, обеспечивающих сохранение целостных историко-культурных и природных комплексов.

2) Разработать проект закона «Об особо охраняемых исторических территориях и музеях-заповедниках» и представить его на рассмотрение и утверждение в Федеральное Собрание Российской Федерации.

3) Разработать Государственную программу формирования системы исторических территорий, достопримечательных мест и музеев-заповедников, представить её на рассмотрение в Правительство Российской Федерации и включить её отдельным разделом в федеральную целевую программу «Культура России».

4) Дать предложения по списку исторических поселений Российской Федерации, обеспечив расширение этого списка и определив законодательные основы статуса исторических поселений.

5. Министерству природных ресурсов и экологии Российской Федерации

Внести соответствующие поправки в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях», позволяющие обеспечить охрану культурных комплексов и объектов культурного наследия в границах исторических территорий и действующих музеев-заповедников.

6. Федеральному агентству по туризму

Сформировать общие планы Минкультуры России, Минприроды России и Ростуризма по развитию перспективной сети музеев-заповедников

и национальных парков и по созданию сети туристских центров. Пресмотреть проекты туристского развития во вновь создаваемых музеях-заповедниках, особенно в небольших исторических городах или исторических сельских поселениях. Создать необходимые условия для организации туристской деятельности на исторических территориях.

7. Министерству обороны Российской Федерации

Разработать перспективную программу создания музеев-заповедников на полях исторических сражений и оказать необходимое содействие в создании этих музеев-заповедников.

8. Министерству экономического развития Российской Федерации, Министерству промышленности и торговли Российской Федерации и Министерству регионального развития Российской Федерации

Разработать перспективную программу создания музеев-заповедников, связанных с промышленным наследием страны (территории старинных заводов, мест разработки полезных ископаемых, мест бытования самобытных исторических производств и промыслов), и оказать необходимое содействие в создании этих музеев-заповедников.

9. Министерству транспорта Российской Федерации

Разработать перспективную программу создания музеев-заповедников, связанных с историческими путями и дорогами (исторические участки железных дорог, водных каналов, другие старинные пути и тракты), и оказать необходимое содействие в создании этих музеев-заповедников.

10. Министерству финансов Российской Федерации

Проработать механизм получения музеями-заповедниками налоговых льгот, предусмотренных Налоговым кодексом Российской Федерации:

1) Следует установить, что деятельность музея-заповедника, направленная на сохранение и возрождение культурных ландшафтов, традиционного природопользования и исторических форм ведения сельского хозяйства, народных промыслов и производств, а также связанная с туристско-экскурсионным обслуживанием, должна учитываться в рамках

основной деятельности музея-заповедника и не рассматриваться как предпринимательская. Важно подчеркнуть, что возрождение ландшафтных особенностей территории, традиционного природопользования, исторического хозяйства для музеев-заповедников является неотъемлемой задачей сохранения культурного наследия наряду с реставрацией архитектурных памятников и сохранением мемориальных деталей внутреннего убранства или самого исторического места.

2) Разработать механизм кредитования на первоочередные мероприятия по созданию музеев-заповедников. Следует разработать порядок предоставления подобного целевого кредита под государственные гарантии для регионов или муниципалитетов, которые намерены реализовать планы создания музеев-заповедников, и порядок возврата кредита, при котором сумма погашения может сокращаться при достижении музеем-заповедником определённых целевых показателей.

11. Администрациям субъектов Российской Федерации

Осуществить разработку и реализацию региональной стратегии и целевых программ по формированию целостной системы исторических территорий, достопримечательных мест и формирования на их основе музеев-заповедников. Такая система должна включать исторические города и сельские поселения, мемориальные места, поля исторических сражений, старинные промышленные предприятия, исторические дороги, места, связанные с археологическим, этнографическим наследием и пр.

Формирование региональных программ позволит обеспечить грамотную политику в сфере сохранения и использования ресурсного потенциала исторических территорий.

12. Правительству Российской Федерации:

1) Рассмотреть на своём заседании Государственную программу формирования системы исторических территорий, достопримечательных мест и музеев-заповедников в развитие решения заседания Правительства Российской Федерации по вопросу «О мерах государственной поддержки музеев-заповедников и историко-культурных заповедников» (№46 от 1 декабря 2005 г.), а также заседания Государственного совета Российской

Федерации и Совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству (19 сентября 2009 г., Великий Новгород).

2) До принятия нормативных актов, устанавливающих режим содержания и использования земель музеев-заповедников, необходимо объявить мораторий на приватизацию и изменения в использовании земель и недвижимых объектов, расположенных в пределах территорий музеев-заповедников. В случае отсутствия утверждённых федеральными или региональными органами исполнительной власти границ территории музеев-заповедников, объявленный мораторий должен распространяться на объекты наследия, находящиеся в пользовании музеев-заповедников, и зоны их охраны. Должны быть приняты действенные меры по усилению контроля за новым строительством и реконструкцией существующих строений на территории поселений, расположенных в границах территории музеев-заповедников и зон их охраны.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Буторин Алексей Андреевич — директор Фонда «Охрана природного наследия».

Веденин Юрий Александрович — доктор географических наук, профессор, директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.

Ведерникова Наталья Михайловна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.

Глазунова Ольга Николаевна — старший научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.

Иванова Ирина Германовна — кандидат архитектуры, ведущий научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.

Калуцков Владимир Николаевич — доктор географических наук, старший научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.

Крогиус Владимир Ренэвич — кандидат архитектуры, заместитель директора Института реконструкции исторических городов (ИНРЕКОН).

Кулешова Марина Евгеньевна — кандидат географических наук, заведующий сектором Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.

Максаковский Николай Владимирович — кандидат географических наук, заведующий сектором Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.

Штеле Ольга Евгеньевна — кандидат географических наук, учёный секретарь Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.

Шульгин Павел Матвеевич — кандидат экономических наук, заместитель директора Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕДЕНИН Ю.А.

Проблемы сохранения и реконструкции культурного
ландшафта 3

МАКСАКОВСКИЙ Н.В.,

КРОГИУС В.Р., БУТОРИН А.А.

Проблемы управления всемирным наследием:
российский опыт в мировом контексте 22

КУЛЕШОВА М.Е.

Достопримечательные места и рекомендации
по их паспортизации 49

ШУЛЬГИН П.М., ИВАНОВА И.Г.,

КАЛУЦКОВ В.Н., ШТЕЛЕ О.Е.

Концепция развития Болгарского государственного
историко-архитектурного музея-заповедника 93

ГЛАЗУНОВА О.Н.

Пушкинские Горы. Ландшафтно-этнографический очерк 111

ВЕДЕРНИКОВА Н.М.

«Дом» как ключевое понятие в традиционной
казачьей культуре («дом» в романе М. Шолохова
«Тихий Дон») 172

Руководство по применению европейской конвенции о ландшафтах (новый международный документ в сфере сохранения наследия)	183
Рекомендации Совета по государственной культурной политике при Председателе Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации Миронове С.М. на тему «Исторические территории как объект наследия: законодательные и управленческие аспекты»	234
Сведения об авторах	244

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАСАЖЕНИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Информационный сборник
Выпуск № 17

Научный редактор Павел Иванович Игумов

Учреждено и издано
Редакционно-издательским советом
Российского научно-исследовательского института
климатологии и природной наследия
имени Д.С. Лихачёва

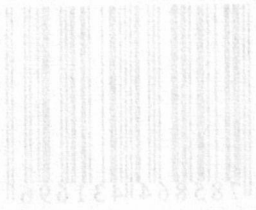
Адрес: ЛР № 020730 от 2 марта 1998 г.

Редактор Ю.Е. Виноградов
Адрес: индекс 125060, Москва, ул. Космодемьянская, 2
Тел. (4872) 47-08-71, факс (4872) 46-76-90
E-mail: sci-inf@mail.ru, <http://www.sci-inf.ru>

Индекс 00884 Г/16
Бюджетная организация
М.А. пр. д. 12, к. 100
Земля № 25, Ленинский район

Российский научно-исследовательский институт
климатологии и природной наследия
имени Д.С. Лихачёва
125060, Москва, ул. Космодемьянская, 2

1284 078-2-86443-169-6

НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Информационный сборник
Выпуск № 17

Научный редактор *Павел Матвеевич Шульгин*

Утверждено к печати
Редакционно-издательским советом
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия
имени Д.С. Лихачёва

Лицензия ЛР № 020730 от 3 марта 1998 г.

Редактор *Ю.Б. Виниченко*
Дизайн обложки *Н.П. Лакутина*

Формат 60×84 1/16. Гарнитура академическая.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,5. Тираж 500 экз.
Заказ № 55. Цена договорная.

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
имени Д.С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел.: (4872) 47-08-71, тел./факс: (4872) 49-76-96
E-mail: grif-tula@mail.ru, <http://www.grif-tula.ru>

ISBN 978-5-86443-169-6

9 785864 431696

